

Индекс 54916

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2015, № 1 (10)

Учредитель
**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

*Слепцов П.А. (гл. редактор), Андреева Т.Е., Антонов Е.П.,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), Бурцева Ж.В., Варламов А.Н.,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И.,
Ефремов Н.Н. (отв. секретарь), Жукова Л.Н., Игнатьева В.Б.,
Ларионова А.С., Попова Н.И. (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., Романова Л.Н.*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова, С.Д. Охлопкова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН,
2015

Index 54916

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published twice a year
2015, № 1 (10)

Founder

Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board:

Sleptsov P.A. (editor in chief), *Andreeva T.E.*, *Antonov E.P.*,
Boyakova S.I. (dep. editor in chief), *Burtseva Zh.V.*, *Varlamov A.N.*,
Vinokurova D.M., *Danilova N.I.*, *Efremov N.N.* (executive secretary),
Zhukova L.N., *Ignatjeva V.B.*, *Larionava A.S.*, *Popova N.I.* (dep. editor in chief),
Romanova E.N., *Romanova L.N.*

Editor: *N.I. Degtyarova*
English text: *O.N. Kochmar*
Makeup: *A.N. Stepanova*, *S.D. Okhlopkova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

© IHIPN SB RAS
2015

СОДЕРЖАНИЕ

70 лет Великой Победы

<i>Боякова С.И.</i> Ленд-лиз и Якутия: плавание на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны.....	6
<i>Винокурова Л.И.</i> Великая Победа в повседневном пространстве сельской Якутии.....	11
<i>Грязнухина М.Э.</i> Институт языка, литературы и истории в годы Великой Отечественной войны.....	18
<i>Самсонова Т.П.</i> Особенности современного освещения темы войны в якутской малой прозе.....	22

Ученые института – участники Великой Отечественной войны

<i>Иванов С.А.</i> Петр Петрович Барашков	26
<i>Петров П.П.</i> Роман Иннокентьевич Местников	29
<i>Слепцов П.А.</i> Николай Климович Антонов.....	32
<i>Кузьмина А.А.</i> Иннокентий Васильевич Пухов.....	35
<i>Васильева Д.Е.</i> Никита Петрович Канаев.....	37
<i>Петров П.П.</i> Захар Васильевич Гоголев.....	38
<i>Антонов Е.П.</i> Петр Спиридонович Софронеев	42
<i>Романова Л.Н., Васильева Д.Е.</i> Николай Захарович Копырин.....	45
<i>Васильева Д.Е.</i> Георгий Саввич Сыромятников	47
<i>Игнатьева В.Б.</i> Иван Александрович Аргунов	48
<i>Васильев И.Э.</i> Михаил Михайлович Федоров	50
<i>Егоров П.М.</i> Феодосий Семенович Донской	52

Исторические науки

<i>Алексеев А.Н.</i> О происхождении якутских чоронов.....	55
<i>Бравина Р.И.</i> Антропонимия якутов в трудах Ф.Г. Сафронова.....	61
<i>Васильев В.Е.</i> Имперская политика России в Якутии: взгляд этнографа на историю российского периода в северо-восточной Азии.....	66
<i>Кириллина М.А.</i> Особенности репертуара Якутского государственного драматического театра в 1925–1930-е гг. (по материалам периодической печати).....	71
<i>Сулейманов А.А.</i> Научное изучение юкагиров Якутии в 50-е гг. XX в.....	77
<i>Ширин Д.А., Максимова Т.П.</i> Арктика: коренные народы и международное сотрудничество 80–90-х гг. XX в.....	86

Филологические науки

<i>Иванова Н.И.</i> Социопсихолингвистический портрет редактора и ведущего НВК «Саха»: результаты мониторинга 2012–2013 гг.....	99
<i>Оконешников Е.И.</i> Интерпретационный тип словарей терминологической лексики якутского языка. 105	
<i>Шамина Л.А.</i> Аналитические конструкции со значением движения по направлению к цели в тувинском языке.....	108
<i>Шарина С.И.</i> Основные особенности верхнеколымского говора эвенского языка.....	115

Наши юбиляры

<i>Чарина О.И.</i> Анна Семеновна Ларионова (К 60-летию со дня рождения).....	119
<i>Николаева А.М.</i> Федор Николаевич Дьячковский (К 50-летию со дня рождения).....	121

Информация

<i>Рыкова В.В., Мандригина Л.А.</i> Информационное сопровождение научных исследований в гуманитарной сфере (опыт ГПНТБ СО РАН).....	123
<i>Винокурова Л.Е.</i> Круглый стол «Комплексное изучение развития территорий: исторический опыт и современные подходы».....	128
Сведения об авторах	131
Правила оформления рукописей.....	135

CONTENTS

70th Anniversary of the Great Victory

<i>Boyakova S.I.</i> Lend-Lease and Yakutia: sailing in the eastern sector of the Northern Sea Route in the Great Patriotic War.....	6
<i>Vinokurova L.I.</i> Great Victory in everyday space rural of Yakutia.....	11
<i>Gryaznukhina M.E.</i> Institute of Language, Literature and History in the Great Patriotic War.....	18
<i>Samsonova T.P.</i> Peculiarities of the theme of War in modern Yakut literature.....	22

The researches of the Institute participants of the Great Patriotic War

<i>Ivanov S.A.</i> Petr Petrovich Barashkov.....	26
<i>Petrov P.P.</i> Roman Innokentevich Mestnikov.....	29
<i>Sleptsov P.A.</i> Nikolay Klimovich Antonov.....	32
<i>Kuzmina A.A.</i> Innokinty Vasilevich Pukhov.....	35
<i>Vasileva D.E.</i> Nikita Petrovich Kanaev.....	37
<i>Petrov P.P.</i> Zakhar Vasilevich Gogolev.....	38
<i>Antonov E.P.</i> Petr Spiridonovich Sofroneev.....	42
<i>Romanova L.N., Vasileva D.E.</i> Nikolay Zakharovich Kopyrin.....	45
<i>Vasileva D.E.</i> Georgy Savvich Syromyatnikov.....	47
<i>Ignateva V.B.</i> Ivan Aleksandrovich Argunov.....	48
<i>Vasilev I.E.</i> Mikhail Mikhailovich Fedorov.....	50
<i>Egorov P.M.</i> Feodosy Semenovich Donskoy.....	52

Historical sciences

<i>Alekseev A.N.</i> About the origins of the Yakut chorons.....	55
<i>Bravina R.I.</i> Anthroponyms of Yakuts in the work of F.G. Safronov.....	61
<i>Vasilev V.E.</i> Russia's imperial policy in Yakutia: a view of the ethnographer in the history of the Russian period in the North-East Asia.....	66
<i>Kirillina M.A.</i> Features repertoire Yakut State Drama Theatre 1925–1930 (Based on the periodic)...	71
<i>Suleymanov A.A.</i> The scientific study of the Yukagirs of Yakutia in 1950.....	77
<i>Shirina D.A., Maksimova T.P.</i> Arctic: indigenous peoples and international cooperation 1980–1990	86

Philological sciences

<i>Ivanova N.I.</i> Sociopsycholinguistic portrait of an editor and news reporter NBC «Sakha»: 2012–2013 the results of monitoring.....	99
<i>Okoneshnikov E.I.</i> Interpretation type of dictionaries terminological vocabulary of the Yakut language.....	105
<i>Shamina L.A.</i> Analytical constructions with the meaning of movement towards the goal in the Tuvan language.....	108
<i>Sharina S.I.</i> The main features of the Verkhnekolymsky dialect of Even language.....	115

Anniversaries

<i>Charina O.I.</i> Anna Semenovna Larionova (to the 60 anniversary).....	119
<i>Nikolaeva A.M.</i> Fedor Nikolaevich Dyachkovsky (to the 50 anniversary).....	121

Information

<i>Rykova V.V., Mandrinina L.A.</i> Information support of scientific research in the humanitarian field (experience of SPSTL SB RAS).....	123
<i>Vinokurova L.E.</i> Roundtable discussion “A comprehensive study of the development of areas: historical experience and modern approach”.....	128
Information about authors.....	131
The manuscripts rules.....	135

70 лет Великой Победы

УДК 656.61(571.56-17)''1941/1945''

С.И. Боякова

Ленд-лиз и Якутия: плавание на восточном участке Северного морского пути в годы Великой Отечественной войны

В статье раскрываются малоизвестные страницы истории Великой Отечественной войны, связанные с грузоперевозками в рамках программы ленд-лиза из США через порты Тихого и Северного Ледовитого океанов. Рассматриваются вопросы организации, обслуживания, эксплуатации восточного участка Северного морского пути в условиях военного времени. Особое внимание уделено вкладу Якутии, его населения в обеспечение бесперебойной работы арктического маршрута ленд-лиза.

Ключевые слова: ленд-лиз, Северный морской путь, Великая Отечественная война, Якутия, порт Тикси, грузоперевозки.

История Второй мировой войны являет собой пример беспрецедентного сотрудничества стран-участниц антигитлеровской коалиции, когда угроза широкомасштабной фашистской агрессии заставила их сплотиться и объединить усилия против врага, отодвинув на второй план, казалось бы, непреодолимые идеологические противоречия. Общие цели позволили государствам с различным политическим строем выработать и относительно единую стратегию, важное место в которой занимала экономическая взаимопомощь. В основе последней лежали принципы американского закона о ленд-лизе (сдаче внаем или аренду). Сегодня уже никто не оспаривает, что поставка союзниками (а это более 30 стран) топлива, вооружения, продовольствия и т.д. оказала не только существенную экономическую, но и моральную поддержку Советскому Союзу в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны.

Долгие годы проблемы ленд-лиза в советской историографии Второй мировой войны оставались на периферии исследовательского интереса. Считалось, в соответствии с заявлением советского руководства времен «холодной войны», что эти поставки были, во-первых, незначительны (4% от всего военного производства СССР) и, во-вторых, низкого качества [Негенбля, Антонов,

Филиппов, 2012, с. 4–9]. При этом, однако, не учитывались такие виды поставок, как продовольствие, сырье и невоенное оборудование, составлявших подавляющее большинство всех ленд-лизовских поставок, а также соотношение между стоимостью рубля и доллара того времени.

Подобные методологические посылы определили на долгие годы замалчивание либо искаженное представление о ленд-лизе. Лишь в последние два десятилетия, с рассекречиванием российских архивов, открывшейся возможностью привлечения зарубежных источников, в том числе германских, в отечественной историографии появились специальные исследования, посвященные этой славной странице истории международного сотрудничества и боевого братства. Однако внимание историков было сосредоточено больше на операциях в западном секторе Арктики, где проведение союзных конвоев с ленд-лизовскими поставками сопровождалось военными действиями [Северные..., 1991–2000; Ларинцев, Супрун, 1996; Супрун, 1997; Манн, Йоргенсен, 2010; Бурков, 2011 и др.]. Что касается восточной Арктики, то здесь, благодаря усилиям, главным образом, якутских исследователей, прежде всего, И.Е. Негенбля и, в определенной мере, В.И. Пестерева, довольно подробно изучен один из двух воздуш-

© С.И. Боякова, 2015

ных маршрутов ленд-лиза – Аляска – Сибирь (Алсиб) [Лебедев, 1992; Пестерев, 1997; Негенбля, 2000; 2005; Негенбля, Антонов, Филиппова, 2012 и др.] (второй маршрут, как известно, проходил из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив). Изучение же тихоокеанских и арктических морских перевозок в годы Второй мировой войны по этой программе только начато [Руднев, 1995; Боякова, 2013].

Напомню, что в годы Второй мировой войны в Советский Союз союзниками по антигитлеровской коалиции в соответствии с программой ленд-лиза было отправлено почти 18 млн. т грузов, из которых более четверти – св. 4,5 млн. т. составили продукты питания, 3,6 млн. т – металлы, в основном для авиастроения, и рельсы, св. 2,3 млн. т – автомашины, около 1,3 млн. т – химическое сырье и взрывчатые вещества, почти столько же – машины и оборудование, 0,5 млн. т – железнодорожный подвижной состав. По ленд-лизу наша страна получила 12980 танков, 22206 боевых самолетов, 427386 грузовых автомобилей и 51000 джипов, 6135639 винтовок и пулеметов, 14000 орудий, 8000 тракторов и тягачей, 345 тыс. т боеприпасов и другое различное вооружение. Всего было завезено вооружения, боеприпасов, топлива и продовольствия на общую сумму 11 млрд. 260 млн. 544 тыс. долларов, в том числе на 9,8 млрд. долларов – из США [Зимонин, 2000, с. 8].

Эти поставки осуществлялись морским транспортом СССР пятью маршрутами:

1) с запада союзными морскими северными конвоями в порты Архангельск и Мурманск (22,7% перевозок);

2) из портов США в тихоокеанские порты Владивосток, Петропавловск-Камчатский и Николаевск-на-Амуре (47,1%);

3) через Персидский залив, Иран, Каспий (23,8%);

4) Северным морским путем с востока на запад (2,5%);

5) через порты Черного моря (стали возможны в 1945 г.) – 3,9% всех поставок в счет займа-аренды [Зимонин, 2000, с. 5–7].

Кроме того, как указывалось выше, существовало два воздушных маршрута, по которым перегонялись самолеты и, частично, в зимнее время перевозилось топливо.

Соотношение количества поставок и маршрутов менялось в зависимости от ситуации в театре боевых действий. Так, если в первые полгода Ве-

ликой Отечественной войны с июля по декабрь 1941 г. свыше 40% грузоперевозок в СССР из-за рубежа шло через Северную Атлантику в порты Мурманск и Архангельск, то в дальнейшем их доля в общем объеме поставок сократилась. С февраля же по ноябрь 1943 г. конвои через северные моря из-за активизации действий немецких военно-морских сил, особенно подводных лодок, вообще не проводились, и союзники предпочитали с весны 1943 г. доставлять оружие и снаряжение в СССР через Иран [Там же, с. 5]. Поэтому для обеспечения боевых действий и жизнедеятельности населения Советского Заполярья было решено активизировать перевозки Северным морским путем с востока на запад. Первые ленд-лизовские перевозки этим путем уже были осуществлены в 1942 г., когда шесть транспортных судов, следовавших из американских портов Сан-Франциско и Сиэтл в составе экспедиции особого назначения (ЭОН-18) по переводу военных кораблей с Дальнего Востока, прошли из бухты Провидения до Архангельска [Лузин, 2000, с. 97–98].

В мае 1943 г. по распоряжению советского правительства начальник Главсевморпути И.Д. Папанин был направлен на Дальний Восток для руководства арктической навигацией в восточном районе Арктики. Папанин энергично взялся за дело и, лично возглавив караван из судов, побывал практически во всех портах на трассе Северного морского пути от Провидения до бухты Нордвик [Папанин, 1977, с. 298–311]. По его распоряжению из Архангельска на Дальний Восток были направлены ледоколы «Красин», «А. Микоян» и «Л. Каганович». Значительно была усилена гидрографическая работа, увеличилось количество полярных станций. По сложившейся с довоенных лет традиции, трасса была разделена на два основных района: Западный и Восточный. В каждом районе имелся свой штаб морских операций, каждый из которых возглавляли известные морские капитаны М.П. Белоусов и А.П. Мелехов. В распоряжении штабов находилась вся научно-оперативная, авиационная и радиослужба Арктики. Операции в восточном секторе обслуживало синоптическое бюро, располагавшееся на мысе Шмидта. Оно обобщало метеоданные, поступавшие из полярных станций, и сообщало в штаб морских операций прогнозы погоды и ледовые условия [Дремлюг, 2000, с. 82–84].

Значительно улучшилось оснащение портов Тикси, Провидения и Амдерма, через которые поставлялось топливо для идущих по Северному морскому пути кораблей. Особое внимание уделялось Тикси, самому крупному на тот момент морскому порту Советской Арктики. В 1943 г. был запущен главный транспортер. В 1945 г. закончено строительство нового здания механических мастерских. К этому времени механизацией было охвачено около 90% работ. Начальником порта был назначен в 1942 г. А.Г. Костюк, руководивший до этого отделом портов ГУСМП, хорошо знавший работу всех арктических портов [Гуков, 2009, с. 26]. Для приема первых грузов, доставленных из США, и координации деятельности различных организаций во время навигации, в Тикси в 1943 г. был командирован начальник морского управления ГУСМП М.К. Петров. Речными операциями руководил Г.И. Граник, заместитель начальника Северо-Якутского речного управления (СЯРП) ГУСМП [Папанин, 1977, с. 307].

В период навигации работа в порту велась круглосуточно. В навигацию 1943 г. речным флотом СЯРП вместо запланированных 28601 т было перевезено 38773 т грузов, главным образом горючего для перегонной авиации, оборудования для оборонных предприятий, продовольствия [НА РС(Я). Ф. 499. Оп. 32. Д. 5. Л. 3]. Увеличение почти вдвое морских и речных перевозок потребовало значительного расширения топливной базы арктического пароходства. С этой целью была форсирована добыча угля на Сангарском руднике Главсевморпути, для чего были мобилизованы сотни девушек и женщин из якутских сел, а также летом 1942 г. доставлено 200 финнов-спецпереселенцев из Ленинградской области. В эксплуатацию были введены три новые шахты. Все это позволило уже в 1944 г. резко увеличить добычу угля с 88 тыс. т до 117 тыс. т, а в 1945 г. – до 133 тыс. т (для сравнения: в 1940 г. на шахте «Сангарская» было заготовлено 69,3 тыс. т угля) [Боякова, 2007, с. 76–79]. В годы Великой Отечественной войны началась эксплуатация Согинского угольного месторождения близ Тикси. С 1943 г. велась разработка оленекских богхедов. В Тикси был построен завод по переработке добываемых в устье Оленька богхедов в жидкое топливо. Уже в 1945 г. были доставлены первые 5758 т богхедов [НА РС(Я). Ф. 499. Оп. 32. Д. 7. Л. 6].

Трудовые мобилизации были проведены и для обеспечения погрузочно-разгрузочных работ в

порте Тикси. Так, только в навигацию 1942 г. из близлежащих к г. Якутску районов и частично Иркутской области было завезено 700 грузчиков. В период аврала к разгрузке судов привлекались рабочие Тиксистойрой, работники порта, сотрудники экспедиций Горно-геологического управления и гидробазы с членами семей [РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 869. Л. 44, 49]. Также для этих целей применялся труд заключенных лагерей. Причем, нередко встречались случаи, когда для разгрузки в Тикси привозили освобожденных из колымских лагерей заключенных, которых погружали на суда, якобы, для вывоза на Большую землю и, довезя до Тикси, высаживали, заставляя работать на разгрузке и переработке грузов. Естественно, отдача от таких рабочих была низкой [НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 64. Д. 7. Л. 9]. Руководство ГУСМП пыталось отказываться от такой рабсилы, требуя оставления и отправки части мобилизованных в Якутии молодых здоровых мужчин на разгрузочные работы в Тикси и в Якутске [РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 869. Л. 48об.], однако это удавалось ему лишь в единичных случаях.

Только в 1943 г. в порту Тикси было переработано 110 тыс. т ленд-лизских грузов, обслужено 68 морских, 35 речных самоходных судов и 117 несамоходных судов. В 1944 г. объем переработки достиг 188 тыс. т, в 1945 г. – 270 тыс. т [Стручков, 2005, с. 232; Бурков, 2011, с. 159]. Фактически, начиная с навигации 1943 г., завоз грузов в восточном секторе Арктики был переориентирован на импорт из США.

Для переработки этих грузов потребовалась и реконструкция работы речного транспорта Якутии. Основной речной порт республики – пристань Якутск, в 1942 г. имел всего 4 деревянных склада, общей вместимостью до 2000 т. В период ледохода склады постоянно повреждались и каждый раз отстраивались заново. Нехватка складских помещений вынуждала руководство пристани строить временные разборные сооружения – стеллажи, на которых покрытый брезентом хранился груз до переработки. Кадровые проблемы в связи с призывом большого числа грузчиков в действующую армию решались весной с помощью переселенцев и завербованных на рыбодобычу местных жителей, осенью же основной рабочей силой становились жители города, главным образом женщины и подростки, выходившие на разгрузку судов после трудовой смены по призыву партийно-комсомольских органов (рисунок).

Разгрузка судов, прибывших из порта Тикси с ленд-лизовским грузом, на пристани г. Якутска. Фотофонд НА РС (Я).

Кроме того женщины пополнили ряды кадровых рабочих. Так, только в навигацию 1942 г. было завербовано грузчиками 55 женщин [НА РС(Я). Ф. 499. Оп. 14. Д. 4. Л. 13]. С 1 апреля 1942 г. при затоне «Хатыстах» были открыты курсы женщин-матросов, на которые были зачислены первые 35 человек [Там же. Оп. 4. Д. 86. Л. 17]. 5 мая 1943 г. чрезвычайно ранний ледоход практически вывел из строя ленский флот, в связи с чем затон было решено перенести из Хатыстаха в Жатай. В Якутске остались лишь слесарно-ремонтные мастерские и пристанское хозяйство. В связи с увеличившимся грузопотоком на пристани было сооружено шесть причалов [Павлов, 2007, с. 234].

Плавание в восточном секторе Арктики были сопряжены не только с тяжелыми ледовыми условиями (особенно суровой была в этом отношении навигация 1944 г.), но и с прямой опасностью вследствие боевых действий немецких военно-морских сил, подводные лодки которых прорвались почти, по некоторым сведениям, до Таймыра. В северной части Тихого океана опасность представляли японские военные корабли. Поскольку Япония являлась союзницей Германии, она запретила проход через наиболее удобный в навигационном отношении пролив Лаперуза и незамерзающий Сангарский пролив, установила мины на основных судоходных путях; имели место случаи бомбардировки и торпедирования советских судов. Плавание кораблей США, находившихся в состоянии войны с Японией, были невозможны, поэтому здесь перевозки осуществлялись судами Дальневосточного морского пароходства под советским флагом и, в отличие от западного сектора, не конвоями, а в одиночку [Зимонин, 2000, с. 8–9]. Затем суда собирались в порте Провидения и отправлялись дальше уже конвоями на запад – к Архангельску или на юг – к Владивостоку.

С февраля 1943 г. перевозки морем наряду с судами Дальневосточного морского пароходства стали осуществляться поступающими по ленд-лизу крупнотоннажными сухогрузами типа «Либерти», массовое производство которых было налажено в Сан-Франциско. Поточное производство обеспечивалось максимальным упрощением конструкции и удешевлением стоимости строительства данного типа судна. При грузоподъемности в 10 тыс. т судно имело доковый вес всего 3,6 т благодаря тому, что было целиком сварным

и все оборудование и мебель в каютах были изготовлены из тонколистовой стали. Это обеспечивало и высокую безопасность в пожарном отношении, важную в условиях войны. Хотя машина обладала мощностью всего 2000 л.с., она позволяла достичь судну с грузом скорости в 12 узлов [Папанин, 1977, с. 301–302]. Пять пароходов типа «Либерти» были задействованы на северном ленд-лизе в восточном секторе Арктики [НА РС(Я). Ф. 3. Оп. 64. Д. 7. Л. 1].

Таким образом, северный маршрут ленд-лиза через Арктику при, казалось бы, незначительности своего объема в общей массе перевозок тем не менее имел важное значение для поддержания экономики страны в военное время, а в выше упоминавшийся период восьми месяцев 1943 г., когда вследствие господства на море немецких военно-морских сил были прекращены перевозки с Запада, являлся основным путем обеспечения морских портов Арктического побережья. Этим маршрутом было доставлено 452 тыс. т продовольствия, боеприпасов, нефтепродуктов, машин и оборудования для оборонной промышленности и населения Крайнего Севера.

Литература

- Боякова С.И. Шахта «Сангарская» // Кобяйский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007. – С. 72–86.
- Боякова С.И. Северный ленд-лиз: восточный участок Арктики // Трасса Аляска – Сибирь и ее роль в послевоенном развитии воздушного транспорта и в целом в социально-экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию перегонной трассы Аляска – Сибирь (Якутск, 1 ноября 2012 г.). – Якутск, 2013. – С. 37–41.
- Бурков Г.Д. Война в Арктике. – СПб.: ГНЦ РФ ААН ИИ, 2011.
- Война в Арктике (1939–1945 гг.). – Архангельск: Правда Севера, 2001.
- Гуков А.Ю. Черная Арктика. – М.: Принтком, 2009.
- Дремлюг В.В. Навигационно-гидрографическое обеспечение морских операций в Арктике. 1941–1945 гг. // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. – Вып. 4. – Архангельск, 2000.
- Зимонин В.П. Северные морские конвои в сравнении с другими маршрутами ленд-лиза // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. – Вып. 3. – М.: Андреевский флаг, 2000.
- Ларинцев Р.И., Супрун М.Н. Люфтваффе под Полярной звездой: Потери ВВС Германии на Крайнем Севере. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1996.
- Лебедев И.П. «Кобры» летят к фронту. Авиацион-

ный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1992.

Лузин Д.Ю. Северный морской путь в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. – Вып. 4. – Архангельск, 2000.

Манн К., Йоргенсен К. Война в Арктике: боевые операции немецких войск на Крайнем Севере. 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2010.

Негенбля И.Е. Аляска – Сибирь. Трасса мужества. – Якутск: Якутский край, 2000.

Негенбля И.Е. Аляска – Сибирь. Над тундрой и тайгой. – Якутск: Бичик, 2005.

Негенбля И.Е., Антонов Ю.К., Филиппов В.В. Трасса мужества Аляска – Сибирь. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2012.

Павлов А.С. Ленское речное пароходство // Город Якутск: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2007.

Папанин И.Д. Лед и пламень. – М.: Политиздат, 1977.

Пестерев В.И. Хроника авиации Якутии (1921–1987). – Новосибирск: ЭКОР, 1997.

Руднев Г.А. На морских дорогах войны. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1995.

Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. – Вып. 1–4. – М.; Архангельск: Андреевский флаг, 1991–2000.

Стручков А.И. Очерки по истории Булунского улуса. – Якутск: Бичик, 2005.

Сунрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945. – М.: Андреевский флаг, 1997.

S.I. Boyakova

Lend-Lease and Yakutia: sailing in the eastern sector of the Northern Sea Route in the Great Patriotic War

The article reveals the unknown facts of the Great Patriotic War, associated with freight under the lend-lease from the US through the ports of the Pacific and Arctic oceans. The organization, maintenance and operation of the eastern section of the Northern Sea route during the war are considered. Particular attention is paid to the contribution of Yakutia and population in work of the lend-lease Arctic route.

Keywords: lend-lease, the Northern Sea route, the Great Patriotic War, Yakutia, the port of Tiksi, trucking.

УДК 94(1-22)(571.56)

Л.И. Винокурова

Великая Победа в повседневном пространстве сельской Якутии

В статье рассмотрено присутствие памяти победы в Великой Отечественной войне в пространстве сельской повседневности Якутии. На базе привлечения комплекса опубликованного архивного и полевого авторского материала, в т. ч. впервые вводимого в научный оборот, освещены истоки возникновения и значение «мест памяти» Победы в сельской Якутии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «места памяти», сельская Якутия, пространство повседневности.

Чем дальше по времени уходят в историю 1941–1945-е годы, тем становится яснее, что для россиян «нет более объединяющей всех ценности, кроме Победы в Великой Отечественной войне» [Сенявский, 2010, с.18]. О цене этой победы говорят, размышляют, спорят не одно десятилетие. В громадной многоязычной и многонациональной стране та старая, отгремевшая 70 лет на-

зад, война оставила неизгладимый след в социально-экономическом и демографическом развитии. По существу память о Великой Отечественной войне давно стала неразрывной материальной и духовной составляющей культурного ландшафта всех регионов Российской Федерации.

Война и победа – тема особенная и для Якутии, казалось бы расположенной в глубоком тылу,

поэтому далекой от военных действий Великой Отечественной войны. Якутская АССР в 1941–1945 гг. действительно, в силу своего географического расположения, не была территорией боевых действий ни Западного, ни Восточного фронтов. При этом велика сопричастность всего населения Республики Саха (Якутия) к общему прошлому, неразрывна многовековая связь Якутии с историей большой страны.

Как известно, в СССР крупные комплексы памяти войны и победы в основном были воздвигнуты в периоды празднования юбилейных дат. Наибольшее число сооружений относится к периоду после двадцатилетия Победы в 1965 г. До этого визуальными символами воинской славы и скорбной памяти служили единичные, но известные всему миру памятник советскому воину-освободителю в Берлине и Пискаревское кладбище в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург. – Л.В.). В 1965 г. крепостью-героем была объявлена Брестская крепость, увековечение памяти войны по стране начинает набирать новую высоту. К 50-летней годовщине Октябрьской революции в 1967 г. было завершено строительство грандиозного комплекса в честь защитников Сталинграда. Так государство определило монументальное место и значение Победы в культурном ландшафте страны, заложив основные каноны поклонения победителям.

В столице республики Якутске также постепенно расширялось место ежегодного празднования Дня победы. Небольшая центральная площадь имени Ленина оказалась непригодной для многолюдного шествия, массового гулянья, которые стали частью праздника. В 1975 г. был открыт новый комплексный памятник, куда с течением времени были перенесены основные мероприятия; сформировалась городская Площадь победы. Не прерывалась никогда традиция отмечать День победы и в сельской Якутии. В первые десятилетия после завершения войны этот день в сельских семьях Якутии, как и везде по России, отмечался очень скромно. Поминование погибших на войне и умерших демобилизованных солдат было обязательной частью любых коллективных сборов, связанных с войной и победой. В частности, наши информанты упоминают, что День Советской Армии и Военно-Морского Флота – 23 февраля и День Победы – 9 мая длительное время были датами официальных сельских собраний в клубе, иногда переходящих

в обсуждение текущих производственных дел и принятие новых планов. Как правило, проходило чествование фронтовиков, кто-нибудь из них выступал с краткой речью. Часто объявляли минуту молчания в память о погибших на фронте и умерших от ран после войны. В культурном тексте этих праздников упоминался не только ратный, но и труд в тылу. Но наиболее тяжелые стороны тыловой жизни публично практически не озвучивались, были своеобразным социальным табу [ПМА, записи № 1, 2, 3].

Тяготы сельской жизни в военные годы длительное время упоминались в разговорах приватной сферы, и даже здесь ограничивались сюжеты и рамки обсуждения. Феномен умолчания в якутской сельской повседневности – отдельная большая тема, здесь нас интересует военная тема в повседневном общении. Как вспоминают информанты, «... во время несправедного досуга, разговоры велись на самые разные темы. Они были “вкраплены” во время дневного и послеобеденного отдыха, но перед отходом ко сну беседовали более продолжительно и основательно. “О чем говорили? Да обо всем... Шутили, подсмеивались над незадачливыми товарищами, казусными ситуациями. Не было никакого сквернословия, по крайней мере, при людях даже острые на язык молодые мужчины следили за речью... Иногда обсуждали политику, почему-то больше международную. Очень жалели угнетаемых негров, эксплуатируемых рабочих зарубежных стран. Еще побаивались возможности новых войн...”» [Винокурова, 2010, с. 28].

Война, как пережитый опыт и вероятная опасность, всегда присутствовала в общении сельчан. Во время перерывов и отдыха на производстве, общения с соседями и домочадцами обсуждались текущие дела и будущность родных сел. Актуальной темой второй половины 1960-х была угроза закрытия «неперспективных» сел – переноса сел, переезда жителей в другое место. И в этой связи также всплывала тема войны – в памяти сельских жителей еще были свежи события, связанные с вынужденным переселением в голодные годы во время Великой Отечественной войны. «Только в войну нам приказывали покинуть родные места... неужели снова повторится?», – вопрошали друг друга жители небольших якутских сел [ПМА, запись № 4].

Военные годы – незабываемый трагический период для всей России. Якутии пришлось ре-

шать социально-экономические задачи военного времени в исключительно неблагоприятных условиях: были оккупированы и оказались фронтовой территорией индустриально развитые районы страны, ранее снабжавшие техникой, промышленными товарами и продуктами. Основа жизнедеятельности коренного населения – сельское хозяйство, основанное на традиционном природопользовании в условиях вечной мерзлоты, к началу войны было ослаблено длительной сильной засухой. Опубликованные архивные документы свидетельствуют о крайне невысокой оплате труда, отсутствии личного поголовья мясо-молочного скота, о тяжелых трудовых повинностях якутских колхозников, в частности, об обязательных грузоперевозках для продснабов Лензолото и Алданзолото. Во многих районах засуха сочеталась с заморозками, что усугубило материальное положение колхозов. Весьма показательно секретное письмо от 29 октября 1940 г. зампреда СНК Якутской АССР И.Е. Винокурова к первому секретарю обкома КПСС о том, что «исключительная неурожайность как хлеба, так и трав 1939 г., отмечающаяся повсеместно в республике, как Вам известно, нанесла огромный удар по сельскому хозяйству...», «...мало где колхозники на трудодни получили хлеб и сено» [Трудный путь..., 2012, с. 17]. Один из руководителей республики, владеющий полной информацией по сельской местности, просил «указать районам на неправильность абсолютного запрещения распределять продукты животноводства по трудодням» и специально организовать в колхозах охоту на дичь и подледный лов рыбы. По существу, зампред правительства сигнализировал, что неблагоприятные природно-погодные условия в сочетании с жесткой политикой ограничений привели к обнищанию и недоеданию на селе.

Война поставила новую задачу перед экономикой республики – продолжить развитие основных отраслей и обеспечить нужды фронта. И это в условиях резкого дефицита рабочих рук после массовой мобилизации в действующую армию наиболее трудоспособных лиц. По республике было призвано 62 тыс. чел., из столичного Якутска и центральных районов было мобилизовано около 45 тыс. чел. Принимая во внимание небольшую численность населения в 1940 г., в частности, всего 10 тыс. чел. обоюбого пола всех возрастов в Амгинском районе, в Усть-Алданском – около 17 тыс., в Мегино-Кангаласском – в преде-

лах 20 тыс. чел. [Трудный путь..., 2012, с. 24–26], можно сказать, что из сельскохозяйственных районов на фронт ушли практически все мужчины, способные носить оружие. Информанты вспоминают, что в военные годы еще более ужесточилась трудовая дисциплина в колхозах, что подтверждается документально, так, показательны факты привлечения к уголовной ответственности колхозников в возрасте 67, 70 и 87 лет за невыработку обязательного минимума трудодней [Там же, с. 402–403].

Если в колхозах Якутии в 1940 г. работало 41,3 тыс. мужчин, то в 1945 г. их было только 18,6 тыс. [Аргунов, 1988, с. 98], включая юношей, стариков и демобилизованных по ранениям. «Из первого хомура (массового призыва. – Л.В.) погибли многие, а ведь столько молодых парней ушло добровольцами. Как мы хотели, чтобы они вернулись живыми! Ничего не жалели, бабушка на оборону даже серьги из ушей сняла, отдала», – сказала женщина 1929 г. рождения [ПМА, запись № 5]. В фонд будущей Победы в якутских селах сдавали практически все, что имели. Как видно из документов, например, в Вилюйском «в фонд обороны женщины из колхоза имени Кагановича сдали 3 куска мыла, 6 тетрадей, 5 карандашей, 1 кيسет, 1 носовой платок и 3 иголки для шитья» (последние были в деревнях ценностью еще полтора десятилетия. – Л.В.). Среди архивных документов встречается справка о сданных в фонд обороны нательном кресте и паре серебряных колец [Трудный путь..., 2012, с. 162, 197]. Ассортимент вещей отражает уровень благосостояния сельчан, они несли последнее, что представляло какую-то товарную ценность.

Всего в годы войны якутяне добровольно пожертвовали средств на сумму более 90 млн руб., в т.ч. около 40 млн именно в фонд обороны (в существующей литературе данные разнятся от 37,7 млн до 46 млн руб. – Л.В.) [Петров, 1992, с. 203], на строительство боевой техники, включая танковую колонну «Советская Якутия», – 27 млн руб. Также собрано 6 млн руб. на подарки солдатам Красной армии, 3,6 млн руб. – в помощь освобожденным от фашистской оккупации согражданам. Еще на 237,6 млн население подписалось на государственные займы и приобрело лотереи [Там же, с. 233]. При этом сельская Якутия жила обычной жизнью многострадальной колхозной России, в военных условиях труда и быта. В случае падежа колхозного скота, например, следова-

ло возместить его стоимость в денежном эквиваленте, а также можно было понести уголовную ответственность. Несмотря на самоотверженный труд людей, в условиях бескормицы и нехватки рабочих рук сельское хозяйство несло большие потери: рассекреченный протокол от 24 мая 1943 г. заседания пленума обкома ВКП(б) содержит, в частности, цифры потерь в животноводстве – 223 тыс. голов скота за три года войны [Трудный путь..., 2012, с. 311–314]. Известный лозунг «Все для фронта, все для Победы» был правилом жизни якутских сел незабываемые четыре года. Победа 1945 г. была долгожданной и драгоценной для всех.

С течением времени юбилейные даты стали отмечаться в масштабе страны с большим размахом, с регулярной и хорошо организованной пропагандистской кампанией освещения истории военных побед, празднование 9 мая превратилось в ежегодный ритуал. Понятно, что его проведение видоизменялось только с учетом численности населения и специфики местности. В районных центрах или в крупных селах Якутии к знаменательным датам – 25-летию и 30-летию Победы были возведены памятные сооружения в виде стел, обелисков и других скульптурных форм (фото 1). Сельское пространство «мест памяти» дополнилось и архитектурно обогатилось новыми объектами. Эти памятники расширили основу визуальной сети, служащей каркасом хранения не только коллективной, но и приватной, личной памяти.

Фото 1. «Стена славы» – имена фронтовиков в памятном комплексе в местности Бахсы в Чурапчинском улусе РС(Я). Снимок Л.И. Винокуровой

В маленьких и отдалённых селах по объективным причинам не строили крупных дорогостоящих объектов, здесь в основном устанавливали небольшие памятники в деревянном исполнении. Они «вписывались» в общую сеть сельских «мест памяти» о войне и победе 1945 г. Существовавшие ранее места памяти о войне в таких якутских селах можно условно сгруппировать на: а) символичные знаки, официально установленные в населенных пунктах к празднованию Дня Победы; б) самодеятельные, импровизированные памятники, неофициально установленные в разное время. Первые были представлены в виде памятных стел с надписью, зачастую расположенных возле административных или культурно-просветительских учреждений села. Большое распространение получили памятные коновязи-сэргэ с соответствующей надписью на месте проведения праздника ысыах (фото 2).

Фото 2. Памятник воинам-фронтовикам в Бэрт-Усовском наслеге Усть-Алданского улуса РС(Я)

В этом проявилась национальная традиция устанавливать коновязи сэргэ в дни особых торжеств и знаменательных событий – первые были установлены еще в 1945 г. на легендарных ысыахах Победы. В то лето люди воздвигали нарядные якутские сэргэ по всей Якутии: «...была полностью украшена трибуна, с восточной стороны поставлены 9 сэргэ, орнаментированных старинными узорами, наверх которых украсили головы коней и чороны. Рядом поставили древнее оружие – пальмы, копьё», – докладывали из колхоза имени Калинина Чочуйского наслега в Вилюйский райком партии [Трудный путь..., 2012, с. 443–444]. Приведенный пример декора празд-

Фото 3. Типичное оформление памятников солдатам ВОВ в сельской местности Якутии (фрагмент памятника фронтовикам в местности Бахсы Чурапчинского улуса РС(Я)). Здесь никто не живет (поселок в 5 км), сюда приходят поклониться

ничной советской трибуны отражает, на наш взгляд, часть традиционного уважения подвига. Снаряжение воина, коновязи для него и его боевых друзей, пусть и не вернувшихся, но вечно живых для своих земляков – так оформлялся праздник Победы в сельской Якутии. Отметим, что пальма (якутская батыйа) нам нередко встречалась в памятных комплексах воинской славы.

В сельских улусах существует вторая группа памятных мест, обозначенная обычно на уровне локального сообщества, иногда даже отдельными родственными семьями, что обусловлено довоенной структурой расселения по аласным домохозяйствам. Данные места часто связаны с проводами на фронт, иногда же с родовыми землями тех солдат, которые не вернулись (фото 3).

Часто они обозначены памятными знаками в виде небольших сэргэ, столбов с памятными досками. Информанты свидетельствуют, что первоначально места поклонения не были маркированы: «Просто все знали, что отсюда наши уходили на войну. Иногда привязывали к веткам деревьев в тех местах лоскутки ткани и обязательно останавливались, чтобы молча почтить память ушедших...» [ПМА, запись № 6]. Со временем в сельской местности такие памятные места обзавелись мемориальными досками и указателями, но сохранили свой менее официальный характер (фото 4).

Подобные места памяти могут и не включаться в ежегодный официальный церемониал празд-

Фото 4 «Проводы на фронт» – фрагмент памятника в с. Балыктах Мегино-Кангаласского улуса РС(Я)

нования, так как чаще всего расположены на удалении, окраине поселений. Но они значимы в восприятии окружающей повседневности, охраняются общественным мнением и поддержкой сельских социумов. В селах Якутии такие точки *начала* фронтовых дорог остались неприкосновенными святынями до XXI в. Например, при выезде из центра Усть-Алданского улуса села Борогон обозначено место, где в годы войны собирались мобилизованные со всей округи, чтобы идти до Соттинской пристани на реке Лена. С высоты своеобразного мыса на берегу обширной чаши озера Мюрю уходящий мог оглядеть взглядом всю свою малую родину, кто-то – в последний раз в своей жизни. Местные жители поставили здесь знак и название закрепилось: «Саллаат тумуһа» – Солдатский мыс (фото 5).

«С группой труда был в 1971 году наш дядя в городе Волгограде. Ездили смотреть знаменитый Курган Славы. По приезду рассказывал в клубе, что золотыми буквами на высоченных стенах написаны сотни и тысячи фамилий защитников Сталинграда. И нашел он там знакомые имена...», – рассказывала жительница маленького села в Центральной Якутии [ПМА, запись № 4]. В данном селе с населением менее 300 чел. памятник в виде деревянной башни-часовенки со звездой на крыше был построен во дворе школы в 1975 г. ко дню Победы. До этого имена солдат, сражавшихся в Великой Отечественной войне, обычно заноси-

Фото 5. «Солдатский мыс» – памятное место проводов фронтовиков, с. Борогонцы Усть-Алданского улуса РС(Я)

Фото 6. Памятник И.М. Находкину, с. Матта Мегино-Кангаласского улуса РС(Я)

лись на стенды в помещениях сельского клуба и местной школы. Отметим, что в каждом классе малокомплектной школы был уголок Славы с обязательной фотографией ветеранов, вернувшихся с войны. Фото погибших солдат не всегда сохранились, в отдаленных селах в довоенное время услуги фотографа были событием.

Есть и не совсем типичные памятники в якутских селах. Например, в Мегино-Кангаласском улусе Республики Саха (Якутия) в комплекс воинской славы солдат Отечественной включен бюст И.М. Находкину, председателю колхозов имени Молотова и «Коммуна суола» («Путь к коммуне») в военные годы. Благодарные земляки поставили ему памятник к 50-летию Победы, отдав долг его гражданскому подвигу, – он спас от голодной смерти многих, на свой страх и риск подкармливая всеми возможными и невозможными способами голодающих колхозников (фото 6). О сельских руководителях, которые забивали колхозный скот, чтобы накормить детей и женщин, свидетельствуют информанты целого ряда сел [ПМА, записи № 1–6]. При этом упоминают и тех, кто поплатился за это тюрьмой и гибелью, потомки таких людей до настоящего времени пользуются уважением и благодарностью старожиллов, особенно в маленьких отдаленных селах.

За такими памятниками стоит обыденная трагедия якутских сел, где по законам военного времени бригадиру и председателю за инициативную помощь голодающим односельчанам из колхозного имущества можно было поплатиться свободой.

Не зря они писали обращения, отчаянные по содержанию, в вышестоящие органы, начиная с районных исполкомов: «...члены нашего колхоза Семенов Семен, Борисов Филипп, Тихонов Тарас, Семенова Матрена совершенно опухли от голода и лежат. Много и других таких. Главная причина в том, что мы 5 лет не получали доходов... Не знаю, чем помочь людям, прошу указаний...» [Трудный путь..., 2012, с. 367].

Матери и многие вдовы павших солдат, вынесшие голодовки и непосильный труд, состарились раньше времени и давно умерли. Еще пять лет назад во время автопробега «Дорогами славы отцов» по Западной Якутии на встречи в районных центрах приходили только 3–4 оставшихся в живых участника Великой Отечественной войны и упоминались единичные вдовы войны. Сегодня, по данным социальной службы ветеранов, в Республике Саха (Якутия) осталось 236 живых участников войны. В селах еще живут семьи солдат Великой Победы, хотя многие ветераны переехали в благоустроенное жилье в райцентр или в города.

На наш взгляд, именно в культурном ландшафте сельской Якутии «места памяти», связанные с победой, в силу объективных обстоятельств менее официозны, более близки к повседневной жизни. Они более открыты для восприятия их в качестве компонентов родовой, семейной и индивидуальной памяти. Доступность и открытость мест памяти широко используется в сельской педагогической практике (фото 7). Наш опыт работы в федеральной программе «Шаг в будущее»

показывает, что тема Великой Отечественной и Победы присутствует в региональных школьных конференциях независимо от географии улусов или юбилейных дат.

Фото 7. Почетный караул школьников у памятника фронтовикам в с. Сунтар Сунтарского улуса РС(Я). 2010 г.

Память войны для небольшого по численности народа – почти персонифицированная память потерь. Война «усекла» целые ветви генеалогических древ в якутских селах: читателю любого из томов истории улусов невозможно не заметить, что на алтарь победы были положены жизни сотен и тысяч сельских якутов, иногда целыми семьями призванных защитить Отечество [Мегино-Кангаласский..., 2001, с. 126; Сунтарский..., 2006, с. 105, 108]. До сих пор в якутских селах старшее поколение горестно поминает их: «...у моего отца воевали родные братья. Один погиб в первый же месяц на фронте, а второй под Сталинградом пропал без вести. В 43-м его родители умерли от голода. Полуживой от недоедания десятилетний отец зимой дошел до соседей, живущих в 7 верстах в другом аласе, там старики его взяли к себе, выходили со своими внучками-сиротами. Когда старушка умерла, детей увезли в детдом. Отец в шестидесятые годы, когда уже у самого была семья, искал по всем селам родственников. Нашел только одинокую тетку, оставшуюся в войну без мужа и детей. Так что я один в своем роду, который до войны, говорят, мог заполнить сенокосчиками вон тот луг...», – рассказывал наш информант 1956 г. р., показывая на обширную территорию вокруг озера [ПМА, запись № 7]. Отметим, что отцу информанта повезло попасть в детский дом [Вклад народов..., 1983, с.187], они

были переполнены и практически не могли вмещать всех нуждающихся. Война стала кульминацией демографического кризиса в Якутии, корни которого уходят в засуху 1938–1939 гг. Количественные показатели удалось восстановить только к 1960-м, «качественные» потери, ущерб духовному и генетическому потенциалу народа республики подсчитать невозможно.

В пространстве сельской Якутии нет братских солдатских могил. Павшие и умершие в военных госпиталях похоронены далеко за пределами республики или даже России. Эта отдаленность материализованного символа смерти подпитывала призрачную надежду на возвращение погибших и пропавших без вести. Почти в каждом улусе бытует история матери или вдовы, ждавшей десятилетиями, образ которой давно обобщен и закреплён не только в устной истории, но в литературе и искусстве Якутии. В старинном традиционном мире якутов о покойниках говорили всегда осторожно и тихо, о павших воинах – только с гордостью. Про них можно было сказать, что их «серебряные кости» (в традиционной терминологии якутов существует устойчивое выражение: «Кемус унуогун кетеген» («Поднять серебряные кости»), т.е. достойно похоронить. – Л.В.) покоятся, погребенные с должными почестями даже на чужбине.

Семьдесят лет назад частью общей победы стали не только жизни солдат из якутских сел, но и молчаливый подвиг матерей и жен, детей и стариков в якутском тылу. Их труд и немислимое терпение получили адекватное признание относительно недавно. Якутские исследователи год за годом возвращают современникам память горьких лет, включая «особые темы» о жертвах военных тягот, вынужденных переселенцах внутри республики и о спецпереселенцах [Горохов, Сучковская, 2000; Якутия – наш общий дом..., 2012 и др.]. Появляются новые места поклонений, церемоний и ритуальных действий, сакрализованных элементов сельского культурного ландшафта, прочно вплетенных в ткань социальной повседневности. Этот процесс способствует ретрансляции и неразрывности памяти Победы во времени и в пространстве современного общества Якутии в качестве источника духовной консолидации.

Источники и литература

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). – Якутск: Кн. изд-во, 1988.

Винокурова Л.И. «Летний день год кормит»: сельская повседневность в Якутии 1970-х – начала 1980-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – Вып. 11.

Вклад народов Якутии в дело Победы (1941–1945 гг.): документы и материалы. – Т. III: Всенародная помощь фронту. – Якутск: Кн. изд-во, 1983.

Горохов С.Н., Сучковская А.С. Невольные рыбаки Заполярья. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000.

Мегино-Кангаласский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2001.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. – Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск, 1992.

Сенявский А.С. Советская идеология в годы Великой Отечественной войны: стабильность, элементы трансформации, влияние на историческую память // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: труды Междунар. науч. конф., 28–29 апр. 2010 г./ ФГОУВПО

«СГАКИ»; Поволж. фил. Ин-та рос. истории РАН. – Самара, 2010.

Сунтарский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2006.

Полевые материалы автора (далее ПМА. – Л.В.). Запись № 1 в Мегино-Кангаласском улусе Республики Саха (Якутия) в 2012 г.

ПМА. Запись № 2 в Таттинском улусе РС(Я) в 2010 г.

ПМА. Запись № 3 в Усть-Алданском улусе в 2010–2012 гг.

ПМА. Запись № 4 в Таттинском улусе РС(Я) в 2014 г.

ПМА. Запись № 5 в Таттинском улусе РС(Я) в 2010 г.

ПМА. Запись № 6 в Усть-Алданском улусе РС(Я) в 2013 г.

ПМА. Запись № 7 в Таттинском улусе в 2010 г.

Трудный путь к Победе: сборник документов (1940–1950). – Якутск: Бичик, 2012.

Якутия – наш общий дом: очерки истории народов Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2012.

L.I. Vinokurova

Great Victory in everyday space rural of Yakutia

The article deals with the memory about the Great Patriotic War in the space of rural Yakutia. A number of published archival a field material including the newly introduced in the scientific sphere was employed to highlight the origins of and the value of Victory "places of memory" in rural Yakutia.

Keywords: Great Patriotic War, «places of memory», rural Yakutia, the space of everyday life.

УДК 061.62(571.56) «1941/1945»

М.Э. Грязнухина

Институт языка, литературы и истории в годы Великой Отечественной войны

В статье освещена деятельность старейшего научного учреждения республики – Института языка, литературы и истории (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., показаны основные направления и итоги научно-исследовательской работы института за этот период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история науки, научные учреждения.

В предвоенные годы созданный в 1935 г. научно-исследовательский Институт языка и культуры при Совнарком ЯАССР уделял большое внимание развитию якутской письменности. Сотрудники НИИЯК внесли определенный вклад в переход якутской письменности с латинского алфавита на русский. Под руководством профессора С.Е. Малова и Е.И. Убрятовой были составлены проект алфавита и правила орфографии. В 1940 г. инсти-

тут опубликовал орфографический справочник якутского языка, в который вошли впервые в истории якутской письменности разработанные принципы написания заимствованных слов.

Ученые института активно занимались экспедиционной деятельностью, в результате которой был собран уникальный материал, в том числе 48 вариантов записи якутского героического эпоса, тексты многих народных песен, легенд, сказок,

© М.Э. Грязнухина, 2015

пословиц, поговорок и т.д. При институте создали специальную бригаду по сбору и изучению материалов для публикации одного из известных якутских олонхо «Ньургун Боотур Стремительный», в которой работали Г.М. Васильев, С.Р. Кулачиков-Элляй, Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, С.Г. Денисов, Н.М. Заболоцкий [Антонов, Грязнухина, 2010, с. 8].

С началом Великой Отечественной войны многие сотрудники института были призваны на фронт. Последним ушел директор института Р.И. Местников. 15 августа 1941 г. Институт языка и культуры был временно закрыт, в штате остался один научный работник в качестве заведующего фондами института – Г.П. Башарин [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 50. Л. 51].

Деятельность Института языка и культуры возобновилась в 1943 г. Постановлениями Совета народных комиссаров Якутской АССР от 5 ноября 1943 г. решено было «восстановить с 15 ноября 1943 г. деятельность научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР, временно приостановленную постановлением СНК ЯАССР от 21 августа 1941 года» [Там же. Д. 56. Л. 2], «утвердить директором Шуб Т.А.» [Там же. Л. 1], а 20 января 1944 г. «переименовать в научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ЯАССР» [Там же. Д. 61. Л. 1].

После временного закрытия оживилась исследовательская деятельность, увеличилось число научных работников. В 1944 г. в штате научных сотрудников института состояли 14 человек, из них шестеро являлись кандидатами наук, трое окончили аспирантуру. Кроме того, институт имел широкую корреспондентскую сеть в составе 84 информантов, охватывающую почти все районы республики. Корреспондентами работали учителя, агрономы, медицинские работники, работники советского и партийного аппарата. С их помощью институт имел возможность собирать и записывать материалы по языку, устному народному творчеству, истории, археологии, этнографии.

Учитывая трудоемкость работ, необходимость постоянного и тесного сотрудничества с лучшими научными силами, к непосредственному участию в работах института были привлечены в качестве внештатных сотрудников, авторов и редакторов якутоведы Москвы, Ленинграда, Иркутска. «Среди них чл.-корр. АН СССР проф. С.В. Бахрушин, Н.К. Дмитриев, С.Е. Малов, профессора: М.К. Азадовский, А.Н. Андреев, А.Н.

Бернштам, М.Ф. Габышев, Н.В. Кюнер, Н.Н. Степанов, С.А. Токарев, кандидаты наук М.А. Брагинский, Г.М. Василевич, С.В. Иванов, О.В. Ионина, Д.М. Колосов, М.Г. Левин, А.П. Окладников, А.А. Попов, Е.И. Убрятова, В.А. Кротов» [Там же. Д. 88. Л. 2].

Институтом было установлено тесное сотрудничество с Институтом истории материальной культуры АН СССР, Институтом этнографии АН СССР, Институтом истории АН СССР, Институтом русского языка АН СССР, Институтом языка и мышления АН СССР, Институтом географии АН СССР и рядом других научно-исследовательских учреждений, которое осуществлялось путем организации совместных экспедиций, общих изданий научных трудов, а также командировок ученых в Якутск.

В 1944 г. Якутский обком ВКП(б) и СНК ЯАССР приняли совместное решение, одобряющее инициативу института по написанию к 25-летию ЯАССР «Истории Якутской АССР с древнейших времен до наших дней» в трех томах.

В марте – мае 1945 г. в Институте истории АН СССР, Институте истории материальной культуры АН СССР, в аппарате Управления пропаганды ЦК ВКП(б) были собраны отзывы виднейших сибиреведов – М.К. Азадовского, В.И. Дулова, Ф.А. Кудрявцева, П.Т. Хаптаева и прошло обсуждение, в результате чего был определен коллектив авторов, проспект каждого тома в отдельности [Там же. Л. 4]. В феврале 1945 г. состоялась первая научная сессия института, на которой с докладами выступили 12 человек, а в июне того же года – первый пленум института, посвященный проблемам, связанным с подготовкой академической трехтомной истории Якутской АССР.

Особое внимание в связи с подготовкой «Истории Якутской АССР» уделялось изучению и сбору памятников исторического фольклора якутов, эвенков, эвенов и отчасти юкагиров. Была проведена большая полевая экспедиционная работа, охватившая и районы Крайнего Севера. Сотрудники института С.И. Боло и А.А. Саввин работали на Вилюе, в низовьях Лены, в долине Индигирки, на Яне и Колыме, изучая исторический фольклор племен Севера и северных русских старожилов. Институт подготовил к изданию первый том многотомного издания «Исторический фольклор народов Якутии», в котором собраны предания о древней родине якутов, о путях их продвижения на Север и взаимоотношениях с аборигенами Якутии.

Силами научных работников и корреспондентов был организован массовый сбор материалов по фольклору якутского народа. Только новых текстов героического эпоса олонхо было записано 105 (многие размером до 25 и более печатных листов), собраны значительное количество сказок, народных песен, тысячи загадок, пословиц и прочих материалов, включая образцы советского фольклора.

Корреспондентами и сотрудниками НИИЯЛИ велось систематическое изучение этнографических особенностей и уклада северных народов. Г.М. Васильев изучал население Анабарского района (якуты, эвены) И.С. Гурвич за четыре года собрал обширные новые данные по материальной культуре, верованиям, искусству, социальным отношениям и семейно-родственным отношениям эвенков Оленекского района. Работая директором Оленекской средней школы, И.С. Гурвич в 1942–1943 гг. обследовал Оленекский наслег. Летом 1944 г. уже на средства Института языка, литературы и истории ЯАССР он организовал этнографическую экспедицию в Кирбейский наслег Оленекского района. Летом 1945 г. также на средства института была осуществлена этнографическая экспедиция в Джелендинский наслег Оленекского района и Саскылахский наслег Анабарского района. В общей сложности было преодолено «более 2200 км, из них 1400 верхом на оленях, 450 – на плотах и лодках, 350 – пешком». В результате был собран материал по всем разделам хозяйственной, материальной и духовной культуры северных якутов-оленевонов бассейна Оленька и Анабара [Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 226. Л. 7].

За летний период 1945 и 1946 гг. было осуществлено семь фольклорных и фольклорно-этнографических локальных экспедиций в различные районы республики, в результате чего началось фронтальное изучение устного творчества якутов, эвенков, русских старожилов, собран весьма значительный материал, каталогизирован и описан рукописный фольклорный фонд, изданы «Спутник якутского фольклориста» Г.У. Эргиса, сборник произведений народных певцов о Великой Отечественной войне «Правда побеждает» [Антонов, Грязнухина, 2010, с. 17].

Институт разрабатывал проблемы современного якутского языка, якутской диалектологии и лексикографии. Была подготовлена к изданию работа кандидата филологических наук Л.Н. Хари-

тонова «Современный якутский язык» (первая часть), вторая часть «Синтаксис» разрабатывалась докторантом Е.И. Убрятовой [Там же].

За 1944–1946 гг. институтом было издано 18 книг общим объемом 128 печатных листов. Кроме того, его сотрудники опубликовали в газетах и журналах 87 статей [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 88. Л. 8].

Огромную работу по археологическому изучению Якутии в годы войны провела Ленская историко-археологическая экспедиция, организованная Институтом языка и культуры при СНК ЯАССР и Институтом истории материальной культуры АН СССР (1940–1946 гг.). Работу экспедиции возглавил кандидат исторических наук А.П. Окладников. Археологи обнаружили многочисленные следы культуры древнего человека на всем протяжении р. Лены. Впервые было полностью завершено предварительное обследование археологических памятников древностей всей Ленской долины. На берегах р. Лены и её притоках были открыты десятки древних поселений, могильники и погребения, древние мастерские по изготовлению каменных орудий. Результаты экспедиции нашли отражение в ряде книг и статей, а также в докладах на Всесоюзном археологическом совещании в 1945 г., полевые материалы были опубликованы в совместном издании «Ленские древности». Заслуги экспедиции заключались в том, что ее находки представляли собой непосредственные остатки разносторонней материальной и духовной культуры первобытных племен, населявших территорию Якутии, и явились основой для последующих археологических изысканий. Общие итоги работ экспедиции А.П. Окладников обобщил в первом томе «Истории Якутской АССР», изданном в 1949 г. в г. Якутске. Кроме собственно археологических исследований члены экспедиции проводили и этнографические работы. Изучая вещественные памятники всех типов и времен, они уделяли внимание и поздним из них, в том числе уже чисто этнографическим по их возрасту, изучение которых имело значение и для понимания древних культур Нижней Лены, и для освещения ее исторического прошлого в целом. Одновременно проводились фольклорные записи, в том числе имеющие отношение к археологическим памятникам. До 1943 г. эти записи вел С.И. Боло, позже – А.П. Окладников совместно с И.И. Барашковым [Окладников, 1946, с.162].

Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в начале 1940-х гг. приступил к созданию многотомного труда «Народы мира», которое представляло собой первое в мировой научной литературе сводное издание, посвящённое всем народам мира. Первоначально планировался выход девяти томов этой серии, и в 1948 г. был подготовлен к печати первый из девяти томов издания – пятый том «Народы Северной Азии», материалы которого впоследствии вошли в том «Народы Сибири», изданный в 1956 г. Фактически все народы Сибири были охвачены тогда этнографическими исследованиями. Крупных научных центров по этнографии в самой Сибири в те годы фактически не было. Научно-координационную работу в сфере этнографических исследований выполняли в основном сектор Севера Института этнографии АН СССР (г. Москва) и сектор Сибири ленинградской части этого же института, которые тесно сотрудничали с Институтом языка, литературы и истории Якутской АССР. Сотрудники Института этнографии Г.М. Василевич, изучавшая историю и фольклор эвенков, О.В. Ионова, собиравшая материал по этнографии и истории якутов, в 1943–1945 гг. неоднократно выезжали в долгосрочные командировки в Якутию. В 1945 г. в республике работали этнографы под руководством С.А. Токарева, антропологическим отрядом руководил М.Г. Левин [Архив РАН. Ф.142. Оп.1. Д. 72. Л. 49.]. Якутская антропологическая экспедиция Института этнографии АН СССР, организованная совместно с ИЯЛИ ЯАССР состоялась в июле–сентябре 1945 г., благодаря содействию Якутского обкома ВКП(б) и СНК ЯАССР в короткие сроки удалось обследовать около 800 якутов в г. Якутске, Чурапчинском, Таттинском и Намском районах. Сотрудники экспедиции М.Г. Левин и Б.О. Долгих выступили с докладами на заседаниях научной сессии и Ученого Совета Института языка, литературы и

истории [Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а-1944. Д. 10а. Л. 11]. Результаты экспедиционных полевых работ были обобщены в научных статьях и монографиях М.Г. Левина, Б.О. Долгих, Г.М. Василевич, О.В. Ионовой, А.А. Попова, М.А. Сергеева, Л.П. Потапова и др.

Таким образом, в тяжелые годы Великой Отечественной войны в Якутии развитие науки не прекращалось. В связи с призывом научных работников в ряды Красной Армии, материальными нуждами фронта исследовательская работа в первые годы войны сократилась. Однако с 1943 г., с возобновлением деятельности института, научные исследования значительно расширились. В годы войны были изданы фундаментальные труды по истории якутского народа О.В. Ионовой, А.П. Окладникова, С.А. Токарева. В 1943 г. опубликована книга Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», в которой автор попытался дать оценку литературному наследию зачинателей якутской литературы А.Е. Кулаковского, Н.Д. Неустроева, А.И. Софронова.

С 1944 г. научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории ЯАССР приступил к составлению истории Якутии, эта работа завершилась изданием в 1955–1963 гг. трехтомной «Истории Якутской АССР» – первой сводной работы по истории Якутии с древнейших времен.

Литература и источники

Антонов Е.П., Грязнухина М.Э. Наука в Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг. – Якутск, 2010.

Архив РАН. Ф. 142. Оп.1. Д. 72; 226; Ф. 457. Оп. 1а-1944. Д. 10а.

Архив ЯИЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 50; 56; 61; 88.

Окладников А.П. Этнографические и археологические исследования на реке Лене // Советская этнография. – 1946. – № 3.

М.Е. Gryaznukhina

Institute of Language, Literature and History in the Great Patriotic War

The article highlights the work of the oldest scientific institution in the republic – the Institute of Language, Literature and History (now the Institute of Humanitarian Research and Indigenous Studies of the North SB RAS), during the Great Patriotic War of the Soviet Union in 1941–1945. The main directions and results of the Institute research work during this period are shown.

Keywords: the Great Patriotic War, Historical sciences, scientific institutionsю.

Т.П. Самсонова

Особенности современного освещения темы войны в якутской малой прозе

Статья посвящена художественному осмыслению темы войны в современной якутской малой прозе. Особое внимание уделено выявлению документального и автобиографического начал в воспроизведении судьбы военного поколения, раскрытию авторских размышлений о долге, памяти, утрате нравственных ориентиров «в эпоху глобальных перемен».

Ключевые слова: якутский рассказ, война, память, фронтовые реалии, военное поколение, труженики тыла, героическое и трагическое, победа.

В настоящее время в литературе активно разрабатывается одна из разновидностей военной прозы – художественно-документальная. Несмотря на то, что лучшие произведения о Великой Отечественной войне создавались на основе подлинных событий, долгое время бытовало мнение, что задача документалистики заключается только в «оживлении» художественной прозы. Данная точка зрения изменилась лишь в середине 70-х гг. прошлого столетия. Именно с этого времени появился целый ряд критических и литературных работ, посвященных связи художественной и документальной литературы, заметно обогатившей литературу освоением и развитием новых тем, конфликтов, характеров [Балашова, 1982; Затонский, 1978; Кардин, Янская, 1986; Лихачев, 1984]. И их наконец-то «уравнивали» в правах с другими жанрами, признав их литературой, заслуживающей внимания.

Проза о войне, пройдя через меняющиеся оценки военных событий, представляет собой сложное и многогранное явление. Чем дальше фронтовой опыт грозных лет Великой Отечественной войны, тем больший интерес вызывает летопись ее событий. Казалось бы, о войне рассказано и написано практически все, но каждый раз находят неизвестные факты и детали, которые становятся основой сюжетов художественных произведений. Темы войны и мира по-прежнему тревожат и волнуют современных читателей, что обусловлено, прежде всего, живой памятью военного поколения.

Известно, что в советской литературе долгое время замалчивалось противостояние народа и власти в условиях тоталитарной системы. Это объясняется наличием «запретных тем, касающихся трагических сторон реальной действительности. Только в период перестройки обще-

ства в конце 80–90-х гг. XX в. писатели стали обращаться к «белым пятнам» истории», в т.ч. и к теме Великой Отечественной войны.

Писатели, на долю которых пришлось военное детство, остро ощущают потребность рассказать о войне и военном поколении именно так, как они это запомнили. В их произведениях убедительно и правдиво раскрываются трудовой подвиг и жизнь тружеников тыла, например «Сүүмэх от» («Охапка сена») Е. Федосеева-Доосо, «Ампаардаах» («В местности “Ампаардаах”») Н. Босикова, «Илиитэ суох саллаат» («Безрукий солдат»), «Арахсыы» («Расставание»), «Сэрэбиздйит» («Гадающий на картах») К. Новикова, «Байыаннай кэм соруудаҕа» («Поручение военного времени») А. Алексеева, «Сайыына» Ф. Постникова-Арчы и др. Рассказы современных авторов, отмеченные своеобразной попыткой объединить «взрослое» мировосприятие с «детским», могут быть прочитаны в широком диапазоне – от дословного понимания сказанного до философского осмысления контекста произведений. Отсюда тема войны, памяти, долга порождает импульс к ценностному осмыслению прошлого. В воспоминаниях, пронизанных высокой эмоциональной напряженностью и драматизмом, читатель неизбежно вовлекается в этот процесс толкования.

Например, таково содержание сборника новелл И.Г. Иванова-Нуолур «Суорҕан иһиттэн булуллубут» («Эхо войны»). Для автора участника войны в широком смысле слова становятся все: и дети, и взрослые. Осмысление писателем военного детства передается так, как это ему запомнилось: потеря близких, тяжелый труд, голодное существование. В размышлениях зрелого человека подробно воссоздаются детские впечатления, а к ним дается «взрослый» коммен-

тарий. Следует отметить и выразительность названий произведений. Воспроизведение жизни в тылу, раскрытие проблем человеческих отношений реализуются через мотивы сопереживания, соучастия и взаимопомощи: получение повестки на фронт («Хаһаас омурбан» («Вернусь, чтобы закончить стог»)), проводы отца на войну («Оҗотун сылааһа» («Тепло родного ребенка»)), несостоявшаяся свадьба («Бал буолуохпут» («Будем вместе»)), раннее взросление детей («Били киһи» («Вместо отца»)), отпечаток детской ладони в письме солдату («Ойуу сурук» («Рисунок на письме»)), засуха и голод в тылу («Үтүлүк бурдук» («Зерно в рукавице»)), «Эмээхсин уонна кутуйах» («Старуха и полевая мышь»)), «Сурбан иһиттэн булуллубут» («Найденный под одеялом»)), утаенное письмо о пропавшем без вести сыне («Үйэбэ биирдэ» («Единственный раз в жизни»)), произвол со стороны местных властей («Бһаһпыт сэриигэ барбатах» («Военный налог»)), «Оҗо улаатыа диэбэтэх...» («Не думал, что ребенок может повзрослеть...»)). Главные герои многих его произведений не только выдерживают тяжелое испытание войной, но и побеждают вопреки самой политической системе.

По мере того как отдаляются военные годы, память в творчестве начинающих писателей, являясь созидающим, генерирующим механизмом, может обращаться вспять и также свободно проецироваться в будущее, таким образом, происходит превращение времени в глобальное понятие.

Тема войны – это тема, которую каждое новое поколение писателей принимает как эстафету, как наследие и, осваивая ее под новым углом зрения, представляет на суд современников. Отмечая смену поколения авторов, создающих произведения о войне, исследователи пишут: «История нашей литературы уже знает примеры, когда интересные книги о войне создавались авторами, в войне участия не принимавшими, но психологически пережившими тот материал, о котором писали. Книги последних десятилетий как раз и отличаются глубоким знанием и пониманием проблем военной эпохи» [Духан, 1998, с. 195].

Эти слова в полной мере можно отнести к писателям нового поколения. Материал, включенный в художественный текст книги современного автора К. Эверстова «Туман буолбут таптал» («Марево любви»), характеризуется глубоким осмыслением военной эпохи. События, впечатления дают толчок к раздумьям, размышлениям – так

выстраивается сюжет многих произведений писателя. Отсюда и ритмически организованный текст, удачный композиционный прием «рассказ в рассказе». В своих рассказах К. Эверстов убеждает читателя в том, что война не проходит для фронтовиков бесследно: она снова и снова дает о себе знать не только в ранениях, полученных на полях сражения, но и в их памяти, воспоминаниях.

Во всех рассказах автора, посвященных минувшей войне, внутренним композиционным центром выступает образ повествователя. В одних случаях это очевидец, летописец, объективно рассказывающий об увиденном, в других – персонаж, активно участвующий в движении сюжета каждого рассказа. Образ рассказчика становится стержнем развития темы, поэтому на него «нанизываются» различные эпизоды из жизни героев и на нем как бы замыкаются нити всех судеб («Аттар ытыгы тураллара» («Бывает, и лошади плачут...»)), «Арчылаа миигин, хомусчааным» («Храни меня, мой хомус»)), «Хомойо санаама, саллаат» («Не обижайся, солдат»)), «Биһиги үһүэ этибит...» («Нас было трое...»)), «Тууйастар» («Тески»)).

Героями его произведений становятся в основном рядовые солдаты, участники военных событий, происходивших в стороне от главных действий, в районе маленьких, затерявшихся деревень, на бесчисленных дорогах великой войны. Их ценность заключается не только в выборе автором интересных материалов, но и в том, что он талантливо и творчески ими владеет. Рассказы К. Эверстова далеки от ложной патетики и показного пафоса в изображении войны. Отсутствие вымышленных ситуаций и героев, напряженность, искренность обуславливают интерес читателей, ищущих объективное описание военной эпохи.

Рассказы К. Эверстова, касающиеся темы Великой Отечественной войны, отражают новый взгляд, отличающийся от художественного осмысления военной действительности писателями-фронтовиками и теми писателями, на долю которых пришлось военное детство.

Новый всплеск интереса к военной теме активизировали афганская и локальные войны 90-х гг. XX в. Сегодня, когда «одна война спешит сменить другую», проблема сохранения жизни на земле остается, как и прежде, актуальной. В современном мире, где война напрямую связана с бизнесом и политикой, военная тема характеризуется широким охватом жизни, многоаспектностью и остротой проблематики.

Таковы рассказы «Лимбо» и «Третий вариант» А. Слепцова. Последний из них – рассказ о трагедии одной семьи. В нем ветеран Великой Отечественной войны в афганскую войну теряет своего единственного сына – военного врача, затем в мирное время – внука, который погибает от рук скинхедов. Война, постоянно преследующая фронтовика, в финале забирает и его, но эта война иная, она скорее нравственная. Со смертью ветерана не только обрывается связь поколений, но и замыкается круг существования этой семьи. Возникает вопрос: где же справедливость? Неужели никто из них не заслужил, не выстрадал счастье – эта мысль долго не отпускает читателя.

Следующий рассказ «Бааһыры» («Рана») И. Иванова-Нуолур – о дружбе, сложной судьбе трех воинов-интернационалистов. Союз трех букв «Р»: Роман, Рустам и Руслан (в аббревиатуре – СРРР) напоминал им близкий и родной их сердцу СССР, который объединял их, представителей разных национальностей, – якута, узбека и русского, воевавших в афганских горах. Не успела затянуться «рана», нанесенная им на войне, как дома их ожидала «война» психологического плана.

Рассказам, посвященным минувшей войне, свойственно не только изображение событий тяжелых военных лет, но и нравственно-философское осмысление ситуаций, коллизий. Некоторые авторы стали осознанно усложнять сюжетно-композиционную сферу своих произведений тяготением к философичности; стремлением к новым приемам оригинального выражения действительности, требующим расшифровки подтекста; введением фольклорного, мистического начал. Условно-обобщенная ситуация, поставленная в центр подобных произведений, где органическое сочетание традиционного и новаторского приобретает функцию параболы, отличается узнаваемостью реалий и глубоким психологизмом. При этом авторы, используя материал минувшей войны, уходят от публицистичности в сторону философского осмысления вечных проблем бытия. Таковы, к примеру, рассказы «Аҕалаах уол кэпсэтиилэрэ» («Разговор отца с сыном») Е. Неймохова, «Баас» («Шрам») А. Слепцова. В них в своеобразной художественной форме раскрываются рациональное и иррациональное, материальное и ирреальное.

В рассказе «Аҕалаах уол кэпсэтиилэрэ» («Разговор отца с сыном») Е. Неймохова «достигаемая конфигурацией эпизодов символическая глубина

текста порождает смысловой эффект сакральной сверхсобытийности, возлагающей актантную функцию на высшие силы бытия, которые аллюзивно манифестированы» [Тюпа, 2006, с. 317] образами сказителя олонхо, Бога и ангела. Художественное время произведения упорядочено возвратным отношением настоящего к прошлому, т.е. памяти: от воспоминаний героев рассказа до войны и смерти. Поступательное движение сюжета от эпизода к эпизоду является движением вспять. Будущее смыкается с прошлым в кольцо вечности. Циклическое время, составляющее фон сюжетного события *смерти – воскресения*, хотя и артикулировано повествователем, но мотивировано сознанием. «В универсуме с такой системой координат событие смерти оказывается всего лишь уходом из временного мира и приобщением к вечности» [Там же, с. 320]. Отсюда реверсивная инициация героев в рассказе Е. Неймохова должна быть признана их истинным воскресением в памяти.

Военные рассказы других современных авторов, характеризующиеся лиризацией героя, усилением интереса к внутреннему миру человека, проявлением содержательной глубины и психологизма повествования, продолжают раскрывать проблему «человек и война». Сквозь их авторские раздумья, прямые обращения к читателю происходит глубокое взаимопроникновение документального и лирического начал. Таковы рассказы «Хотуур» («Коса») М. Тимофеева, «Байыаннай кэм соруудаҕа» («Поручение военного времени»), «Сүрэх бааһа» («Память сердца») А. Алексева, «Эргиллии» («Возвращение») П. Федорова-Сомого, «Сайыына» Ф. Постникова-Арчы, «Догдомо», «Сумка» Д. Наумова, «Эргиллии» («Возвращение»), «Самогонщик», «Дьингнээх эр киһи» («Настоящий мужчина») А. Слепцова, «Оо, сэрии, сэрии...» («Война, война...») А. Колесовой и др.

Среди них глубоким лиризмом выделяется рассказ «Үөрэнээччилэр уонна хатыннар» («Ученики и березы») С. Егорова, в котором с особой теплотой переданы воспоминания пожилой учительницы о не вернувшихся с войны учениках. Но они для нее все равно «живы»: деревья, посаженные ими возле школы, «пребывают с ней весь учебный год» и расцветают каждой весной.

Рассказы о военном времени, такие, как «Үбүлүөй» («Юбилей») Е. Неймохова, «Өтөх» («Опустевший дом») Д. Наумова, «Кини түннүгэ»

(«Окно ее дома»), «Дьылбам тыйыс тыына» («Суровое дыхание судьбы»), «Хара мэн» («Черное пятно») И. Сосина, «Аҕаа, бырасты...» («Прости, отец») И. Антипиной, «Нотоо» П. Томского и др., говорят о попытках писателей взглянуть на войну с современных позиций: передать, прежде всего, собственный взгляд, объяснить причины поступков, показать, что победа во многом зависела и от желания, стремления приблизить ее. Некоторые авторы в своих произведениях, размышляя о ходе военных событий, позиции человека в экстремальных условиях боя, о зависимости от конкретных обстоятельств, выдвигают на первый план постулат о ценности человеческой жизни и всего живого на земле.

Таким образом, литература последних лет наглядно показала, что военная малая проза не только не исчерпала своего потенциала, но, наоборот, получила второе дыхание. В якутскую литературу пришло новое поколение писателей, имеющих собственный взгляд на военные события. Однако современные войны нередко ведутся в условиях кризиса прежних систем ценностей, в значительной степени обнажены причины их развязывания, что меняет характер нравственного выбора человека на войне, его позицию в экстремальных условиях боя. Следует отметить и то, что в творчестве современных авторов, разочаровавшихся в идеологии и вынужденных апел-

лировать к факту, наблюдается возможность соединения тенденций в использовании хроникальной, репортажной или очерковой формы.

Но в целом творчество современных авторов продолжает придерживаться традиционной линии, пробуждая в читателе память о павших войнах и вызывая тревогу за будущее человечества в целом. Все это подтверждает неограниченные возможности малой прозы в осмыслении и воплощении темы войны в якутской литературе.

Литература

Балашова Т.В. Активность реализма: литературно-художественные дискуссии на Западе. – М.: Искусство, 1982. – 206 с.

Баширина З.К. Великая Отечественная война в литературе народов Якутии. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2004. – 117 с.

Духан Я.С. Трагедия и подвиг: Великая Отечественная война в прозе 60–90-х гг. – СПб., 1998. – 250 с.

Затонский Д.В. Роман и документ // Вопросы литературы. – 1978. – № 12. – С. 135–162.

Кардин Э.В., Янская И.С. Пределы достоверности. Очерки документальной литературы. – М.: Сов. писатель, 1986. – 430 с.

Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. – Л.: Сов. писатель, 1984. – 272 с.

Тюпа В.И. Анализ художественного текста. – М.: Издат. центр «Академия», 2006. – 336 с.

T.P. Samsonova

Peculiarities of the theme of War in modern Yakut literature

The article is devoted to the interpretation of the theme of war in the modern Yakut short story. Particular attention is paid to autobiographical and documentary facts in the fate of the war generation. Author's reflections on debt, memory, loss of moral values «in the era of global changes».

Keywords: Yakut story, war, memory, front realities, war generation, home front workers, heroic and tragic, victory.

Ученые института – участники Великой Отечественной войны*

УДК 811.512.157+929

Петр Петрович Барашков

17 сентября 2015 г. Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН исполняется 80 лет. За эти годы сменилось несколько поколений научных сотрудников, широко развернувших научные исследования по

важнейшим проблемам языка, истории, литературы, фольклора, археологии, этнографии, социологии, искусства народов Республики Саха (Якутия). В упомянутом академическом институте в разные годы работали более 10 человек, защитивших Родину и разгромивших фашистских захватчиков. Среди них был и Петр Петрович Барашков.

П.П. Барашков родился 27 июня 1910 г. во II Суоттунском наслеге Усть-Алданского улуса Якутской области в зажиточной крестьянской семье. Его отец, Петр Никитич, занимался сельским хозяйством и своим упорным трудом сумел создать крепкое хозяйство, два года был наследным старостой, за что его раскулачили и лишили избирательных прав.

Трудовую деятельность П.П. Барашков начал в 1929 г. Работал учителем Кытанахской начальной школы (1932–1930 гг.), заведующим Белолобской начальной школы (1930–09.1932 гг.), директором Кытанахской неполной средней школы (1932–1934 гг.) Чурапчинского района ЯАССР. С 1934 по 1937 г. преподавал якутский язык и литературу на педрабфаке. Именно эта работа пробудила в нем исследовательский интерес к родному языку.

Как писал П.П. Барашков, по приглашению первого директора Института языка и культуры при СНК ЯАССР П.А. Ойунского в 1937 г. он был принят научным сотрудником, что предопределило его дальнейшую трудовую судьбу. Действительно, он проработал в институте почти полвека (с 15.02.1937 по 16.08.1986), но с перерывом в пять лет в связи с воинской службой в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Настоятельная необходимость языкового строительства в 40–60-е гг. прошлого века потребовала от П.П. Барашкова как заведующего сектором языка и письменности ИЯиК при СНК ЯАССР самого активного участия в разработке нового якутского алфавита, основанного на русской графике, правил якутской орфографии и вопросов терминологии. Первый вариант основных положений орфографии, разработанный П.П. Барашковым, Л.Н. Харитоновым, Д.К. Сивцевым и И.И. Барашковым под руководством Е.И. Убрятовой, С.Е. Малова и В.Н. Чемезова, был обсужден в институте 3 ноября 1938 г. 17 декабря того же года на расширенном заседании сотрудников института с участием лингвистов – представителей Учительского института, Наркомпроса республики, педагогического училища и школ П.П. Барашков поставил на обсуждение «Принципы орфографии якутского языка», разработанные институтом. В феврале 1939 г. проекты нового алфавита и орфографии якутского языка и письменности были представлены в АН СССР и 23 марта того же года приказом наркома просвещения РСФСР были утверждены. Работа «Новый алфавит и орфография якутского языка» была опубликована в республиканских газетах в мае 1939 г. А 29 августа 1939 г. сессия Верховного Совета ЯАССР ут-

*Фотографии ученых – участников Великой Отечественной войны предоставлены Музеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС СО РАН.

вердила Указ Президиума Верховного Совета о переходе якутской письменности на новый алфавит и проекты алфавита и орфографии. Но горячие споры продолжались еще долго несмотря на то, что обсуждению подверглись несколько проектов орфографии [Слепцов, 1990, с. 15–21]. За эти годы Петром Петровичем были написаны статьи и брошюры по вопросам якутского алфавита, якутской орфографии, а также в соавторстве – учебники, учебные пособия по якутскому языку, составлены справочники и словари.

Знаменательным событием в научной деятельности П.П. Барашкова стала поездка в 1939 г. в г. Ленинград на курсы повышения квалификации по языкознанию. В течение трех месяцев он слушал высококвалифицированные лекции выдающихся лингвистов-филологов: чл.-корр. С.Г. Бархударова – по общему языкознанию, чл.-корр. С.Е. Малова – по введению в тюркологию, чл.-корр. Н.К. Дмитриева – по древним тюркским языкам, проф. Л.Р. Зиндера – по общей фонетике. Кроме того, он принимал участие в языковедческих собраниях, обсуждениях различных вопросов создания алфавитов, принципов правил орфографии как в Москве, Ленинграде, так и в Баку, Кишиневе, Якутске и других городах. Казалось, что перед молодым сотрудником приоткрылись широкие перспективы исследовательской работы. Однако жестокие годы политических репрессий 30-х гг. XX в. не миновали его. Он писал, что «в период культа личности был освобожден от работы как сотрудник, принятый на службу врагом народа» (имеется в виду П.А. Ойунский. – С.И.). В приказе директора ИЯиК Р.И. Местникова за №68 от 17.12.1940 г. об освобождении П.П. Барашкова от работы говорится, что его уволили «... как не имеющего достаточного образовательного ценза для работы в институте». Но согласно распоряжению зампреда СНК ЯАССР Кузнецова от 10.03.1941 г. последовал новый приказ под № 24 от 23.03.1941 г., подписанный директором ИЯиК Р.И. Местниковым, согласно которому он был восстановлен на работе в качестве младшего научного сотрудника сектора языка и письменности.

Началась Великая Отечественная война. В июле 1941 г. П.П. Барашков одним из первых был мобилизован в ряды Красной Армии. С начала войны и до 1942 г. он служил на территории Монгольской Народной Республики. За отличное несение службы он был награжден боевой медалью

МНР «За победу на Халхин-Голе». В марте 1942 г. Петра Петровича направили на Волховский фронт и 4 апреля 1942 г. он получил тяжелое ранение и контузию. После двухмесячного лечения в госпитале он был снова направлен на фронт, где стал командиром взвода связи. В августе 1942 г. ему присвоили звание младшего лейтенанта. За активное участие в боях против фашистских оккупантов на Курско-Орловско-Белгородской дуге и уничтожение вражеской пулеметной точки он был награжден медалью «За отвагу». В 1943 г. его подразделение в составе I Украинского фронта приняло участие в знаменитой битве под Курском.

14 января 1944 г. сразу три фронта перешли в наступление по снятию блокады Ленинграда. За месяц боев вся Ленинградская область была освобождена. 20 февраля 1944 г. П.П. Барашков на подступах к Нарве получил тяжелое ранение. После семимесячного лечения в госпиталях был признан ограниченно годным к военной службе и направлен в резервные части в тыл. Только в декабре 1945 г. Петр Петрович был демобилизован как бывший учитель и сразу же вернулся в свой институт, где начал работать в качестве завсектором языка и письменности [Петров, 2005, с. 70–71].

Весьма полезной стала для него командировка в Ленинград в 1947 г. Под руководством М.И. Матусевич и Л.Р. Зиндера Петр Петрович выполнил практикум по методике проведения экспериментального исследования фонетико-фонологической системы тюркских языков, в том числе и якутского. В течение двух месяцев (февраль – март 1947 г.) присутствовал на заседаниях сектора тюркских языков Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР. В качестве отчета о своих фонетических штудиях П.П. Барашков составил небольшую работу по фонетике якутского языка.

26 марта 1947 г. директор Института языка и мышления им. Н.Я. Марра академик И.И. Мещанинов с целью подготовки для Якутии научного работника в лице П.П. Барашкова обратился в дирекцию ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР с просьбой оказать П.П. Барашкову содействие в деле скорейшего окончания им курса педагогического института и командировать его в Ленинград в качестве аспиранта по якутскому и другим тюркским языкам.

Тем временем П.П. Барашков закончил работу «Фонетика якутского языка», которая 7 апреля 1950 г. была обсуждена на заседании сектора языков народов СССР Института языка и мышления им. Н.Я. Марра. Заседание проводилось

под председательством чл.-корр. АН СССР, проф. С.Е. Малова. Выступающие: С.Е. Малов, Л.Р. Зиндер, Е.И. Убрятова, В.М. Надеяев, Г.А. Никифоров – одобрили работу, оценив ее как первую в тюркологии, основанную на экспериментальных данных, пожелали скорейшей публикации и представления её в качестве кандидатской диссертации. Сектор также обратился к руководству ЯФ СО АН СССР и к дирекции ИЯЛИ с просьбой оказать содействие в продвижении работы к защите.

В 1953 г. Якутским госиздательством была выпущена в свет монография П.П. Барашкова «Звуковой состав якутского языка», но завершить высшее образование П.П. Барашкову из-за продолжительной болезни, к сожалению, не удалось. К тому же слишком затянувшиеся дискуссии по вопросам якутской орфографии, огромная работа по изучению якутских диалектов, первоначально ориентированная на решение спорных вопросов орфографирования многовариантных диалектных слов, многочисленные экспедиционные поездки по сбору диалектологического материала, в которых П.П. Барашков принимал активное участие, отнимали у него много времени и сил.

П.П. Барашкова можно считать первым ученым-экспериментатором в области фонетики якутского языка, разработчиком орфографических норм якутского литературного языка в 40–50-х гг. XX в., автором и соавтором первых стабильных учебников якутского языка.

П.П. Барашков – по специальности диалектолог. Он составил в соавторстве с И.И. Барашковым первый «Диалектологический вопросник якутского языка» (1940 г.), на основе которого была разработана «Анкета по изучению говоров якутского языка» (1953 г.) и собран огромный диалектологический материал. Петр Петрович как диалектолог выполнил первичные описания ряда якутских говоров; принял участие в составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР и двух региональных атласов якутского языка. Он опубликовал около 100 научных, научно-популярных работ, в т.ч. монографии «Звуковой состав якутского языка» (Якутск, 1953) и «Фонетические особенности говоров якутского языка» (Якутск, 1986); был соавтором трудов «Очерк развития якутского литературного языка» (Якутск, 1974); «Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков» (Л., 1975). Также он является автором «Краткого терминологического словаря»

(Якутск, 1955), «Орфографического словаря литературного якутского языка» (Якутск, 1956).

Собранный в 25 районах республики материал позволил в 1961 г. П.П. Барашкову предложить классификацию якутских говоров, выгодно отличающуюся от классификации его предшественников А.Е. Кулаковского и С.А. Новгородова. Все говоры якутского языка он подразделил на три группы: 1) акающие говоры намско-усть-алданского типа; 2) окающие говоры кангаласско-вилуйского типа; 3) окающие говоры мегино-таттинского типа [Барашков, 1961, с. 7–17], что, видимо, было принято Е.И. Убрятовой. Однако детальное и фронтальное изучение всех ныне существующих говоров и картографирование их важнейших диалектных различий показывают иную, более правдоподобную картину [Воронкин, 1980, с. 242; Иванов С.А., 2010, с. 177, карта 172].

В 1954–1960 гг. П.П. Барашков занимался первичным описанием диалектных особенностей говоров кангаласских, горных, намских, кобьайских, жиганских и аллаховских якутов. При описании говора якутов Кобьайского района впервые в якутской диалектологии он обнаружил необычную реализацию дифтонгов *uo* и *uo* в виде *uo(a)* и *uo(э)*, при полном и ясном звучании конечного элемента которых как будто нарушается гармоническое сочетание гласных: *uo*ришлээх в.м. *uo*рүүлээх `радостный`, *uo*скиир в.м. *uo*скуур `образуется`, *tu*охтыыр в.м. *tu*охтуур `делает`, *uor*ыйах в.м. *uor*уйах `вор` [Труды ИЯЛИ, 1959, с. 53–55].

В коллективном труде «Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков» [Л., 1975] довольно подробно показаны диалектные различия в области фонетики, грамматики и лексики, возникшие под влиянием эвенкийского языка [Взаимовлияние..., 1975, с. 145–146]. В той же работе мы находим следующие суждения П.П. Барашкова о происхождении якутского аканья и оканья: «... оканье (*хотун*, *солуур* и т.д.) встречается в говорах якутов, проживающих смешанно с эвенками, а в тех местах, где живут смешанно якуты и эвены, как правило, в говорах местных якутов преобладает аканье (*хатын*, *салыыр*) и т.д.» [Там же, с. 28].

В последней обобщающей монографии по фонетике якутской диалектологии «Фонетические особенности говоров якутского языка» Петр Петрович классифицировал некоторые диалектные фонетические соответствия как явления, возникшие на севере (говоры якутов-сахаларов) [см.: Барашков, 1985, с. 135–166]. Действительно,

одни из противопоставленных фонетических вариантов унаследованы из далекого прошлого, а другие возникли в более позднее время, вероятно, вне территории первой родины древних предков якутов. В соответствии с этой классификацией П.П. Барашков стал придерживаться несколько иной позиции: «По всем данным аканье возникло на юге» [Там же, с. 169], «когда предки якутов находились где-то на Прибайкалье и называли себя *уряхайцами*» [Там же, с. 167]. После прихода якутов на нынешнюю территорию Якутии, когда они стали называть себя *сахаларамми* (от эвенк. *jako*. – *С.И.*), часть их перешла на оканье под влиянием произношения эвенков [Там же, с. 169]. На мой взгляд в последних рассуждениях П.П. Барашкова есть доля истины.

За успехи в научной работе и активную общественную деятельность П.П. Барашков был награжден двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР [см.: Указы Президиума Верховного Совета ЯАССР...]. А также ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Якутской АССР». За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. он награжден 11 боевыми и юбилейными медалями, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. – орденом Отечественной войны II степени.

П.П. Барашков с 1949 г. и до конца своей жизни был членом КПСС. 21 марта 1990 г., на восьмидесятом году жизни, он скончался, но в сердцах родных и близких, в памяти коллег и друзей он оставил самые светлые воспоминания.

Литература

Барашков П.П. К вопросу о классификации говоров якутского языка // Сборник диалектологических материалов якутского языка. – Якутск, 1961.

Барашков П.П. Фонетические особенности говоров якутского языка. – Якутск, 1985.

Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / А.В. Романова, А.Н. Мыреева, П.П. Барашков. – Л., 1975.

Воронкин М.С. Саха диалектологиятын очерката. – Якутскай, 1980;

Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка. – Ч. II. – Новосибирск, 2010.

Петров П.П. Ученые института – ветераны Великой Отечественной // Якутский архив. – 2005. – №1.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990.

Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. – Якутск, 1959.

Указы Президиума Верховного Совета ЯАССР от 12.12.1947 г. и 06.11.1957 г.

С.А. Иванов,

д.ф.н., с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СОРАН

УДК 001-233-37(091)(571.56)

Роман Иннокентьевич Местников

Биографические статьи об ученых, прошедших через огненные поля битв Великой Отечественной войны, связывают современных исследователей с тем поколением, которое внесло свой вклад в развитие исторической науки и вузовского образования республики в наиболее трудные годы советской власти. К

первому поколению советских историков из уроженцев Якутии относился Роман Иннокентьевич Местников.

Родился он, как писал в личном листке по учету кадров, 5 сентября 1907 г. в 3-м Хатылинском наслеге Батурусского улуса. После окончания Якутского педагогического техникума в 1930 г. работал учителем Саскылахской школы Анабарского района. По прибытии в северный район он провел большую работу по созданию школы, которая отсутствовала на тот момент. Набрал первых девять учеников, Местников в декабре 1930 г. открыл школу. Таким образом, он является основателем первой школы в Анабарском районе. Затем работал инспектором отдела образования Чу-

рапчинского района. В 1933 г. получил извещение Наркомпроса и Наркомтруда ЯАССР о направлении его на учебу в Москву, где он поступил на исторический факультет Московского педагогического института им. В.И. Ленина. За время учебы студент из Якутии показал себя одним из активных комсомольцев факультета, постоянно участвуя во многих акциях московского студенчества на ниве культурной революции. В 1937 г., успешно закончив институт, Местников был направлен в родную Якутию. Работал преподавателем, затем и директором Якутской республиканской политико-просветительской школы.

В ноябре 1940 г. был назначен директором Якутского института языка и культуры при СНК ЯАССР. Молодой директор столкнулся с последствиями необоснованных репрессий и шельмования сотрудников института как «врагов народа», в т. ч. его основателя П.А. Ойунского. Вероятно, ему стоило больших трудов создать спокойную и деловую обстановку в обескровленном репрессиями коллективе института. При нем продолжил работать языковед П.П. Барашков, одно время самочинно уволенный бывшим руководством. Сотрудникам С. Боло и А. Саввину, уехавшим в фольклорно-диалектологическую экспедицию по северным районам республики, была дана возможность завершить сбор записей этнографических сведений, сказаний и преданий. Р.И. Местникову также принадлежит заслуга в сохранении архива института без каких-либо изъятий, в полном объеме, где, как известно, хранились документы и рукописи писателя А.И. Софронова, бумаги чиновников дореволюционного времени, научные отчеты репрессированных сотрудников. И это в условиях, когда одна находка в альбоме фотографии человека, причисленного к «врагам народа», грозила тюремным заключением или в лучшем случае – серьезными неприятностями по службе. Благодаря его бережному отношению к научному, историко-этнографическому и фольклорному наследию, институт ныне обладает богатейшим архивом, включая его довоенный корпус.

Р.И. Местников был последним из сотрудников, опечатавшим всю документацию и архив института, закрытого в связи с начавшейся войной. Сам он был призван на фронт в августе 1941 г. Военную подготовку прошел в Иркутской области, после чего получил звание младшего сержанта и стал командиром отделения связи. В ян-

варе 1942 г. был зачислен в маршевый батальон и отбыл на фронт. До апреля 1942 г. воевал в составе 589-го стрелкового полка на Волховском фронте. После излечения в госпитале до февраля 1944 г. принимал участие в сражениях в составе третьего батальона 502-го стрелкового полка на Ленинградском фронте. Получил звание младшего лейтенанта. За умелое ведение боя ему присвоили звание лейтенанта. Воевал в качестве командира взвода связи, был заместителем политрука, политруком роты. Дважды ранен: в апреле 1942 г. легко и в феврале 1944 г. тяжело, в обе ноги. Первое ранение он получил от выстрела снайпера «кукушки» в голову, но отделался легко. Второе было серьезным – осколки мины попали в обе ноги. После излечения в госпиталях служил в Ровденском райвоенкомате Архангельской области. Демобилизован, как учитель, в декабре 1945 г.

После войны Р.И. Местников долгое время работал в Якутском педагогическом институте, затем преподавателем на историческом отделении ИФФ ЯГУ, читал курс лекций по истории зарубежных стран в новое время. Говорил тихим, спокойным голосом, дополняя рассказ курьезными случаями из биографии знаменитых людей, таким образом, направляя внимание студентов в желательное для лектора русло. Несомненно, он обладал недюжинным педагогическим даром, предмет свой знал досконально, проводил семинарские занятия, руководил курсовыми и дипломными работами. По мнению заведующего кафедрой всеобщей истории ИФФ ЯГУ, профессора Г.П. Башарина, в период работы в университете Р.И. Местников «отличался партийной принципиальностью, высокой трудовой дисциплиной и порядочностью». Одно время он заведовал кафедрой всеобщей истории, затем работал деканом ИФФ ЯГУ, начальником учебной части Якутского государственного университета. Награждался Грамотой Президиума Верховного Совета Якутской АССР. По свидетельству председателя Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) А.Н. Жиркова, которому не без гордости говорил сам Роман Иннокентьевич, за все время работы в университете он не получил ни одного взыскания по партийной и трудовой линиям, только одни поощрения.

Несмотря на возраст и расшатанное ранениями здоровье, Р.И. Местников принимал активное участие в субботниках. Однажды весной 1972 г. студенты и преподаватели вышли на субботник

по очистке территории здания факультета от снега и наледей. Студенту *Р.Н.*, как физически крепкому парню, достался длинный лом, которым он, орудуя ловко и привычно, размашистыми ударами стал долбить лед. Во время одного из таких движений студент вдруг почувствовал, что верхним концом лома он ударил кого-то из стоящих сзади людей. Резко обернувшись, студент с ужасом увидел залитое кровью лицо Романа Иннокентьевича, который, поскользнувшись, нечаянно попал под его удар. К счастью, удар пришелся по лбу наискосок. Бедный преподаватель, уважаемый всеми студентами, отказавшись от больницы, целую неделю с забинтованной головой ходил на занятия и читал лекции, напоминая всем о тех фронтовых годах, когда он тоже раненый и весь перебинтованный лежал в госпиталях.

Зимой 1975 г. студент П. Петров (автор данной статьи) с группой пионеров из 3-й средней школы г. Якутска посетил его квартиру в доме, расположенном по проспекту Ленина. На невысокого, худощавого бывшего офицера ученики не очень-то обратили внимание и отнеслись к нему как к обычному старику, каких было много. Но Роман Иннокентьевич так увлек их своими рассказами о фронтовых буднях и сражениях, что дети волей-неволей стали слушать и смотреть на него как на богатыря. Особую радость им доставили боевые награды, которые каждый из них мог запросто трогать и рассматривать изображения на них. Как боевую реликвию, он хранил офицерский кожаный планшет, испещренный осколками снаряда. Во время одного из боев 20 февраля 1944 г., когда младший лейтенант поднимал своих бойцов в атаку, его накрыла мина. Её осколки впились в ноги, но значительная часть их попала в планшет, что, как вспоминал впоследствии ветеран, спасло ему жизнь.

За трудовые успехи и ратный подвиг Р.И. Местников был награжден орденами «Знак Почета», Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др. Отличник высшего образования СССР, заслуженный учитель ЯАССР Р.И. Местников скончался 12 августа 1987 г.

Ныне исследователи истории Великой Отечественной войны и потомки тех, кто воевал на фронте с немецкими захватчиками, могут через систему Интернет войти в наградной фонд Цен-

трального архива Министерства обороны РФ. Так поступили и мы, и поиски увенчались успехом. В наших руках оказался наградной лист на командира взвода противотанковых орудий, лейтенанта Местникова Романа Иннокентьевича, заполненный командиром 502-го стрелкового полка 177-й Любаньской стрелковой дивизии подполковником Усольцевым.

Содержательную часть наградного листа от 31 января 1944 г. приводим полностью, поскольку Р.И. Местников такую награду, как известно, не получил: «Находясь на переднем крае обороны, тов. Местников первым заметил начавшийся отход противника из переднего края и по собственной инициативе начал своим взводом преследовать противника, вовлекая на выполнение этой задачи остальные подразделения переднего края 3-го стрелкового батальона.

В боях за деревню Болотница на подступах к городу Любань 27 января 1944 года тов. Местников из противотанкового ружья подавил 37 мм пушку противника. Когда вышел из строя командир стрелкового взвода, которому был придан взвод тов. Местникова, он взял на себя командование этим взводом и успешно атаковал деревню. Во время атаки тов. Местниковым был лично схвачен пленный немец и отправлен в штаб батальона. В этих боях тов. Местников лично из автомата уничтожил 4-х немцев.

За отважные и инициативные действия в бою считаю тов. Местникова достойным Правительственной награды – орденом «Красная Звезда»»*.

Этот эпизод выпал из его воспоминаний потому, что в наступательных боях в феврале того же года он был тяжело ранен под Нарвой и направлен в госпиталь. Боевая награда не нашла героя, который в связи с ранением был признан негодным к строевой службе. Впоследствии сам он не обращался в соответствующие ведомства о восстановлении награды, возможно, по причине незнания им о представлении его к боевому ордену. А рассказывать про свой подвиг, который не был своевременно отмечен командованием, вероятно, он считал зазорным. 12 февраля 1944 г. лейтенант Местников был награжден солдатской медалью «За отвагу». Следует сказать, что почти все фронтовики, проливавшие кровь в ожесточенных боях и солдатский пот на многотрудных дорогах от подступов к Москве до логова врага

*Стиль текста приведен без изменений.

Берлина, были такими же немногословными и скромными, как наш преподаватель, когда разговор касался их подвигов. Таким он и остался в нашей памяти – тихий и незаметный на вид воин, учитель, ученый Роман Иннокентьевич Местников.

Литература и источники

Иванов Ф.И. *Офицеры-якутяне – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Якутск, 1995. – С.103.*

Музей истории академической науки РС(Я). Ф.19. НВФ. № 845. Л. б.н.

Петров П.П. *Ученые института – ветераны Великой Отечественной // Якутский архив. – 2005. – № 1. – С. 71–72.*

podvignaroda.ru/filter/filterimage?patf...

П.П. Петров,

к.и.н., завмузеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС СО РАН

УДК 811.512.1+929

Николай Климович Антонов

В житейской суете мы обычно плохо знаем или вовсе не знаем многих современников, живших, трудившихся рядом с нами. И только после того, как они от нас уходят, с сожалением «открываем» их и с большим опозданием начинаем с благодарностью вспоминать их светлые имена...

Таким был наш добрейший и скромнейший старший товарищ, коллега и друг профессор Якутского госуниверситета Н.К. Антонов. Он был личностью незаурядной с разносторонними научными интересами.

Биография Н.К. Антонова интересная и весьма содержательная. Николай Климович родился 27 декабря 1919 г. в Нюрбинском районе, в с. Антоновка. С 1938 г. по август 1939 г. работал фельдшером в Усть-Алданском районе. В 1939 г. поступил на факультет языка и литературы Якутского пединститута. 6 марта 1942 г. с третьего курса был призван в ряды Красной Армии и по август 1942 г. служил фельдшером ср. службы 386-го стрелкового полка. С августа 1942 г. по август 1943 г. – старший военфельдшер 2-го отдельного батальона 39-й стрелковой бригады. С августа 1943 г. по декабрь 1944 г. – фельдшер 282-го стрелкового полка 275-й стрелковой дивизии. С 1944 г. по февраль 1945 г. – командир санитарного взвода 980-го стрелкового полка 275-й

стрелковой дивизии. С февраля 1945 г. по январь 1946 г. – старший военфельдшер 13-го отдельного транспортного эскадрона 59-й кавалерийской дивизии подвижной группы генерал-полковника И.А. Плиева. С января 1946 г. по август 1946 г. – старший военфельдшер 562-й отдельной кабельно-шестовой роты при штабе 36-й армии Забайкальского военного округа. Был демобилизован в августе 1946 г. в звании младшего лейтенанта медицинской службы. В 1946 г. продолжил учебу на четвертом курсе пединститута. В 1947 г. по окончании института был направлен в Институт языка, литературы и истории при Якутском филиале АН СССР и зачислен в штат младшим научным сотрудником. В 1948–1951 гг. учился в аспирантуре при Якутском филиале АН СССР. В 1953 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. С января 1952 по 1962 г. работал научным сотрудником ИЯЛИ. В 1962 г. перешел на работу в Якутский госуниверситет в должности заведующего кафедрой языка и литературы историко-филологического факультета. В 1964 г. Н.К. Антонову было присвоено звание доцента, в 1968 г. его перевели на должность старшего научного сотрудника для завершения темы «Исследования по исторической лексике якутского языка» в качестве докторской диссертации. 22 мая 1973 г. он успешно защитил докторскую диссертацию в г. Алма-Ате. В 1976 г. ему присвоено почетное звание профессора. В должности профессора на кафедре якутского языка и литературы он проработал до конца своей жизни (2002). Профессор Н.К. Антонов был заслуженным деятелем науки Республики Саха (Якутия), действительным чле-

© П.А. Слепцов, 2015

ном Международной тюркологической академии. Он является автором более 200 опубликованных и рукописных трудов, в том числе 12 монографий.

Активная, целеустремленная натура Николая Климовича жаждала больших масштабных дел, которые бы служили якутскому народу. Будучи широко и глубоко эрудированным ученым-тюркологом, он считал якутоведение, в частности, историю якутского народа и его языка, способным пролить свет на компаративистскую тюркологию. Если рассматривать его научную и учебно-педагогическую деятельность в данном аспекте, то перед нами предстает сильная, цельная фигура ученого-патриота.

Огромной заслугой Н.К. Антонова как компаративиста является то, что он искусно связал якутоведение с древнейшей историей тюркского мира. Как подчеркивал автор, история и культура Севера и средней полосы Евразии скифского времени и средних веков, языки народов Сибири и степной Евразии являются родственными. Антонов совершенно справедливо сетует на то, что интереснейшая история этого региона не изучается ни в институтах, ни в средних школах, не знают о ней и широкие слои населения [Антонов, 1994, с. 4]. Все это является нашим большим упущением, ибо, не зная историю и культуру родного края, нельзя любить его всем сердцем и душой. Эта работа стала первым пособием для студентов, её по достоинству оценили выдающиеся ученые-тюркологи, академики А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев, проф. Н.А. Баскаков. Вдумчивые читатели, особенно пытливые студенты, с большим интересом и пользой для себя должны изучать это интересное пособие, оставленное, как завет профессора. Вся эта история на основе археологических находок, архивных материалов и различных публикаций раскрывается в четырех книгах [Антонов, 1976; 1979; 1981; 1984], объединенных под названием «Наследие предков» [Антонов, 1994].

Николай Климович выпустил в 1970 г. книгу «Былыргы тюрк тыла: VI–VIII үйэлэр» [Антонов, 1970]. Второе издание вышло в 1998 г. О её уникальности говорит содержание (оглавление) разделов книги: «история изучения древних письмен тюрков, эпоха тюркских рунических писем, о рунических письмах “вечных камней”; богатство языка, алфавит, фонетика, морфология (части речи); перевод (на якутский язык) рунических письмен: малая надпись Кюль Тегина, большая надпись Кюль Тегина, надпись в честь То-

нюкука из енисейских писем; древнетюркско-якутский словарь» [Там же, с. 123–146].

Работа Н.К. Антонова об орхонских письменах стала популярной среди якутской интеллигенции и вызвала к жизни различные интерпретации, даже собственные расшифровки рунических писем. Изданная тиражом 5 тыс. экз., она быстро разошлась, потребовалось второе издание (как известно, языковедческие работы крайне редко переиздаются).

Основной научной работой Н.К. Антонова является его докторская диссертация «Исследования по исторической лексике якутского языка» [1973]. Она была высоко оценена крупными специалистами Новосибирска и Москвы, а также тюркскими лингвистами и историками. Выдающийся ученый, лексиколог-компаративист, академик АН Казахстана К.М. Мусаев, в своем заключении написал: «Книга вносит существенный вклад в развитие якутского языкознания, якутской истории. Ее значение выходит за пределы якутоведения и Якутии, она является ценным вкладом в тюркологию, и, несомненно послужит толчком для создания подобных трудов по другим многочисленным тюркским языкам» [Мусаев, 1972, с. 117–119].

Академик А.П. Окладников написал «Предисловие» к книге Н.К. Антонова «Материалы по исторической лексике якутского языка». Он высоко оценил книгу, в частности, подчеркнул, что «на материалах исторической лексики якутского языка охвачены принципиально важные для истории якутского народа проблемы, те самые, которые изучались на протяжении многих десятилетий, можно сказать с самого начала знакомства ученых с якутским народом и его прошлым, с его культурой со времен Витзена и Страленберга, Крашенинникова и других исследователей» [Окладников, 1971, с. 7]

Широкое общее значение наблюдений Н.К. Антонова представляет интерес для изучения истории взаимоотношений предков якутов, говоривших по-тюркски, с монголоязычными племенами в древности. В этом важном вопросе Н.К. Антонов выдвинул новую концепцию, согласно которой якутско-монгольские взаимосвязи могли быть намного древнее и не одностороннего направления, а двустороннего, т.е. носили характер взаимовлияния в эпоху образования первых кочевых государств. Н.К. Антонов разработал термины по социальному строю якутского народа, по старинно-

му погребальному обряду, который существовал в степях Забайкалья у племен культур плиточных могил. Безусловно, внимание читателей привлекают выводы автора о якутских терминах оседлого скотоводства, из чего делаются предположения, что первыми оседлыми скотоводами, самостоятельно создавшими самобытную терминологию этой культуры, были монголоязычные племена. Именно они могли передать якутам навыки и терминологию северного оседлого скотоводства.

На основе этимологии словарного состава терминов по государственному устройству автор солидаризируется с точкой зрения А.П. Окладникова, который писал, что, «рассматривая словарный состав архаического якутского языка, можно увидеть в нем следы таких социально-политических отношений, которые выходят далеко за пределы якутского общества XVII–XVIII вв., – это обломки общественно-политического строя, существовавшего когда-то в степных просторах Центральной Азии» [История Якутской АССР, 1949, т. 1, с. 389]. Автор считает, что якутские общественно-политические термины не показывают большой близости к соответствующим терминам тюркско-монгольских терминов эпохи средних веков, например времен Чингиз-хана и позже. Между тем, согласно господствующей до настоящего времени точке зрения, считается, что якуты жили в эпоху Чингиз-хана (Ст. Калужинский, Г.У. Эргис, И.В. Пухов и др.), о чем якобы говорят фольклорные имена Чыныс Хан Ыйааба.

Весьма интересными являются якутские термины по языческим верованиям. Термины тюркского происхождения свидетельствуют, что древние тюрки были солнцепоклонниками, молились солнцу. В конце XIX в. высказывалось мнение о монгольском (бурятском) происхождении шаманства у якутов. Антонов подтвердил его мнение, исходя из соответствий в монгольских языках (*эмэгэт*, *дунур*). Термины, связанные с культом бога Танара и его жрецом Айыы Ойууна, имеют исконно тюркское происхождение, а термины черного шаманизма – монгольское.

К сожалению, существенная часть монографии Н.К. Антонова осталась неизданной, и поэтому в последующих работах якутских языковедов и тюркологов не получила должного освещения и почти не использовалась. Впоследствии выводы Н.К. Антонова подтвердил проф. С.А. Иванов [1993, с. 206].

Таким образом, Н.К. Антонов своими исследованиями по истории якутской лексики и науч-

ными, научно-популярными работами по тюркологии проторил новые пути для якутской филологии. Все же следует отметить, что некоторые его выводы и заключения кажутся несколько противоречивыми, очевидно, из-за того, что он вслед за классиками тюркологии несколько предвзято, слишком удрежнял историю тюркских языков. Как известно, в настоящее время компаративистика определяет датировку распада пратюркской общности в пределах IV–III вв. до н.э., которые достаточно хорошо согласуются с исторической лексикой, получаемой с помощью глоттохронологических расчетов. Как отмечал сам Н.К. Антонов, по сравнению с исследованиями археологов его исторические взгляды не кажутся слишком древними, к тому же каждый ученый, особенно гуманитарий, имеет свои суждения и точку зрения на объект своего исследования.

Мы должны быть благодарны Н.К. Антонову за большой вклад в якутскую науку и должны воздать дань его подвижнической работе.

Как коллега, товарищ и друг Николай Климович был прекрасным, обаятельным человеком, желающим всем добра и благополучия. У него была какая-то детская непосредственность и искренняя благодарность и потому друзья звали его «Оҕо курдук оҕонньор»!

Литература

- Антонов Н.К.* Былыргы тюрк тыла: VI–VIII үйэлэр. – Якутскай: Якутскай кинигэ изд-вота, 1970. – 136 с.
- Антонов Н.К.* Исследования по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1973.
- Антонов Н.К.* Лекции по тюркологии. – Кн. 1. – Якутск, 1976; Кн. 2. – Якутск, 1979; Кн. 3. – Якутск, 1981; Кн. 4. – Якутск, 1984.
- Антонов Н.К.* Наследие предков. – 2-е изд. – Якутск, 1994.
- Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1993.
- История Якутской АССР. – Т. 1. – М., 1949.
- Мусаев М.К.* Ценный труд по исторической лексикологии якутского языка // Полярная звезда. – 1972. – Т. 4.
- Окладников А.П.* Предисловие / Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971.
- Петров Н.Е.* О стихотворной форме олонхо и её связи с поэзией орхонских тюрков // Советская тюркология. – 1977. – № 5.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб., 1994.

Щербак А.М. Историческая лексика тюркских языков. – М., 1961.

Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение

древней письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001.

П.А. Слепцов,

д.ф.н, г.н.с. сектора якутской лексикографии ИГиЛПНМС СО РАН

УДК 398+929

Иннокентий Васильевич Пухов

Накануне 70-летия Победы, оглядываясь в прошлое, человек задумывается о предшественниках, которые во благо родины брали в руки не только ручку и перо, но и ружье и винтовку, рискуя своей жизнью. Одним из таких сотрудников нашего института был Иннокентий Васильевич Пухов – эпосовед, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки ЯАССР (1976 г.), участник Гражданской и Великой Отечественной войн.

Иннокентий Васильевич Пухов родился 12 марта 1904 г. в I Курбусахском наслеге Борогонского (ныне Усть-Алданского) улуса. Его юность совпала со временем больших перемен в стране. И.В. Пухов всегда занимал активную гражданскую позицию. Так, в 1923 г. он принимал участие в ликвидации банд колчаковского генерала Пепеляева в качестве связного командующего вооруженными силами Якутской области; в составе группы нарревдотовцев, входившей в сводный отряд Мизина, участвовал в освобождении отряда И.Я. Строда в местности Сасыл-Сысы [Ученые исследователи..., 2010, с. 245].

В 1926 г. И.В. Пухов окончил Якутский педагогический техникум и поступил на отделение русского языка и литературы педагогического факультета Иркутского государственного университета, которое окончил в 1930 г. Еще будучи студентом, он активно занимался научной работой: состоял членом якутской секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, опубликовал несколько научных ста-

тей, сделал совместно с Н.М. Алексеевым перевод терминов кожевенного производства якутов.

В 1930–1936 гг. И.В. Пухов работал преподавателем в Якутском педтехникуме, составлял программы и учебники для школ республики. Затем переехал в Москву, в качестве редактора учебников, а также учителя русского языка и литературы.

Когда началась Великая Отечественная война, он встал в ряды защитников столицы и участвовал в битве за Москву, которая началась 30 сентября 1941 г. и продолжилась до 20 апреля 1942 г. Адольф Гитлер рассматривал взятие Москвы, столицы СССР и самого большого советского города, как одну из главных военных и политических целей операции «Барбаросса». В германской и западной военной истории эта битва известна как «Операция „Тайфун“». По воспоминаниям ветерана войны А.Г. Дмитриева, она была одной из решающих и кровопролитных в истории войны, в ней участвовало много якутян, внесших большой вклад в победу над Германией [Дмитриев, 2010, с. 10]. И.В. Пухов прошел Великую Отечественную войну в звании от рядового, младшего сержанта и до младшего лейтенанта, командира пулеметного взвода, участвовал в боях в составе 1203-го стрелкового полка 354-й стрелковой дивизии на Западном и Калининском фронтах. За боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды [Пухов..., 1999, с. 55].

После войны Иннокентий Васильевич решил связать свою судьбу с наукой. В 1947 г. окончил аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова, где изучал фольклор под руководством проф. П.Г. Богатырева. В 1947–1954 гг. работал младшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Якутского филиала Академии наук СССР (сейчас – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Затем в 1954 г. специальным рас-

поряжением Президиума АН СССР был переведен на работу в г. Москву в Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где проработал 25 лет научным сотрудником.

В 1956 г. И.В. Пухов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идеи и образы олонхо Дмитрия Михайловича Говорова “Мюлдью Сильный”». В 1962 г. он издал первую монографию «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы», получившую положительный отклик у специалистов СССР и за рубежом. Якутские фольклористы в своих трудах основываются на его системе образов олонхо.

Далее он расширил круг научных интересов и начал изучать в сравнительном аспекте эпосы якутов и алтае-саянских, тунгусо-маньчжурских народов. Тем самым он внес значительный вклад в изучение тюрко-монгольских народов и народов Севера в плане этногенеза древних якутов, типологии и эпического стиля. И.В. Пухов также имел большой опыт в текстологическом исследовании, редактировании якутского героического эпоса. Он был консультантом, научным редактором перевода олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» на русский язык, автором большой научной статьи «Олонхо – древний эпос якутов» и комментария.

Помимо занятия фольклористикой, И.В. Пухов принимал активное участие в литературной жизни Якутии. Его называли послом якутской литературы в г. Москве. Следует подчеркнуть его участие в дискуссиях по увековечиванию и реабилитации имен первых якутских писателей, литературоведов, в результате чего в 1962 г. вышло постановление бюро Обкома КПСС «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы».

И.В. Пухов являлся консультантом раздела по якутской литературе в «Большой Советской Энци-

клопедии» и «Краткой литературной энциклопедии», преподавал в Литературном институте им. А.М. Горького. Под его руководством 15 якутян защитили кандидатские и докторские диссертации.

Его можно охарактеризовать и как спортсмена-шахматиста, который в 1935 г. стал первым чемпионом Якутии по шахматам. С 1998 г. в г. Якутске ежегодно проводятся шахматные турниры в память И.В. Пухова.

В 2004 г. Институт гуманитарных исследований АН РС(Я) провел всероссийскую научную конференцию «Эпос тюрко-монгольских народов», посвященную 100-летию со дня рождения И.В. Пухова, а в 2014 г. НИИ «Олонхо» СВФУ им. М.К. Аммосова – всероссийскую научную конференцию «Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов», посвященную 110-летию И.В. Пухова. Таким образом, юбилейные даты И.В. Пухова превратились в добрую традицию организаций конференций, где обсуждаются проблемы типологии и связи эпоса тюрко-монгольских народов.

Литература

Дмитриев А.Г. Улуу Москва көмүскэлигэр. – Якутск: Бичик, 2010. – 72 с.

Пухов Иннокентий Васильевич: Ахтыгылар. Воспоминания / сост. Д.И. Пухов. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1999. – 200 с.

Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН: библиографический справочник / сост. П.И. Докторов, Е.П. Антонов, С.Е. Никитина. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2010. – 316 с.

*А.А. Кузьмина,
к.ф.н., н.с. сектора якутского фольклора
ИГИиПМНС СО РАН*

Никита Петрович Канаев

Никита Петрович Канаев родился в с. Аммосовка Нюрбинского улуса ЯАССР.

Его трудовая и научная деятельность началась с 1928 г. В 1928–1929 гг. он работал в аппарате ЯЦИКа. В 1929–1932 гг. учился в Иркутском государственном университете, в 1932–1933 гг. работал учителем. В 1934–1939 гг. учился в Московском институте истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского. Работал переводчиком в якутской редакции при Учпедгизе РСФСР. В 1941–1942 гг. Н.П. Канаев продолжил педагогическую работу в должности директора школы. В 1942 г. был мобилизован на войну. Служил на Калининском фронте командиром минометного расчета, наводчиком. Был награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени, многочисленными боевыми медалями. В 1943 г. был демобилизован по ранению. В 1943–1946 гг. он работал школьным инспектором Наркомпроса ЯАССР. В 1946 г. стал главным редактором журнала «Хотугу сулус», в 1947–1952 гг. работал редактором отдела журнала «Хотугу сулус».

Именно в эти годы Н.П. Канаев в соавторстве с Г. Ефремовым, Г. Тихоновым написал весьма спорную для развития якутской литературы брошюру «Против извращений истории якутской литературы» (1953), направленную против книги Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя». Безусловно, участие в написании данной брошюры негативно отразилось на его научной деятельности. После постановления бюро обкома партии от 16 февраля 1962 г. Н.П. Канаев отказался от ошибочных убеждений в оценке литературного наследия писателей-основоположников А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева.

В 1952–1970 гг. Н.П. Канаев работал младшим научным сотрудником, а в 1970–1980 гг. – старшим научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории. В 1967 г. защитил диссертацию

на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Творчество В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова». В 1975 г. был утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «Литература народов СССР».

В трудах Н.П. Канаева разработаны проблемы русско-якутских литературных связей, литературной критики, истории развития якутской литературы. В монографиях «Тема дружбы народов в якутской литературе» (1955), «Русско-якутские литературные связи» (1965), «Из истории русско-якутских литературных связей советского периода» (1973) исследуются контактно-типологические связи якутской литературы. Определяя типологические параллели в творчестве якутских и русских писателей, Н. Канаев выявляет национальное своеобразие произведений якутских писателей.

Изучению истории якутской литературы, в частности 1940–1960-х гг., посвящена его книга «Якутская советская литература (1941–1962)» (1963). Труды Н.П. Канаева – «Творчество Н.Е. Мординова» (1964) и «Творчество В. Новикова-Кюннюк Урастырова» (1968) – являются первыми монографическими исследованиями по изучению художественного наследия народных писателей.

Изучению истории якутской критики посвящена книга «Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925–1940)» (1984). Данная работа Н. Канаева отличается разработкой сложных вопросов истории якутской литературы, роли общества «Саха омук», журнала «Чолбон» в развитии литературы и литературной критики Якутии. Н.П. Канаев также принимал участие в издании «Очерков истории якутской советской литературы» (М., 1955; Якутск, 1956; Якутск, 1970, в соавт. с Г. Эргисом и Г. Васильевым). Статьи ученого были опубликованы в журналах «Литературное обозрение» (Москва), «Ударник» (Иркутск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «По ленинскому пути», «Полярная звезда», «Хотугу сулус», а также на страницах центральной и местной печати.

Н.П. Канаев был известен как переводчик. Им переведено на якутский язык более 20 книг.

Д.Е. Васильева,

*д.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения
ИГиЛТМНС СО РАН*

Захар Васильевич Гоголев

Научная биография доктора исторических наук Захара Васильевича Гоголева, проработавшего 14 лет в должности директора Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР, внесшего значительный вклад в становление и развитие академической науки в республике, до сих пор не

изучена и не написана. Его труды не подверглись достойному историографическому анализу. Настоящая статья является первой попыткой рассмотреть его подлинную биографию, основываясь на скудных архивных материалах, хранящихся в Архиве Якутского научного центра СО РАН, Музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина, и справочных изданиях института. Она не претендует, естественно, на полноту и не носит исчерпывающего характера. Тем не менее, в ней сделана попытка восстановить в какой-то степени тот путь, который был пройден труженником, посвятившим свою жизнь во благо развития академической исторической науки Якутии.

Захар Васильевич Гоголев родился 1 августа 1911 г. в Дюпсинском улусе в семье крестьянина-середняка. После окончания Якутского педагогического техникума работал в аппарате ЦИК ЯАССР, затем в обкоме РКСМ. В 1936 г. поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы, который в 1940 г. с отличием закончил и поступил в аспирантуру при кафедре истории восточных стран.

С первых дней войны он записался добровольцем в ряды народного ополчения Ленинского района г. Москвы, которое в тяжелые дни войны в ноябре 1941 г. было преобразовано в 1281-й стрелковый полк 60-й стрелковой дивизии. Политрук 9-й роты З.В. Гоголев впоследствии писал: «... в первых числах октября 1941 г. наступающие части врага севернее г. Смоленска прорвали оборону Западного фронта и в районе Рославля продвинулись в направлении Москвы. Создалась

опасность окружения врагом наших войск, державших оборону под г. Ельня. Наша дивизия, оказывая упорное сопротивление, отступала с большими потерями. Авиация противника постоянно бомбила наши позиции, а танки прорывали оборону дивизии. Несмотря на наступление превосходящих сил врага, с упорными боями мы вышли из окружения южнее столицы. В конце ноября во время ожесточенного боя я был тяжело ранен в ногу».

Во время оборонительных сражений под г. Ельня политрук роты З.В. Гоголев замещал командира роты, лично уничтожил двух фашистов. В этих кровопролитных боях погиб уроженец Якутии генерал-майор Л.И. Котельников – командир 60-й стрелковой дивизии. В боях за Родину офицер З.В. Гоголев с августа 1941 г. вплоть до ранения в апреле 1942 г. находился на передовых позициях, на самых трудных участках борьбы с врагами, не раз сталкивался со смертью лицом к лицу. Весной был тяжело ранен во второй раз и по излечении с августа того же года находился в резерве политуправления армии. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими оккупантами, З.В. Гоголев был награжден орденом Красного Знамени и медалями. До 1948 г. в звании капитана служил преподавателем Киевского краснознаменного военного пехотного училища.

В 1948 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Советско-турецкие отношения в 1919–1923 гг.». Вскоре молодого историка пригласили на работу в Институт языка, литературы и истории при Совете Министров Якутской АССР в качестве директора. С 20 октября 1949 г. по 1963 г. он возглавлял институт, а с 1958 г. – одновременно являлся заместителем председателя президиума Якутского филиала АН СССР. В 1963 г. он с семьей переезжает в г. Новосибирск. З.В. Гоголев работал сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором общих проблем истории Института истории, филологии и филологии СО АН СССР.

Наиболее плодотворно трудился он в родной Якутии, возглавляя центр гуманитарного направления науки республики – Институт языка, литературы и истории, созданный по инициативе

П.А. Ойунского в 1935 г. С включением института в систему академической научной структуры союзного масштаба в 1947 г. началось подлинное его становление как научно-исследовательского учреждения, тесно связанное с именем З.В. Гоголева. В период его деятельности на посту директора институт значительно расширился, укрепился научными кадрами, оживилась его научно-исследовательская деятельность, усилился его контакт с центральными научно-исследовательскими учреждениями и учеными-якутоведами, что сыграло важную роль в изучении истории материальной и духовной культуры народов Якутии и разработке научной грамматики якутского языка.

С 1947 г. началась подготовка к написанию многотомной истории Якутии. Как директор института, З.В. Гоголев вплотную занимался вопросами составления основных направлений томов, подбора редакционной коллегии, авторского коллектива, авторов статей и глав, их экспертизы путем обсуждений, устранения недостатков и замечаний, выполнения редакторской и корректорской работы, выбора типографии, финансирования изданий и решения многих мелких и крупных вопросов, утрясти которые мог только он один. К этой работе, наряду с местными научными кадрами, были привлечены и известные историки страны – А.П. Окладников, С.А. Токарев, Н.Н. Степанов и др. Первый том «Истории Якутской АССР» был издан в 1949 г., а в 1955 г. вышло второе, дополненное его издание. В 1957 г. вышел второй том «Истории Якутской АССР», в написании которого приняли участие сотрудники института И.С. Гурвич, Ф.Г. Сафронов, О.В. Ионов. Авторскому коллективу института научную помощь оказали ленинградские и московские ученые, с которыми директор института поддерживал деловые контакты. Последний, третий том «Истории» вышел в 1963 г. Его авторами были З.В. Гоголев, В.В. Николаева, Д.Д. Петров, В.Н. Чемезов и др. Несмотря на то, что историческая наука в решении актуальных проблем истории республики намного ушла вперед, эти три тома до сих пор остаются единственным и полным академическим трудом по истории Якутии.

В 1950-е гг. одной из первоочередных задач в исследовательской работе З.В. Гоголев поставил сбор и публикацию архивных документальных материалов. Под его руководством сотрудники института смогли впервые заняться выявлением, отбором, составлением сборников архивных ма-

териалов. В результате вышли такие капитальные сборники, как «Революционные события 1905–1907 гг.» (1956), «Борьба за установление и упрочение советской власти» в двух частях, каждая из которых состояла из двух книг (1957–1962).

Этнографические исследования сотрудниками института проводились постоянно и планомерно, в результате чего были подготовлены и изданы «Сборник материалов по этнографии якутов» (1948), «Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии» (вып. 2, 1961).

В полевые сезоны З.В. Гоголев продолжил археологическую работу, начатую еще А.П. Окладниковым. С этой целью лично организовал этнографо-археологические экспедиции в Усть-Алданский, Амгинский и Колымский районы, результаты которых им обобщены в статьях, опубликованных в «Ученых записках» ИЯЛИ. Он же привлек к работе молодую тогда С.А. Федосееву, которая в 1959–1963 гг. провела значительную археологическую работу в зоне строительства Вилюйской гидроэлектростанции.

В начале деятельности З.В. Гоголева академический институт состоял из двух секторов: языка и литературы, истории. В 1948 г. открылся сектор искусствоведческого направления, которым руководил М.Н. Жирков. В нем плодотворно трудились известные краеведы П.В. Попов, М.М. Носов, в более позднее время – М.Я. Жорницкая, И.А. Потапов.

З.В. Гоголев сумел еще тогда поставить и правильно сформулировать вопрос об открытии сектора фольклора. И вот 10 марта 1961 г. вышло постановление президиума АН СССР об открытии самостоятельного сектора фольклора, сотрудники которого в последующие годы проделали значительную работу по сохранению и изучению памятников устного народного творчества народов Якутии. Тогда же заметным явлением в деятельности института и его директора стало издание «Исторических преданий и рассказов якутов» в двух томах (1960) и «Якутских сказок» (1964).

Языковеды в основном работали по следующим направлениям: разработка вопросов научной грамматики; изучение диалектов и говоров якутского языка, лексического состава современного якутского языка и прикладных вопросов языка. В период работы З.В. Гоголева защитили диссертации ныне известные языковеды, доктора наук Л.Н. Харитонов, Н.К. Антонов, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров. Знаменательным событием в

культурной жизни республики и мировой тюркологии стало совместное с отделом литературы и языка Академии наук СССР полное издание в 1958 г. «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского в трех выпусках.

З.В. Гоголев большое внимание уделял исследованию языка и культуры малочисленных народов Якутии. В 1950-е гг. приступили к составлению диалектологического словаря эвенкийского языка А.В. Романова и А.Н. Мыреева. В 1964 г. они выпустили «Очерки учурского, майского и токкинского говоров». В 1955–1956 гг. Л.Д. Ришес занималась изучением диалектов эвенов Момского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов.

В период деятельности З.В. Гоголева институт значительно вырос в количественном и качественном отношении. Если в 1947 г. в нем было 26 научных и научно-технических работников, в том числе семь кандидатов наук, то к концу 1967 г. – 52, в том числе два доктора и 22 кандидата наук. С 1951 г. институт выпускал «Ученые записки». Всего вышло пять выпусков (1951, 1955, 1956, 1958), а с 1959 г. – «Труды ИЯЛИ».

Вместе с тем следует отметить, что за время его деятельности в качестве директора института в стране произошли такие крупные общественно-политические события, как смерть Сталина и разоблачение его культа личности. Научным сотрудникам, привыкшим действовать только по указаниям партии и уже имевшим сложившиеся взгляды на общественные проблемы, было тяжело работать в новых условиях. 6 февраля 1952 г. вышло постановление бюро Якутского обкома ВКП(б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы», во многом инициированное первым секретарем Якутского ОК ВКП(б) С.З. Борисовым, направленное на резкую критику книги Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», вышедшей в 1944 г. З.В. Гоголев был одним из редакторов скандально известной брошюры Н. Канаева, Г. Ефремова, Г. Тихонова «Против извращений истории якутской литературы». Серьезными недостатками страдал и изданный в 1955 г. институтом «Очерк истории якутской советской литературы».

Реабилитация незаконно репрессированных личностей, в том числе основателя института П.А. Ойунского, и пересмотр их деятельности значительно повлияли на общественно-политическую обстановку. З.В. Гоголев еще в середине

1930-х гг. опубликовал в местной прессе статью о П.А. Ойунском, что дало ему возможность более основательно исследовать его творческую биографию, опубликованную в 1-м томе «Сочинений» писателя. Затем З.В. Гоголев провел научную сессию Института языка, литературы и истории, посвященную 65-летию со дня рождения П.А. Ойунского, и издал материалы сессии отдельной книгой – «Платон Алексеевич Ойунский» (1959), в которой впервые были освещены вопросы литературной, научной и общественно-политической деятельности писателя.

После критики «культа личности» коллектив института, руководимый З.В. Гоголевым, с новых позиций оценил творчество А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, выпустив их художественные произведения: «Ырыа-хоһоон» Кулаковского (1957), «Талыллыбыт айымнылар» Софронова (1959), «Талыллыбыт айымнылар» Неустроева (1959), «Сочинения» П.А. Ойунского (Т. 1, 2, 6 (1958, 1960)). Во многом плодотворная и последовательная работа сотрудников института, руководимого З.В. Гоголевым, подготовила почву для выхода постановления ОК КПСС от 16 февраля 1962 г. «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы», которое в последующие годы создало определенный благотворный климат в изучении литературного наследия трех дореволюционных писателей в русле коммунистической идеологии.

Обстоятельства перевода З.В. Гоголева в Новосибирск в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР остаются неизвестными. Но можно предположить, что он готовил докторскую диссертацию и надеялся защитить ее в академическом институте, руководимом А.П. Окладниковым, с которым он поддерживал деловые, научные и дружественные связи. В новом институте он вошел в редакционную коллегию и стал заместителем главного редактора пятитомной «Истории Сибири». Им были подготовлены раздел о древних якутах для первого тома и разделы о народах Сибири – для третьего и четвертого томов. Сначала он работал в должности старшего научного сотрудника, затем заведующего сектором общих проблем истории.

Несмотря на большую загруженность, Захар Васильевич сумел подготовить и издать книгу «Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк)» под грифом Института исто-

рии, филологии и философии СО АН СССР в 1970 г., через два года – книгу «Социально-экономическое развитие Якутии (1917–1941 гг.)». В первой книге автор сделал подробный анализ развития промышленности, торговли, сельского хозяйства и промыслов; изложил свой взгляд на характер земельных отношений и расслоения якутского крестьянства; рассмотрел вопросы колониальной политики царизма, революционной борьбы в 1905 г., исторические события периода февральской революции и др. В книге показана история Якутии периода капитализма, изучены события накануне Октябрьской революции, которые подготовили почву для установления советской власти. Содержание этих книг стало основой его докторской диссертации, защищенной в 1972 г.

Сразу же после появления книги вопросы, затрагиваемые в ней, стали предметом обсуждений. Методы исследования проблемы и положения, выдвинутые автором, итоги его исследовательского труда были подвергнуты жесткой критике Г.П. Башариным, который специально для этого написал отдельную книгу под названием «Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века (По поводу книги З.В. Гоголева “Якутия на рубеже XIX–XX вв.”)»).

В 1969–1970 гг. З.В. Гоголев присоединился к археологической экспедиционной деятельности А.П. Окладникова и побывал в далеком Зашиверске, где было принято решение перенести древнюю Зашиверскую Спасскую церковь в Академический городок под Новосибирском. Он возглавил исследовательскую группу, которая занялась поисками документальных материалов в архивах страны об этом храме. Итогом деятельности этой экспедиции явилось издание капитального труда «Древний Зашиверск», соавтором которого был З.В. Гоголев.

Дискуссия о проблемах социально-экономического развития Якутии на рубеже XIX–XX вв. перешла в политическую плоскость. Якутский обком КПСС, считая, что развитие общественных наук, в т. ч. исторической, находится в центре внимания партии, приступил к рассмотрению вопросов развития исторической науки, чтобы «обеспечить высокий идейный и теоретический уровень научных исследований».

24–25 декабря 1974 г. в областном комитете партии состоялось совещание историков республики. В нем приняли участие члены и кандидаты в члены бюро обкома КПСС, ответственные ра-

ботники обкома партии, ученые-историки Якутского филиала СО АН СССР, Якутского госуниверситета, научных учреждений Москвы и Новосибирска. Приехал и тяжелобольной З.В. Гоголев.

В обсуждении доклада, с которым выступил секретарь обкома партии Ю.Н. Прокопьев, приняли участие директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР академик А.П. Окладников, председатель президиума Якутского филиала СО АН СССР, член-корреспондент АН СССР Н.В. Черский, директор Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР доктор филологических наук Е.И. Коркина, проректор Якутского государственного университета профессор Н.С. Иванов и др.

Участники совещания по актуальным вопросам исторической науки Якутии приняли тогда рекомендации, которые в обобщенном виде были опубликованы в республиканских официальных газетах в марте 1975 г. Тем не менее в Якутске оставались его сторонники, которые воздавали должное З.В. Гоголеву, первым попытавшемуся сделать анализ сложного процесса общественно-экономических отношений в Якутии конца XIX – начала XX вв., народы которой неуклонно шли по пути капиталистического развития.

Во время перерыва совещания 24 декабря 1974 г. произошел трагический случай – остановилось сердце, в результате чего оборвалась жизнь замечательного человека, видного ученого, организатора науки З.В. Гоголева. Под некрологом, помещенном в газете «Социалистическая Якутия» от 26 декабря 1974 г., подписались Ю.Н. Прокопьев, А.П. Окладников, Н.В. Черский, Н.И. Соломов, В.И. Федоров, Е.И. Коркина, А.И. Кузьмин, В.Н. Антипин, В.В. Ковальский, Н.Н. Тобуроков, Ф.Г. Сафронов, А.И. Новгородов, И.С. Гурвич, А.В. Паулин, А.А. Пономарев и др.

З.В. Гоголев был похоронен на кладбище по Вилуйскому переулку г. Якутска. На его могиле установлен скромный надгробный памятник из красноватого гранита без излишних надписей.

Что касается основных выводов, изложенных в его трудах, то они были поддержаны и развиты последующими исследователями, в том числе П.П. Петровым, В.П. Захаровым, которые на большом фактическом материале подтвердили и дальше развили выводы З.В. Гоголева. Государственная собственность на землю, усиленное проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство якутских и русских крестьян и втяги-

вание экономики Якутии в общероссийский капиталистический рынок – к этим выводам после долголетней исследовательской работы пришел и В.И. Федоров, ныне доктор исторических наук.

Таким образом, научные труды З.В. Гоголева, пройдя испытание временем и событиями, не-

смотря на разные точки зрения его оппонентов, заняли достойное место в сокровищнице исторической науки Якутии.

П.П. Петров,

к.и.н., завмузеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС СО РАН

УДК 94(571.56)+929

Петр Спиридонович Софронеев

9 мая 2015 г. исполняется 70 лет со дня Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Великая Отечественная война оказала огромное влияние на судьбу каждой семьи в нашей стране. Ныне актуальным становится выявление роли народов России и отдельных лично-

стей в военном и трудовом фронте. Многие ученые-историки Якутии участвовали в военных действиях, и оценка их деятельности, безусловно, существенно дополнит общую картину этой самой кровопролитной войны XX столетия.

Петр Спиридонович Софронеев родился 12 июля 1919 г. в Теинском наслеге Кобяйского улуса в семье крестьян-бедняков Спиридона Петровича и Анны Михайловны. Во время Гражданской войны отец был принудительно мобилизован в белоповстанческий отряд Конона Никифорова. Спиридон Петрович дважды пытался дезертировать, но из-за угрозы расправы остался среди повстанцев до ликвидации группировки под ударами красноармейских частей.

С 1933 по 1960 г. родители являлись колхозниками, а затем – рабочими Кобяйского совхоза.

В 1935 г. Петр Софронеев окончил Кокуйскую начальную школу, в 1936 г. – Кобяйскую семилетнюю школу. С 1936 по 1939 г. обучался на Якутском педагогическом рабфаке (рабочий факультет); с сентября по ноябрь 1939 г. – на историческом факультете Якутского педагогического института. Учебу оставил по состоянию здоровья и выехал в

родной район. С декабря 1939 г. по июнь 1942 г. работал учителем Теинской начальной школы.

В июне 1942 г. Петра Софронеева призвали в ряды Красной Армии. После прохождения учебно-боевой подготовки на Урале с сентября 1942 г. группу солдат, знающих русский язык, отправили в г. Миасс в I Московское артиллерийское училище им. Красина. В 1943 г. более половины состава курсантов отправили в Москву, где их зачислили в 21-ю отдельную гвардейскую минометную бригаду. «Наш боевой путь, – вспоминал он, – начался в ноябре 1943 г., когда бригада была передана II Украинскому фронту и оказалась на правобережной Украине. Я был артиллеристом – наводчиком дальнобойных орудий, которые в народе прозвали “Андрюшами”. Мы часто меняли обстановку, останавливались в лесах, вдали от городов и деревень, чтобы нас не бомбили, но немцы несколько раз вычисляли наше местоположение и накрывали таким массированным огнем, что мы теряли много солдат и орудий. В августе 44-го наша 21-я бригада приняла активное участие в Яссо-Кишиневской операции. Это сражение трудно описать, земля будто тряслась под ногами, не было видно солнца, сплошные гарь и дым. Немцы вместе с румынами отчаянно сопротивлялись. В результате была разгромлена большая группировка противника и полностью освобождены территории Украины и Молдавии. Мы перешли границу СССР. Это была большая радость!..».

С апреля 1944 г. по май 1945 г. П.С. Софронеев участвовал в освобождении от фашистов Румынии, Польши, Чехословакии и Германии. «О победе в войне услышали по радио в Чехословакии, продолжая еще в это время сражаться. Отборные эсэсовские части никак не хотели капитулировать, не сдавались в плен, – писал он, – после 9 мая наша бригада потеряла очень много

солдат и офицеров. Война закончилась для нас только 12 мая. Бесконечная радость по случаю капитуляции фашистской Германии и горечь от гибели боевых товарищей уже после победы потрясли нас всех. И не скоро еще мы по-настоящему ощутили мир – красоту и прелесть природы, ясный солнечный день, воздух без пороховой гари и чудесные голоса поющих в тиши птиц...». В 1944 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги», в 1945 г. – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Из армии он демобилизовался лишь в феврале 1946 г.

С июня 1946 г. по август 1948 г. работал заведующим Теинской начальной школы; с августа 1948 г. по август 1950 г. – директором Танаринской семилетней школы. Но потом все же решил осуществить свою давнюю мечту о завершении высшего образования, хотя 30-летнему фронтовику отважиться на это было, видимо, нелегко.

С сентября 1950 г. по июль 1954 г. П.С. Софронеев учился в Якутском педагогическом институте. Среди молодых сокурсников он выделялся способностями, настойчивостью и глубокими знаниями, вскоре стал Сталинским стипендиатом, активно занимался в знаменитом научном кружке «История» под руководством доктора исторических наук, профессора Г.П. Башарина. Во время учебы в 1953–1954 гг. избирался в Якутский городской Совет депутатов трудящихся и входил в состав парткома. После окончания института получил квалификацию учителя средней школы.

С августа 1954 г. по октябрь 1956 г. П.С. Софронеев был завучем Среднеколымской средней школы. В 1955–1956 гг. избирался в Среднеколымский городской Совет депутатов трудящихся.

С ноября 1956 г. по ноябрь 1959 г. П.С. Софронеев учился в аспирантуре ЯФ СО АН СССР по специальности «История СССР». С декабря 1959 г. по январь 1961 г. исполнял обязанности младшего научного сотрудника; с февраля 1961 г. по май 1964 г. – младший научный сотрудник. В это время П.С. Софронеев работал над монографией «Якуты в первой половине XVIII в.». Она охватывала наиболее неизученный период истории Якутии, о котором сохранились очень скудные письменные источники. Однако, несмотря на это, молодой исследователь провел огромную работу по выявлению документов в центральных, сибирских и якутских архивохранилищах, по систематизации и обобщению собранных материалов. Автор дал характеристику социально-эконо-

мических отношений якутов, их хозяйства и быта в первой половине XVIII в. При этом высказал оригинальную точку зрения по спорному теоретическому вопросу об основном средстве производства у животноводческих народов. Осветил отдельные стороны духовной жизни якутов и прогрессивное влияние Русского государства на развитие якутского общества. Данная монография не утратила своей актуальности и поныне.

Петр Спиридонович активно участвовал в общественной жизни института, являясь секретарем партийной организации ИЯЛИ.

В 1962 г. П.С. Софронеев занимался выявлением и изучением документов по истории юкагиров XVIII в. Отобранные им документы были включены в сборник «Материалов юкагирской экспедиции», подготавливаемый к печати Институтом этнографии АН СССР. В 1963 г. изучал источники по социально-экономической истории якутов конца XIX – начала XX вв. в связи с подготовкой к изданию сборника документов по истории коллективизации сельского хозяйства Якутии. В 1965–1968 гг. в соавторстве с В.В. Николаевой и Н.П. Шамаевой написал монографию «Крестьянство Якутии в период перехода от социализма к коммунизму», в которой исследовалось укрепление и развитие колхозного строя в Якутии послевоенного периода. С мая 1964 г. по март 1970 г. был ученым секретарем ИЯЛИ. Обладая организаторскими способностями, во второй раз был избран секретарем партийной организации ИЯЛИ.

23 февраля 1970 г. он написал заявление на имя председателя Президиума ЯФ СО АН СССР, чл.-корр. АН СССР Н.В. Черского. В нем содержалась просьба об освобождении его от обязанностей ученого секретаря ИЯЛИ по состоянию здоровья. Петр Спиридонович хотел сосредоточиться на научно-исследовательской деятельности. Исполняющий обязанности директора ИЯЛИ Н.В. Емельянов удовлетворил его просьбу.

11 мая 1971 г. Совет по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР присудил П.С. Софронееву ученую степень кандидата исторических наук по теме «Якуты в первой половине XVIII века».

В 1970–1975 гг. П.С. Софронеев работал младшим научным сотрудником; с 1 марта 1975 г. по 1978 г. – старшим научным сотрудником сектора истории советского периода ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. С 1971 г. приступил к разработке темы «История советского крестьянства и колхозного

строительства в Якутии». В 1974–1975 гг. по заданию Института истории, филологии и философии СО АН СССР выполнил работу по теме «Трудности и успехи послевоенного развития крестьянства Сибири». С 1976 г. участвовал в разработке коллективной темы «Якутская АССР в период развитого социализма».

П.С. Софронеев являлся специалистом по социально-экономической истории якутов XVII–XIX и начала XX вв. Им опубликовано более 30 научных работ, в том числе монография «Якуты в первой половине XVIII в.» (Якутск, 1972). В них он охарактеризовал социально-экономические отношения якутов, их хозяйство и быт, в новом аспекте попытался решить теоретический вопрос об основных средствах производства у животноводческих народов, осветил отдельные стороны духовной жизни якутов и прогрессивное влияние Русского государства на развитие якутского общества.

Из наиболее интересных опубликованных документов и статей можно выделить: «О Тамгинском заводе (документ)» (сб.: Научные сообщения ЯФ СО АН СССР. – 1961. – № 6); «О хозяйстве якутов в первой половине XVIII в.» (докл. на XIV научной сессии ЯФ СО АН СССР (1964)); «О развитии товарно-денежных отношений в Якутии конца XVII – первой половины XVIII века» (сб.: Из истории Якутии XVII–XIX вв. – Якутск, 1965), «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов Якутской АССР в послевоенный период» (сб.: История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири (Улан-Удэ, 1971)); рецензию на книгу З.В. Гоголева «Социально-экономическое развитие Якутии» (Новосибирск, 1970), а в соавторстве с В.Н. Антипиным, А.Н. Айкаровым выпустил книгу «Изучение истории и источниковедения Якутии» (Якутск, 1971).

П.С. Софронеев – один из составителей и редакторов двухтомного сборника документов и материалов «Коллективизация сельского хозяй-

ства Якутской АССР» (Якутск, 1974) и соавтор коллективного научного отчета «Крестьянство Якутии в советский период».

В 1974 г. П.С. Софронеева за заслуги в развитии научных исследований, активную общественную работу и в связи с 250-летием Академии наук СССР наградили Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Якутской АССР. Его фундаментальные разработки истории народа саха XVIII в. до сих пор ждут своего продолжения. Петр Спиридонович, несомненно, внес бы еще больший вклад в изучение истории Сибири и Якутии, но последствия тяжелой фронтальной жизни и смерть единственного сына не позволили ему дожить даже до своего 60-летия. Первый ученый – историк из Кобяйского улуса скончался 4 июля 1978 г. Активным в общественной жизни, трудолюбивым, скромным, отзывчивым и честным человеком остался он в людской памяти.

Литература и источники

Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 18. Д. 39.

Советские историки-якутоведы. – Якутск, 1973.

Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории: Биобиблиографический справочник / сост. П.И. Докторов. – Якутск, 1995.

Ученые-исследователи Института гуманитарных исследований Академии наук РС (Я): Биобиблиографический справочник. – Якутск, 2005.

Айкаров А. Көтүтүүгэ хаалбыты ситэрэн (В восполнение упущенного) // Кыым. – 1971. – Ыам ыйын 26 к.

Иванов М. Астык чинчийии (Капитальное исследование) // Эмиэ онно. – Балаган ыйын 26 к.

Е.П. Антонов,
к.и.н., завсектором истории Якутии
ИГИиПМНС СО РАН

Николай Захарович Копырин

Николай Захарович Копырин родился 5 декабря 1923 г. в Онерском наслеге Усть-Алданского улуса.

О военных годах в своей автобиографии Николай Захарович писал коротко и сдержанно: «В 1940 году, осенью поступил на I курс Якутского педрабфака, но, к сожалению, война с немец-

ко-фашистскими захватчиками прервала учебу. 18 августа 1942 года был призван в Советскую Армию и прослужил рядовым солдатом до февраля 1947 года». Он прошел боевой путь от Дона до Одессы и через Белоруссию, Польшу до Берлина. Был награжден четырьмя медалями: «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»; позже – орденом Отечественной войны II степени.

Находясь в рядах миноподрывного взвода, рядовой Николай Копырин в составе IV Украинского фронта освобождал города и села Украины, Белоруссии и Польши, дошел до Берлина.

О войне Николай Захарович говорил редко и скупно, но с неизменным чувством гордости за свою родину и народ: «Я прошлое не хочу не приукрашать, ни ругать. Во время войны дисциплина и морально-политический дух Красной Армии были очень сильны. Унижений друг друга и национализма не было. Превосходила верность Родине и народу» (из книги Н.З. Копырина «Олобум онкуллара»).

По характеру и своим убеждениям он был созидателем. Этим можно объяснить то, что Николай Копырин решил продолжить службу в рядах Красной Армии (до февраля 1947 г.) и работать на восстановлении разрушенных войной городов Германии, а также Баку и Москвы. Прокладывая трамвайные пути в Москве, Николай Захарович мечтал об учебе, здесь зародилось желание учиться в самой столице, но на родине его ждали престарелые родители.

© Л.Н. Романова, Д.Е. Васильева, 2015

После демобилизации он вернулся в родной наслег. Солдат-победитель с утроенной энергией взялся за работу: учил детей и сам учился на педрабфаке, а затем в Якутском пединституте. С особой благодарностью и уважением он вспоминал своих учителей: И.М. Романова, Г.П. Башарина, Л.Н. Харитоновна, А.Е. Мординова, Е.И. Убряткову, Г.М. Васильева, которые сыграли важную роль в формировании его научных интересов.

В 1953 г. Николай Захарович окончил филологический факультет Якутского педагогического института. Работал рядовым учителем, а затем завучем, директором Онерской семилетней школы Усть-Алданского района. На протяжении 13 лет бывший фронтовик отдавал все свои силы и знания делу воспитания и обучения детей. До сих пор о нем, как о талантливом учителе, высокообразованном, интеллигентном и порядочном человеке, с теплотой вспоминают его ученики.

Желание глубоко и всесторонне изучать историю родной литературы, природу поэтического слова привело его к мысли о продолжении обучения в аспирантуре. С 1961 по 1963 г. он учился в аспирантуре ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. После ее окончания работал старшим лаборантом в этом же институте, затем младшим научным сотрудником. В 1967 г. под руководством известного литературоведа Г.К. Боескорова на научном совете при Башкирском университете Н.З. Копырин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэтическое творчество С.Р. Кулачикова-Элляя».

В 1964 г. Якутским книжным издательством была выпущена книга Н.З. Копырина «Поэзия Элляя», по сути это был первый монографический анализ творчества народного поэта Якутии С.Р. Кулачикова-Элляя. Особое внимание он уделил проблематике и поэтике его творчества. При этом исследователь был максимально объективен, показывая достоинства его поэзии (совершенство формы, отточенность поэтической лексики и т.д.) и обращая внимание на некоторые недостатки стиля поэта (излишнюю декларативность, незавершенность образов в раннем творчестве).

В первых монографиях, исследующих жизнь и творчество народного поэта С.Р. Кулачикова-Элляя (1964), писателя Тимофея Сметанина

(1976) и анализирующих особенности изображения Ленина в якутской литературе («Образ Ленина в якутской литературе», 1970), автор уделял внимание особенностям создания художественного образа, истокам его возникновения.

В центре внимания последующих исследований Н.З. Копырина – проблемы поэтики. Им внесен большой вклад в исследование путей обогащения изобразительных средств якутской поэзии. Его работа «Изобразительные средства якутской поэзии» содержит уникальный материал об особенностях национальной образности, вобравшей в себя все богатство устно-поэтической традиции. В этой работе исследователь, опираясь на обширный фактический материал устной и письменной поэзии, прослеживает пути обогащения изобразительно-выразительных средств якутской поэзии, показывает тенденции развития национальной образности. Должное место в работе уделяется освещению плодотворного влияния русской литературы на развитие якутской поэтической культуры. Рассуждения о своеобразии традиционных изобразительных средств подкреплены конкретными примерами из разных литератур мира. Н.З. Копырин за эту работу удостоен диплома II степени на конкурсе фундаментальных научных работ ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1984 г.

Н.З. Копырин известен и как литературный критик. В 1975 г. Якутским книжным издательством выпущен сборник статей и рецензий под названием «Живописание словом», а в 1992 – сборник его статей «Всеми цветами радуги». Во всех книгах и сборниках рассматриваются актуальные проблемы якутской литературы и творчество многих поэтов Якутии. Эти труды характеризуют его как большого знатока якутской поэзии, пытливого исследователя.

Н.З. Копырину принадлежит особая заслуга в восстановлении исторической справедливости в отношении репрессированных якутских писателей и общественных деятелей.

В 1996 г. Н.З. Копырин издал монографию «В.В. Никифоров-Кюлюмнюр» о сложной судьбе видного общественного деятеля, стоявшего у истоков национальной литературы, репрессированного в 1928 г. На основе изучения исторических документов он ставил себе целью осмыслить значимость В.В. Никифорова в истории политического, культурно-экономического развития Якутии в начале XX в. В этом же русле находится и его работа «Н.Н. Павлов-Тыаһыт» (1999). Авто-

ром рассмотрены жизнь и творчество репрессированного прозаика, литературного критика, переводчика, лексикографа, библиографа, оставившего значительный след в истории якутской литературы, науки и культуры.

Научный интерес представляет последняя монография Николая Копырина «Бессмертная слава» о жизни и творчестве, общественной деятельности С.С. Васильева-Борогонского. В живой форме автор показывает вехи жизни известного поэта, общественного деятеля. В монографии дается подробный анализ особенностей поэтического мастерства Сергея Васильева.

По глубокому убеждению исследователя, каждый писатель, независимо от того, когда он жил и творил, достоин уважительного отношения, памяти потомков, поэтому Николай Захарович часто говорил о том, что «белых пятен» в истории якутской литературы очень много и их надо изучать глубоко и беспристрастно.

За 30 лет своей неустанной, кропотливой научной деятельности Николаем Захаровичем опубликовано девять книг и около 200 статей и заметок по якутской литературе.

Научные исследования Н.З. Копырина отличались глубиной всестороннего проникновения в творческую мастерскую писателя, искусным владением литературоведческим инструментарием, утонченным знанием родного языка.

В последние годы жизни, находясь на заслуженном отдыхе, несмотря на тяжелое состояние здоровья (последствия перенесенного инсульта), он продолжал плодотворно заниматься научной работой. Участвовал в написании коллективных монографий «Литература Якутии на современном этапе. 1980–1990-е гг.» (2001), «Литература Якутии XX века» (2005). Издал монографию «Немеркнущая слава» о творчестве С.С. Васильева-Борогонского (2007), опубликовал сборник статей «Литература на рубеже веков» (2005 г.), мемуары «Вехи моей жизни» (Якутск, 2007), «Переписка друзей» (2008), подготовил к печати рукопись монографии «Поэзия Эллы: новый взгляд» и сборник статей «Литература. Писатель. Произведение». Николай Захарович занимал активную жизненную позицию – постоянно писал статьи для республиканских газет и журналов на актуальные проблемы современности, особенно по вопросам современного состояния общества, нравственного воспитания молодежи, ценностных ориентиров народа и т.д. Человек, прошед-

ший войну, он чувствовал особую ответственность за судьбу своего народа, поэтому в каждой его статье и книге звучит призыв любить свою родину, не забывать славное прошлое страны, быть истинным патриотом.

Николай Захарович Копырин умер 29 августа 2011 г. Он был на редкость интеллигентным и скромным человеком. При этом, несмотря на кажущуюся мягкость и податливость, он был человеком твердых убеждений и жизненных позиций. Через всю свою жизнь он пронес высокие идеалы патриотизма, любви к людям.

Научное наследие Н.З. Копырина прочно вошло в фонд якутского литературоведения, к нему всегда будет обращаться каждое новое поколение ученых-исследователей. И все они должны знать

и понимать, какую роль сыграла Великая Отечественная война в формировании личности Николая Захаровича. Война не ожесточила его, а, наоборот, научила любить жизнь и людей. Его мудрость, умение видеть в людях только хорошее, желание помочь, уверенность в созидаании добра вызывали уважение. Николай Захарович для нас, его коллег, был примером трудолюбия, искренности, доброты и верности избранному делу.

Л.Н. Романова,

*к.ф.н., завсектором литературоведения
ИГИИПМНС СО РАН,*

Д.Е. Васильева,

*д.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения
ИГИИПМНС СО РАН*

УДК 821.512.157+927

Георгий Саввич Сыромятников

Г.С. Сыромятников – признанный литературовед и критик, автор около 100 научных работ, посвящённых актуальным проблемам художественной литературы. С 1963 г. работал в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, прошёл путь от младшего научного

сотрудника до учёного секретаря, заведующего сектором литературы, позднее – заведующего отделом якутской литературы и искусства. Г.С. Сыромятников, будучи студентом исторического факультета Якутского пединститута, в 1944 г. добровольцем, еще до своего совершеннолетия, ушел на фронт. Он служил в восточных частях Советской Армии, принимал активное участие в боях с Японией. После окончания войны командование фронта оставило его служить в армейских частях. Парень из Якутии очень грамотно писал и превосходно владел русским языком. Георгий Саввич оттачивал свое перо в армейских газетах, часто публиковал небольшие статьи и заметки. Вскоре в военной прессе стали

появляться довольно большие материалы, на которые обратили внимание маститые военные журналисты. После возвращения на родину он продолжил работать журналистом и заочно учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в г. Москве. После её успешного окончания в 1957 г., он работал редактором, потом главным редактором, директором Якутского книжного издательства, учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедре теории литературы и искусства. В эти годы он стал членом редакционно-переводческой комиссии Якутского обкома КПСС, часто переводил на якутский язык общественно-политические издания: различные доклады, тезисы больших конференций, а также произведения художественной литературы. Трудоемкая скрупулезная работа требовала от переводчика не только прекрасного владения якутским и русским языками, но и обширных знаний по истории, философии и эстетике, которые он освоил, обучаясь в Академии общественных наук. Он получил заслуженную известность среди писателей и стал признанным журналистом.

В 1968 г. Г.С. Сыромятников защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Становление социалистического реализма в якутской прозе». В 1975 г. стал старшим научным сотрудником по специальности «Литература народов СССР».

Основное направление его исследований – проблемы становления и развития методов реализма в якутской прозе; размышления о судьбе литературной критики в республике, о путях формирования якутской литературы; создание литературных портретов писателей. Учёный внес большой вклад в разработку вопросов истории якутской литературы, особую ценность имеют его работы по оценке творчества дореволюционных писателей Якутии. Г.С. Сыромятникову принадлежат монографии: «Становление социалистического реализма в якутской прозе» (Якутск, 1967), «К некоторым вопросам якутской литературной критики» (Якутск, 1969), «Возвышенность дум и чувств» (Якутск, 1982), «Идейно-эстетические истоки якутской литературы» (Якутск, 1973), «Литературно-художественная критика в Якутии (1939–1975 гг.): Историко-ли-

тературный очерк» (Якутск, 1990). В частности, в книге «Идейно-эстетические истоки якутской литературы» раскрываются самобытность и особенности дореволюционной литературы, ее значение как литературного наследия, влияние русской литературы на творчество А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева.

Вся научная деятельность Г.С. Сыромятникова была направлена на выявление тесной взаимосвязи якутской литературы с литературами других народов нашей страны, так как развитие литературы Якутии напрямую связано с расширением ее межлитературного контекста.

Д.Е. Васильева,

*д.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения
ИГиИПМНС СО РАН*

УДК 316(571.56)+929

Иван Александрович Аргунов

Иван Александрович Аргунов родился 24 декабря 1922 г. во II Игидейском наслеге Тагтинского улуса в крестьянской семье. В 1941 г., окончив с отличием школьное отделение Якутского педагогического училища, начал трудовую деятельность учителем Крест-Хальджайской семилетней школы.

Становление юного Ивана Аргунова как педагога и воспитателя пришлось на первые годы Великой Отечественной войны. Он делил все повседневные тяготы суровых военных лет с жителями села, активно участвовал во всех мероприятиях по сбору средств для обороны и фронта. Весной 1943 г. добровольцем ушел на фронт. Воюя в различных воинских частях, в 1945 г. после четырехмесячного обучения служил в составе 92-го отдельного мотоциклетного батальона. Боевой путь молодого Ивана Александровича был связан с освобождением различных областей Советского Союза, Польши, Германии. На фронте

он был комсоргом батальона. За боевые заслуги был награжден, медалью «За победу над Германией». Демобилизовался только в октябре 1945 г. Вернувшись на родину, работал учителем Игидейской школы им. Э.К. Пекарского. В 1946 г. Иван Александрович поступил на исторический факультет Якутского педагогического института. В годы учебы являлся заместителем секретаря комитета комсомола института, был инициатором многих мероприятий общественной жизни студенческой молодежи. После отличного завершения учебы Иван Александрович продолжил трудовую деятельность редактором Якутского книжного издательства, в котором трудился с 1949 г., а позже стал главным редактором. В 1953–1954 гг. он – заместитель министра просвещения ЯАССР, в 1954–1956 гг. – редактор объединенной редакции комсомольских газет «Эдэр коммунист» и «Молодежь Якутии», в 1956–1958 гг. – слушатель журналистского отделения Высшей партийной школы при ЦК КПСС, в 1958–1961 гг. – заведующий отделом, заместитель редактора республиканской газеты «Социалистическая Якутия», в 1961–1965 гг. – собственный корреспондент газеты «Советская Россия» по Якутской АССР и Магаданской области, корреспондент ТАСС по Якутской АССР, в 1965–1970 гг. – редактор республи-

канских газет «Кыым», «Социалистическая Якутия». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 января 1967 г. И.А. Аргунов был утвержден членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. В 1970–1974 гг. – заведующий отделом пропаганды и агитации Якутского ОК КПСС. В 1959 г. на I съезде был избран председателем правления Союза журналистов Якутии и работал по 1971 г. на общественных началах. Избирался депутатом Верховного Совета Якутской АССР VII и VIII созывов.

В 1970 г., будучи соискателем в аспирантуре Якутского государственного университета, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В ноябре 1974 г. он перешел на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и по 1988 г. являлся заведующим сектором социологических исследований.

Иван Александрович Аргунов – историк, социолог, педагог, журналист и переводчик, редактор и издатель, политический и общественный деятель, якутовед в широком смысле этого слова. Одной из важных сторон его многогранной творческой и научной биографии является формирование и развитие социологической науки в Якутии. Иван Александрович – инициатор и организатор первой лаборатории социологических исследований, созданной в 1974 г. в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и возглавляемой им до конца жизни.

Несмотря на то, что он осуществлял научно-организационное руководство лабораторией, его нельзя назвать кабинетным ученым. Не считаясь со своим возрастом и здоровьем, И.А. Аргунов брал на себя значительную часть трудоемкой работы в полевых условиях. Для него огромное значение всегда имели сбор и фиксация первичного социологического материала, так как он прекрасно понимал, что в условиях теоретической монополии научного коммунизма развитие социологии возможно лишь в форме эмпирических социальных исследований. И.А. Аргунов, как никто другой, осознавал специфику текущего момента – ускоренные темпы промышленной модернизации и рост индустриального влияния, которые влекли за собой не только стремительную трансформацию традиционного образа жизни коренных народов Якутии, но и новые «больные» социальные вопросы и проблемы.

И.А. Аргунов был не только многоопытным практиком, вдохновителем и организатором мно-

гочисленных полевых исследований, но и подлинным научным лидером, придавшим импульс развитию социологической мысли в Якутии. Впервые в якутской историографии в историко-социологическом ключе он проанализировал процесс формирования социального образа жизни отдельно взятого народа. Большой вклад в социологию региона внесли публикации таких его фундаментальных монографий, как «Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни», «Социалистическая судьба якутского народа», «Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (история формирования и современные проблемы)». Используя многодисциплинарный подход, он поэтапно показал процесс влияния индустриализации региона на образ жизни коренных народов и выявил социальный феномен северного «временщительства». Широта охвата изучаемых проблем, целостность разрабатываемых подходов, научных концепций и взглядов ученого на жизнедеятельность и образ жизни коренных народов республики легли в основу методологии исследования в целом образа жизни. Эти труды сделали И.А. Аргунова не только признанным основоположником региональной социологии, но и фактически поставили его в один ряд с известными советскими социологами.

Как организатор науки, И.А. Аргунов огромное внимание уделял росту научного потенциала социологической лаборатории, а также расширению диапазона исследовательских программ, формированию новых научных направлений. Из его учеников и последователей, тех, кто стоял у истоков первых прикладных социологических исследований, вышла целая плеяда якутских ученых. В их исследованиях широко представлена региональная проблематика в рамках таких научных дисциплин, как этническая социология, социальная психология, культурная антропология, социология семьи, историческая демография, этносоциоллингвистика и т.д.

Нет сомнений в том, что основополагающие труды И.А. Аргунова не потеряли значения и сегодня: они стали теоретическим фундаментом региональной социологической науки и активно используются в гуманитарных исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых. Ни одна серьезная научная монография по Северу в целом и Северу России, в частности, не обходится без ссылок на его книги и статьи. Такая вы-

сокая востребованность объясняется тем, что здесь прекрасно сочетаются скрупулезный анализ исторических источников, совмещенный с элементами культурного релятивизма и такими широко используемыми в западной антропологической практике методами, как включенное наблюдение, экспертное интервью и анкетный опрос. Особое слово надо сказать о стиле И.А. Аргунова, который не всегда совпадал с формализованным, сухим языком некоторых изданий научной литературы, из которых выудить смысл было весьма нелегко. Его работы, наоборот, отличались чистотой изложения, наличием убедительных примеров, за которыми можно увидеть настоящую полевую работу исследователя, детальный разбор любого, большого или малого жизненного факта. Труды И.А. Аргунова можно найти в библиотеках разных стран мира, в том числе Конгресса США, Кембриджского университета, в Британской библиотеке и т.д.

В знак признания его заслуг он был удостоен медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», ордена «Знак Почета», а также Почетных грамот Президиума

Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета Якутской АССР.

Благодаря исключительным организаторским способностям, научному энтузиазму и профессиональному опыту первого якутского социолога был реализован целый ряд исследовательских программ и проектов, базировавшихся на новых методах сбора и обработки научной информации; подготовлены и изданы книги с богатым эмпирическим материалом, интересными авторскими наблюдениями и оригинальными научными результатами, что в целом позволило институту стать одним из ведущих социологических центров на северо-востоке России. Высокая научная планка, установленная Иваном Александровичем Аргуновым, служит для молодых исследователей современной Якутии тем ориентиром, который позволяет сохранять и развивать в современных условиях традиции первой социологической школы Якутии.

В.Б. Игнатьева,

*к.и.н., завсектором этносоциологии
ИГиИПМНС СО РАН*

УДК 34+929

Михаил Михайлович Федоров*

Михаил Михайлович Федоров (1920–2007) – первый ученый-правовед Якутии, основатель высшего юридического образования в республике, кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и заслу-

женный юрист Республики Саха (Якутия), почетный академик Академии наук Республики Саха (Якутия), почетный гражданин г. Якутска, Таттинского и Алданского улусов, а также Республики Саха (Якутия).

М.М. Федоров родился 21 ноября 1920 г. в I Жехсогонском наслеге Таттинского улуса. В 1937 г. окончил семилетнюю Черкехскую школу. В 1937–1938 гг. учился в Якутском речном техникуме, но не доучился по причине болезни. В 1938 г. вернувшись в улус, принимал участие в организации колхоза «Путь социализма», до 1939 г. работал в нем счетоводом, с 1940 г. по окончании правовой школы в Якутске – помощник прокурора Амгинского района, работал в этой должности до 1942 г.

15 июля 1942 г. Михаил Федоров добровольцем ушел в армию. В январе 1941 г. он окончил Уральское военно-политическое училище в г. Свердловске с присвоением звания «лейтенант». С апреля 1943 г. участвовал в боях в должности заместителя командира роты по политчасти в составе 5-й армии Южного фронта. 9 ноября 1943 г. был ранен в левую руку у с. Иванково. После лечения, с ноября 1943 г. воевал в должности комсорга бата-

*По материалам статьи: *Васильев И.Э.* Памяти первого ученого-правоведа Якутии Михаила Федорова // Наше время. – 2008. – № 19. – 8–15 мая.

льона в рядах 487-го стрелкового полка 143-й Котопско-Коростенской Краснознаменной стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Михаил Федоров прошел с боями от р. Днепр до ст. Кошары (западнее г. Ковель). Участвовал в боях на днепровском плацдарме севернее Киева за освобождение районного центра с. Иванково, городов Коростеня, Сарны, Маневичей и других населенных пунктов правобережной Украины, а также г. Ковель. 26 марта 1944 г. у железнодорожной станции Кошары был тяжело ранен в области обеих ног, левой руки и живота.

После лечения в 1944 г. был назначен заместителем начальника эшелона по политической части 134-го запасного стрелкового полка Киевского военного округа по сопровождению маршевых рот в действующую армию. В составе этих эшелонов побывал на Дальнем Востоке, в Чехословакии, Польше, Иране.

Демобилизовался из рядов вооруженных сил как ограниченно годный 3 мая 1946 г. В конце августа 1946 г. Михаил Федоров впервые после 1940 г. вернулся в родное с. Черкех. С особой теплотой вспоминал Михаил Михайлович встречу с родными и земляками. Многих унесли из жизни война, засуха, голод, тяжелый труд военных лет.

С 1946 г. он работал инструктором ОСОВИА-ХИМа ЯАССР, с 1947 по 1958 г. – помощником прокурора Намского района, с 1951 г. – прокурором Усть-Алданского района, с 1954 г. – прокурором Алданского района. В 1954 г. окончил Всесоюзный юридический заочный институт. В 1958–1959 гг. работал инструктором орготдела Якутского ОК КПСС. После окончания Высшей партийной школы в 1961 г. был назначен на должность прокурора Якутской АССР, в которой проработал до 1969 г.

В 1960-х гг. М.М. Федоров провел целенаправленную работу по подбору и направлению на учебу в юридические вузы страны коренных жителей Якутии. Свердловский и Харьковский юридические институты, на основе соглашения между ректорами ВУЗов и прокуратурой ЯАССР, организовывали выездные приемные комиссии в г. Якутске. Благодаря этому в 1970-е гг. были достигнуты высокие показатели деятельности прокуратуры по всем направлениям. Если в 1954 г. в Якутской АССР было всего 16% работников с высшим юридическим образованием, то в 1973 г. – 82%.

В годы работы прокурором республики М.М. Федоров активно поднимал вопросы о ре-

билитации незаконно осужденных по политическим мотивам. Несмотря на несогласие руководства Якутского ОК КПСС, по просьбе Союза писателей Якутии (С.Данилов), прокурор Якутской АССР М.М. Федоров внес протест в Верховный суд об оправдании одного из основоположников якутской литературы А.И. Софронова, незаконно репрессированного в 1928 г. Решение дела затягивалось, и лишь 9 мая 1963 г., после неоднократных обращений прокурора М.М. Федорова и при поддержке генерального прокурора СССР, было отменено постановление ОГПУ и Президиума Верховного суда ЯАССР: Анемподист Софронов был полностью реабилитирован. При активном участии М.М. Федорова также были посмертно реабилитированы один из первых руководителей ЯАССР А.Г. Габышев, писатель И.Е. Слепцов-Арбита, один из первых якутов-учителей Е.М. Егасов, красные командиры П.С. Жерготов, И.В. Мирушниченко и другие.

В 1969–1975 гг. Михаил Михайлович работал старшим научным сотрудником, заведующим сектором истории нашего института.

Тема развития советской государственности Якутии 1920–1930-х гг., разработанная М.М. Федоровым в 1960-х гг., стала значимой частью процесса возвращения якутскому народу доброго имени основателей нашей республики, процесса роста гражданского сознания якутян.

Весьма актуальной и своевременной стала и его докторская работа «Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – нач. XIX вв.)» (1980), показавшая исторические предпосылки возникновения государственности Якутии, дореволюционную систему управления краем. Уже тогда ученый указывал на ценность и актуальность памятников обычного права якутов как культурно-правового наследия.

Важнейшие преобразования, произошедшие в государственно-правовых отношениях в 1990-х гг., также нашли отражение как в работах М.М. Федорова: в составленных им учебных курсах и сборниках документов, так и в его участии, например, в разработке Конституции Республики Саха (Якутия).

В его трудах введен в научный оборот и обобщен большой массив зачастую новых, ранее неопубликованных данных. Если обобщить тематику и содержание его научных работ, то можно сказать о том, что М.М. Федоров воссоздал целостную картину политической истории своего народа.

Не менее значима заслуга М.М. Федорова в организации высшего юридического образования нашей республики. В 1982 г. при поддержке А.Е. Мординова, ректора ЯГУ А.И. Кузьмина и декана филологического факультета Е.И. Спиридонова Михаил Михайлович добился открытия и организовал первый юридический вуз в республике – юридическое отделение при филологическом факультете ЯГУ. До 1990 г. он возглавлял кафедру правоведения ЯГУ и до конца жизни оставался профессором кафедры государственного права. На основе научных и методических работ М.М. Федорова для студентов отделения правоведения введен ряд учебных дисциплин.

Среди богатого наследия М.М. Федорова есть и написанные им на склоне лет на якутском языке две книги воспоминаний – «Олох аартыгар» и «Прокурор ахтыылара», исполненные мудростью прожившего долгую, трудную, но красивую и интересную жизнь человека. Обращаясь к своим

будущим читателям, аксакал говорит о первостепенной ценности прав и свобод человека, непреходящем значении семьи, семейного благополучия для развития общества.

Михаил Федоров как юрист, ученый, педагог, крупный организатор высшего образования внес весьма значимый и оригинальный вклад в развитие общественной мысли, гражданского сознания и культуры родной республики, оставил яркий след в истории Якутии.

Такова вкратце история жизни Михаила Михайловича Федорова – солдата Победы, яркого представителя якутской интеллигенции XX в. Память о нем живет в сердцах многочисленных учеников, коллег, последователей, а его жизнь служит примером для будущих поколений.

И.Э. Васильев,

н.с. Музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС СО РАН

УДК 330+929

Феодосий Семенович Донской

Феодосий Семенович Донской родился 20 сентября 1919 г. в местности Булгунняхтах II Мальжагарского наслега Нюрбинского улуса, в бедной крестьянской семье. Очень рано, в возрасте трех лет, остался круглым сиротой, но благодаря помощи советской власти и своей тяге к знаниям,

живя в интернате, окончил семь классов и поступил в Якутский техникум пушно-мехового хозяйства. Далее продолжил свое обучение в Якутском сельхозрабфаке, однако после двух лет по состоянию здоровья был вынужден оставить учебу.

Трудовую деятельность Феодосий Семенович Донской начал с работы пионервожатого в Олекминской и Нагорнинской средних школах. Затем поехал в Москву, где поступил на рабфак легкой промышленности. Но доучиться не удалось, т. к. с 3-го курса в октябре 1939 г. он был призван в ряды Красной Армии.

Осенью 1940 г. Ф.С. Донского направили в 15-ю отдельную роту связи 15-й авиадивизии, охранявшей границу с Польшей и Румынией, базировавшейся на военном аэродроме с. Скнилов Львовской области, там и застала его Великая Отечественная война. Ф.С. Донской сражался с первого и до последнего дня. В поверженном Берлине на стене Рейхстага он оставил свой автограф: «Были и мы из Якутии...». Но война для Донского на этом не закончилась, он участвовал в освобождении г. Праги, затем еще год служил в Австрии и лишь в конце мая 1946 г. он смог демобилизоваться. Ф.С. Донской был награжден дважды медалью «За боевые заслуги», позднее – медалями «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» орденом Отечественной войны II степени.

Вернувшись на родину, в августе 1946 г. он был принят корреспондентом в редакцию газеты «Социалистическая Якутия». Затем работал собкором в Амгинском, Усть-Майском, Аллах-Юньском и Усть-Алданском районах. После успешного окончания Иркутской двухгодичной партийной школы Феодосия Семеновича назначили заведующим отделом писем редакции газеты «Со-

© П.М. Егоров, 2015

циалистическая Якутия», а вскоре и редактором газеты «Эдэр коммунист». Через год по его инициативе и по разрешению обкома комсомола ЦК ВЛКСМ начался выпуск газеты на русском языке «Молодой коммунист». Ф.С. Донского назначили главным редактором республиканского радиокomiteта. Вскоре его утвердили председателем только что организованного Комитета по телевидению и радиовещанию. Он отдал много сил и энергии становлению телевидения в республике: поиску техники и оборудования, подбору и обучению кадров для нового в республике дела.

В середине 60-х гг. Ф.С. Донской назначается заведующим отделом пропаганды объединенных газет «Социалистическая Якутия» и «Кыым». Руководимый им отдел проводит многогранную работу по пропаганде дружбы народов и патриотическому воспитанию молодежи.

В эти годы талантливый журналист публикует несколько брошюр о работе республиканского общества «Знание», об опыте передовиков сельскохозяйственного производства. За книгу очерков об алмазодобытчиках «Грядущее» ему была присуждена республиканская премия. Он переводит с русского на якутский язык и издает книгу классика индийской литературы Рабиндраната Тагора и других современных индийских писателей.

В конце 1967 г. в его жизни произошел крутой поворот. Ф.С. Донского пригласили работать в отдел экономики Якутского филиала СО АН СССР на должность младшего научного сотрудника, одновременно ученого секретаря отдела экономики. Также на него возложили обязанности секретаря Ученого совета по экономическим наукам ЯФ СО АН. С тех пор он посвятил себя науке по изучению условий жизни, быта и труда коренных малочисленных народов Севера, вначале Якутии, затем всего Крайнего Севера Советского Союза. Он объездил Север от Кольского полуострова до Чукотки и Камчатки. Написал более 130 статей, очерков, докладов, рекомендаций и несколько монографий.

В 1978 г. Ф.С. Донской успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера». В 1981 г. его пригласили на должность научного сотрудника только что созданного в г. Москве Института социологических исследований АН СССР, где его активная научная и общественная деятельность неоднократно отмечалась рядом наград.

Феодосием Семеновичем заложено начало экономико-социологических исследований проблем развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Разработанные им научные рекомендации послужили основой для принятия многих правительственных постановлений и решений. Самым привлекательным событием в своей жизни и работе он считает участие вместе с В.Н. Антипиным в разработке и принятии известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». В основу этого постановления легли главные положения научного отчета Ф.С. Донского о переустройстве условий работы и быта оленеводов и охотников Севера и его доклада об условиях труда и быта рыбаков колхоза «Арктика» объединения «Якутрыбпром».

По научным докладам и рекомендациям Ф.С. Донского Совет Министров РСФСР принял постановление об оказании государственной помощи алеутам Камчатской области, а также о мерах социально-экономического развития малочисленных народностей Хабаровского края, о медико-демографических проблемах народностей Чукотского автономного округа; исполком Иркутского областного Совета – решение о социально-экономическом и культурном развитии тофаларов и эвенков; Совет Министров Якутской АССР – постановление об эвенках Южной Якутии и эвенках с. Березовка Среднеколымского района. Эти постановления и решения сыграли большую роль в подъеме экономики и культуры малочисленных этносов Крайнего Севера и приравненных к ним районов. Его рекомендации послужили основанием для создания Эвено-Быгантайского национального района в Якутии и других национальных районов и наслегов на Севере России.

По итогам своих исследований Ф.С. Донской провел всесоюзные и всероссийские научно-практические конференции по проблемам развития коренных малочисленных народов Севера в г. Мурманске (1985 г.), в Якутске (1990 и 1997 гг.). Он участвовал с докладами на многих международных и региональных научных конференциях, семинарах, симпозиумах и круглых столах.

В 1988 г. по приглашению ЯФ СО АН СССР Феодосий Семенович вернулся в Якутию ведущим научным сотрудником Института экономики ЯФ СО АН. После создания Института про-

блем малочисленных народов Севера СО РАН трудился в нем научным руководителем проектов по социально-экономическим исследованиям. Под его руководством в институте была разработана «Комплексная программа социально-экономического и культурного возрождения и развития юкагиров Республики Саха (Якутия) на 1993–1995 годы и до 2000 года», которую поддержало Правительство Российской Федерации, включив в целевую федеральную программу. В 1999 г. Федеральное собрание РФ приняло Закон «О северном оленеводстве», разработанный Ф.С. Донским совместно с ученым Ф.М. Подкорытовым. Его, как крупного специалиста, постоянно приглашают на парламентские слушания Российской Федерации по вопросам Севера. По поручению Правительства России и Республики Саха (Якутия) им составлены следующие работы: «Декларация свободного развития коренных малочисленных народов Севера», ставшая официальным документом ООН под названием «Якутская декларация»; «Научные основы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в период Международного десятилетия коренных народов мира»; «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в XXI веке»; «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в XXI веке»; «Концепция развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в первой четверти XXI века»; «Урбанизация и малочисленные народы Севера (на примере Республики Саха (Якутия))»; «Модель устойчивого

развития коренных малочисленных народов Севера алмазной провинции Республики Саха (Якутия)»; «Национальный доклад "Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в XXI веке"», одобренный Конгрессом малочисленных народов РФ; «Интеграция коренных малочисленных народов азиатского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру» и другие фундаментальные и прикладные работы.

Феодосий Семенович Донской известен и как общественный деятель. Он избирался депутатом Якутского городского Совета народных депутатов, членом региональной профсоюзной комиссии по контролю над ходом выполнения решений по социальной защите населения районов Крайнего Севера, членом социологической ассоциации общества «Знание», академиком Академии Северного Форума. Также он являлся одним из организаторов Союза журналистов Якутии и бессменным членом этого творческого союза.

За трудовые заслуги перед Родиной Ф.С. Донской награжден орденом Дружбы народов, почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР, Президента Республики Саха (Якутия), ему присвоены высокие звания заслуженного работника народного хозяйства республики, почетного гражданина Нюрбинского и Эвено-Бытантайского улусов и заслуженного ветерана Сибирского отделения Академии наук РФ.

П.М. Егоров,

*к.полит.н., м.н.с. сектора этносоциологии
ИГИиПМНС СО РАН*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 392.8(571.56)

А.Н. Алексеев

О происхождении якутских чоронов

Автор статьи считает, что якутские деревянные кумысные кубки и чороны на коническом поддоне являются результатом модификации хуннских бронзовых котлов. Происхождение чоронов на трех ножках связано с глиняными триподами, которые очень рано появились в Китае, а затем распространились в Центральной Азии и Южной Сибири, в том числе в Забайкалье, в непосредственной близости от южных границ Якутии.

Ключевые слова: чорон, бронзовый котел, глиняный горшок, керамика, орнамент, тулово, трипод.

Чороны – деревянные кубковидные сосуды для кумыса, бывают двух типов: на коническом поддоне и на трех ножках, последние иногда стилизованы в виде конских копыт (рис. 1). Вопросам происхождения чорона уделено специальное внимание А.П. Окладников, И.А. Потапов, В.А. Кисель.

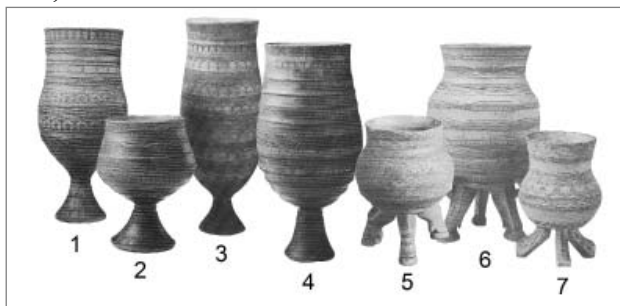

Рис. 1. Якутские кумысные чороны (по кн.: Культурное наследие народа саха [1994, с. 49, фото 49–51; с. 57–58, фото 69, 72])

А.П. Окладников полагал, что якутские кумысные сосуды возникли в результате скрещивания местных древних форм круглодонных глиняных сосудов с заимствованной формой скифского медного котла с его высоким коническим поддоном, который со временем трансформировался в коническую подставку-ножку чорона. По его мнению, формы тулова чоронов полностью повторяют форму круглодонных и удлиненно-яйцевидных глиняных сосудов раннего железного и бронзового веков [Окладников, 1955, с. 289–290].

Более подробно происхождение чоронов рассмотрел И.А. Потапов, который также считал, что исходными в эволюции чорона были глиняные горшки древности и формы скифских кот-

лов. В то же время И.А. Потапов полагал, что могла существовать и другая линия формирования чоронов: «Можно сказать, что истоки якутского чорона на поддоне лежат, в одном случае, в обобщении форм “скифского” котла и древнейшей якутской деревянной, берестяной посуды, в другом – формы “скифского котла” и местной керамической посуды эпохи бронзы и раннего железа. Обе эти линии могли развиваться параллельно...» [Потапов, 1972, с. 62–63]. Таким образом, И.А. Потапов считал, что кроме варианта скифского котла истоки чоронов следует искать в древнейших разновидностях деревянной и берестяной посуды самих якутов, обосновывая это мнение в том числе иллюстративно [Там же, рис. 12].

Иную гипотезу происхождения якутских чоронов предлагает В.А. Кисель [2003, с. 70–77]. Чороны на конических поддонах он считает имитацией в дереве драгоценных кубков на ножках, изготовленных из золота или серебра и бытовавших у кочевников древнетюркской и ордынской эпохи. Один из таких кубков, очень похожий на чорон, изображен на древнетюркском изваянии Алтая. «Тесные контакты и близкие связи предков якутов с политическими объединениями кочевников, очевидно, подтолкнули их к копированию парадной посуды на высоких поддонах...» [Там же, с. 72]. Якутские чороны на трех ножках, по мнению исследователя, имеют прототипы в триподах Китая, Монголии и Забайкалья. При посредничестве курыкан, вероятных предков якутов, триподы могли внедриться в культуру якутов, которые модифицировали их в трехногие чороны [Там же, с. 71–74].

© А.Н. Алексеев, 2015

Рис. 2. Формы керамических сосудов эпох позднего неолита, бронзы и раннего железа Якутии (1) и формы деревянных чоронов XVII–XIX вв. (2)

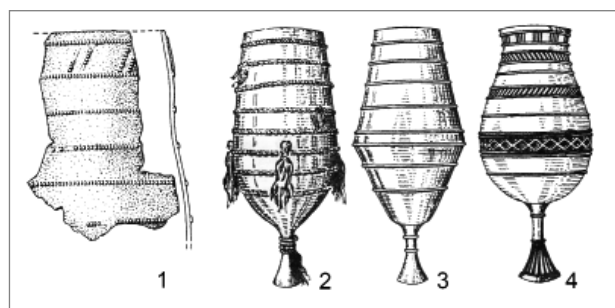

Рис. 3. Фрагмент керамики бронзового века, добавленный в эволюционный ряд нами (1), и эволюция украшения на архаических чоронах ритуального назначения (2, 3, 4) (по М.М. Носову [1988, с. 76])

Некоторые гипотезы о происхождении якутских чоронов были предложены мной [Алексеев, 1996, с. 55–56]. Необходимо внести изменения и уточнения в изложенные почти два десятилетия назад представления о происхождении якутских чоронов. В настоящее время наша гипотеза происхождения якутских чоронов выглядит следующим образом.

Мы считаем, что чороны на коническом поддоне появились в результате смены материала и попытки повторить формы бронзового или медного котла в дереве. Немаловажное значение в оформлении тулова чорона могли иметь древние лепные горшки, внешние формы которых поразительно копируют чороны (рис. 2).

Более того, чороны повторяют в дереве не только внешние формы, но и некоторые орнаменты древних горшков. На чоронах, по определению И.А. Потапова [1972, с. 64–66], кроме имитации ребристых налепных валиков, имеются узоры в виде веревочного жгута, называемые «тоногос ойуу» – «позвоночник-узор» (рассеченный валик, по археологической терминологии), «илим харага» – «ячейка сети» (ромбовидный орнамент), «тынгырах ойуу» – «ноготь-узор» (ногтевой зацеп), «ураса ойуу» (зигзаг), «тараах ойуу» – «гребенка-узор» (гребенчатый орнамент, по археологической терминологии).

Известный якутский художник, краевед М.М. Носов предпринял в конце 1940-х гг. очень удачный опыт реконструкции эволюции орнамента на чоронах [Носов, 1988, с. 20, раздел II, рис. 3]. По его мнению, на наиболее древних чоронах параллельные ряды крученых волосяных нитей символизировали налепные валики архаичных глиняных сосудов (рис. 3, 2). С развитием техники резьбы по дереву волосяные нити на чоронах были заменены рельефными резными валиками

(рис. 3, 3). На позднем этапе эволюции чоронов валики трансформировались в орнаментальные пояса, также выполненные рельефом, но в более сложной технике резьбы (рис. 3, 4). А.П. Окладников [1955, с. 289] также считал, что орнаментация чоронов рельефными резными валиками обнаруживает поразительную близость с образцами древнейшей местной керамики.

Таким образом, схожесть форм чорона и глиняных горшков, а также их орнаментация давно привлекают внимание исследователей. На наш взгляд, эти соответствия позволяют предполагать, что первые попытки копирования медных котлов могли быть предприняты на таком пластичном материале, как глина. В некоторых археологических культурах Южной Сибири, например в тагарской (тесинский этап), таштыкской, кокзельской, чаатинской, во множестве имеются керамические копии медных котлов на высоких конических поддонах. Глиняные сосуды в форме медных котлов на поддоне существовали в усть-полуйской и кулайской археологических культурах Приобья. Подобное могло быть и в Якутии на первоначальном этапе эволюции чорона, что, возможно, нашло отражение в форме тулова чорона и некоторых разновидностях его орнаментации.

Признавая возможное участие керамических протоформ в формировании тулова чорона, важно определить, какой котел стал исходным для чорона с коническим поддоном. В.А. Кисель считает, что скифский котел не подходит для этого по форме тулова, напоминающей полусферу, к тому же этот сосуд не имеет венчика; не совпадает и орнамент, но более всего различают эти сосуды наличие у скифского котла вертикальных ручек в виде кольца или скобки, чего нет у чорона. В то же время В.А. Кисель отмечает сходство якутско-

го чорона с хунно-гуннскими котлами, имеющими цилиндрическое тулово и выраженный венчик. Есть у них соответствия и в орнаментации сосудов. Однако наличие и у этих котлов ручек вновь становится решающим и отмечает все соответствия [Кисель, 2003, с. 70–71]. В конечном итоге В.А. Кисель приходит к выводу, что якутские чороны являются копией средневековых кубков, один из которых изображен на древнетюркском изваянии Алтая [Там же, с. 71–73]. Изображение кубка на этом изваянии действительно очень походит на якутский чорон (рис. 4).

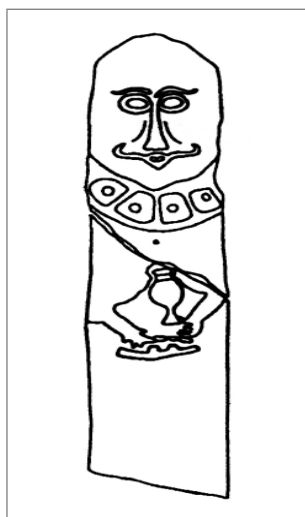

Рис. 4. Древнетюркское изваяние Алтая (по В.Д. Кубареву [1984, табл. XXVI]; В.А. Кисель [2003, рис. 3])

Однако полное отсутствие кубков именно такой формы в археологических памятниках не только Алтая, но и других территорий, на наш взгляд, мешает прямым сопоставлениям. Кубки, найденные в Южной Сибири и Центральной Азии, имеют конический поддон, но короткое тулово их не профилировано, чем они отличаются от якутских чоронов.

Более перспективным представляется поиск прототипов чоронов среди металлических котлов древности. Еще в XIX в. на р. Вилюй был случайно найден бронзовый котел скифского типа, хранящийся ныне в фондах Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (рис. 5).

Эта находка отчасти документирует знакомство древнего населения Якутии с котлами скифско-сибирского типа. Вместе с тем особого внимания заслуживают хунно-гуннские котлы, которые В.А. Кисель считает более схожими по фор-

ме с чоронами, чем скифские котлы. Такого же мнения еще с 1950-х гг. придерживается этнолог из Германии Улла Йохансен (Ulla Johansen) и даже полагает, что хунно-гуннские котлы, особенно имеющие на тулове такой же орнамент, как и на якутских чоронах, могли быть прототипами чоронов [Йохансен, 2012, с. 93].

Рис. 5. Бронзовый котел скифского типа, найденный на Вилюе (по А.П. Окладникову [1955, рис. 59, 2])

Как видим, чорон на коническом поддоне более близок к хуннским бронзовым или медным котлам, чем к скифским. Как прототип, хуннский котел выглядит предпочтительнее своими соответствиями с чороном в орнаменте и наличием выраженного венчика (рис. 6).

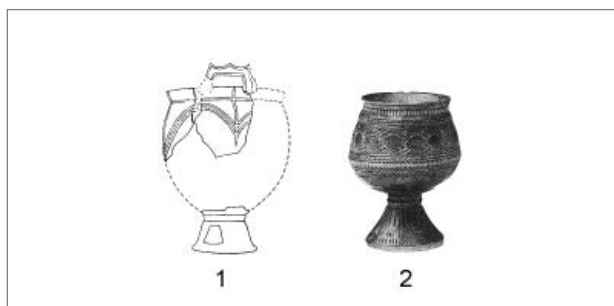

Рис. 6. 1 – хуннский бронзовый котел из Ноинунлинского кургана №6 (реконструкция) (по С.И. Руденко [1962, рис. 29]), 2 – якутский деревянный чорон (по кн.: Культурное наследие народа саха [1994, фото 49])

Такое предположение становится более вероятным в свете археологических и этнографических материалов, свидетельствующих об участии хуннского культурного компонента в культурогенезе якутов [Бернштам, 1935; Ксенофонтов, 1937; Константинов, 1975; Васильев, 1982; Гоголев, 1993; Савинов, 2010; 2013; Алексеев, 2013]. В плане аналогий в материальной культуре хунну и якутов интересно отметить, что у якутов до 1930–1940-х гг. XX в. существовали деревянные сосуды «балхах» в виде вазы с плоским дном, тулово которых было вкруговую украшено вертикальными

желобками-каннелюрами, а венчик декорирован параллельными резными поясками (рис. 7). Очень похожая ваза с вертикальными каннелюрами имеется в комплексе Иволгинского могильника [Давыдова, 1985, рис. XVI, 17]. Сосуды эти по форме и орнаментации весьма схожи, что еще раз свидетельствует, на наш взгляд, о хуннском «следе» в культурогенезе якутов.

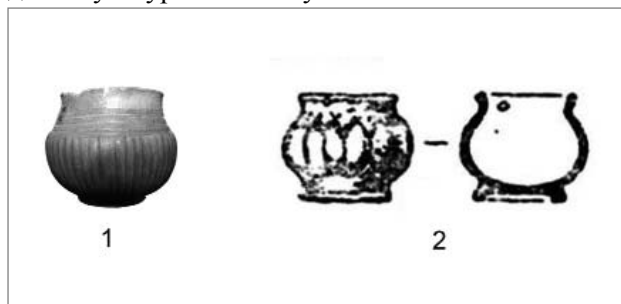

Рис. 7. 1 – якутский деревянный сосуд «балхах». Из собрания краеведческого музея Аллагинской средней школы Сунтарского улуса. Фото И.Э. Васильева. 2 – хуннский сосуд (по А.В. Давыдовой [1985, рис. XVI, 17])

Иной представляется нам эволюция чоронов на трех ножках, происхождение которых мы, как и В.А. Кисель, связываем с триподами Китая, Монголии и Забайкалья. Традиция изготовления из разных материалов сосудов на трех ножках существовала во многих культурах мира с глубокой древности. Например, в Китае керамические триподы распространяются в V–IV тысячелетии до н.э. Еще в неолите стали появляться триподы *дин*, разительно похожие на якутские чороны на трех ножках (рис. 8).

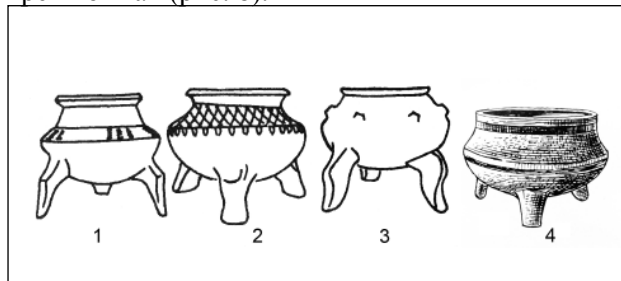

Рис. 8. Неолитические глиняные сосуды. Культура Цинляньган, Восточный Китай. 1–3 – по Чжан Яцину [1984, табл. XI, 5–7]; 4 – по С.Р. Кучера [1977, рис. 19, 10]

В эпоху палеометалла и в средневековье триподы распространяются в культурах Монголии и Забайкалья, соседнего с Якутией региона. С появлением и распространением металла сосуды иногда стали изготавливать из этого вида материала, некоторые из них очень походят на якутские чоро-

ны (рис. 9). Однако для этих котлов прообразы, вероятно, послужили керамические триподы.

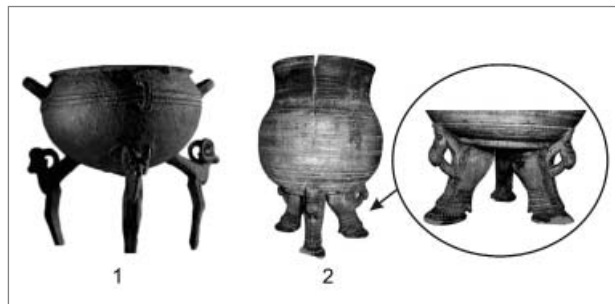

Рис. 9. 1 – гуннский котел IV–V вв. (экспонат Мемориально-музейного комплекса «История государственности татар и Республики Татарстан» (по: http://art16.ru/mg_info); 2 – чорон из Усть-Алданского улуса, экспонат музея археологии и этнографии СВФУ. Фонд Г.Н. Копырина (фото П.Р. Ноговицына)

У якутов тоже издавна имелись разнообразные глиняные сосуды на трех ножках, которые могли быть промежуточной формой на пути от триподов до чоронов (рис. 10). Можно также допустить, что существовал другой путь эволюции чорона, связанный с так называемыми ножками-подставками или приставными ножками.

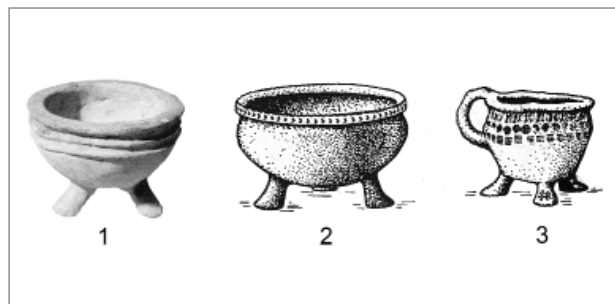

Рис. 10. Трехногие глиняные сосуды якутов. 1 – из кн.: Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории [2011], 70/8681; 2 – из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Сибирский фонд [Культурное наследие народа саха, 1994, фото 70, 71]; 3 – из кн. Р.К. Маака [1994, табл. VI, 7]

При раскопках древнеякутских поселений XIV–XVIII вв. очень часто находили глиняные ножки, функциональное назначение которых было неизвестно [Гоголев, 1990, табл. XXIII, I; XLII, 1. 2. 4 и др.; 1993, с. 88, табл. III, 3; XI, 13; XXXII, 3–9 и др.]. Три такие глиняные ножки были найдены в 1941 г. А.А. Саввиным в развале древнеякутского жилища в местности Ухааныйа Болтогинского наслега Чурапчинского улуса [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. Л. 342–343].

Они находились в глиняном горшке, ножками-подставками которого, вероятно, и являлись. Может быть, эти три ножки представляют собой своеобразный таган, но мы считаем их ножками-подставками (приставными ножками) для круглодонных горшков. Проведенные эксперименты показывают, что круглодонные глиняные сосуды весьма устойчиво могут покоиться на трех подобных приставных ножках (рис. 11, 2). Археологические образцы ножек-подставок представляют собой круглые глиняные стержни длиной от 10 до 13 см, часто они бывают полыми. Нижняя опорная часть ножек расширена, диаметр опорной части колеблется от 5 до 8,5 см. Верхний конец ножек слегка расширен и всегда имеет наклон под углом 20–25° для удобства установки круглодонных глиняных сосудов (рис. 11, 1).

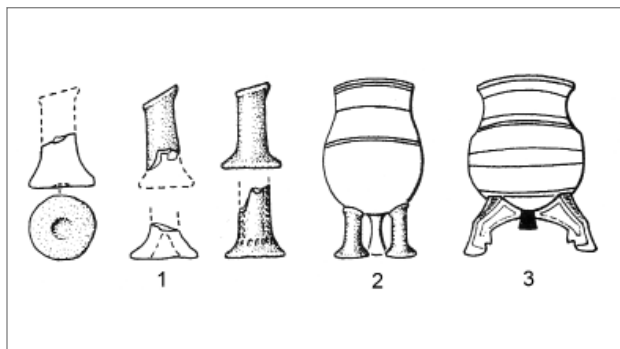

Рис. 11. Глиняные приставные ножки (1), предполагаемый способ их применения (2) и возможная морфологическая трансформация ножек-подставок у деревянных цельнорезных трехногих чоронов (3)

Ножки-подставки из памятников средневековой Якутии, возможно, имеют аналогии в керамических комплексах эпохи неолита Китая, где при раскопках находят «много ножек полых шилообразных» [Чжан Яцин, 1990, с. 20]. Из текста описания керамики невозможно установить, отслоившиеся это ножки триподов или специальные приставные ножки, подобные якутским, но на рисунках имеются ножки, принципиальные конструкции которых, особенно косые срезы в верхней части, очень похожи на якутские [Чжан Яцин, 1984, табл. X, 49–56; XII, 15–18; XVII, 25]. Интересно отметить, что разновидность треножников, известная в археологической литературе под названием *ли*, стала в бронзовом веке одним из распространенных в Китае жертвенных сосудов культа плодородия [Кашина, 1977, с. 106]. Этот факт, на наш взгляд, сближает китайские сосуды и якутские чороны в семантическом плане,

так как чороны являются одним из главных и неизменных атрибутов якутского народного праздника Ысыах, посвященного плодородию Природы и Человека.

В Монголии и Забайкалье керамические триподы чаще всего встречаются в культуре плиточных могил и культуре хунну. Можно предположить, что некая этническая группа (это могли быть курыкане, находившиеся в контакте с культурой хунну) занесла на Среднюю Лену традицию керамических триподов и приставных ножек (ножки-подставки). Приставные ножки глиняных сосудов, в свою очередь, могли стать прототипами ножек деревянных чоронов или в целом прообразом чорона. Может быть, приставные глиняные ножки не имеют прямого отношения к эволюции чорона, но важно отметить, что такая традиция существовала в гончарном деле и обиходе древних якутов.

Заключая обоснование происхождения якутских чоронов, следует резюмировать следующее. Происхождение чорона на коническом поддоне, вероятнее всего, связано с хунно-гуннскими металлическими котлами с поддоном. Якутские чороны на трех ножках, очевидно, имеют прототипами керамические триподы, хотя не исключается участие в их эволюции хунно-гуннских металлических котлов на трех ножках.

Поиск сосудов, схожих по форме с чоронами, имел неожиданный результат, намного расширяющий территориальные границы бытования трехногих глиняных сосудов. Как стало известно, в 1961 г. в Москве состоялась выставка «Искусство Мексики от древнейших времен до наших дней». Эту выставку посетил известный якутский художник-график Валериан Романович Васильев. Его внимание привлек один экспонат выставки, который он зарисовал. Это был керамический сосуд, по форме разительно похожий на якутский трехногий чорон. В 2013 г. эта зарисовка В.Р. Васильева была выставлена в Национальном художественном музее Республики Саха, в фондах которого она хранится. Заинтересовавшись зарисовкой, я с помощью научного сотрудника ИГиИПМНС СО РАН И.Э. Васильева начал поиск сведений об этих мексиканских сосудах. В итоге выяснилось, что интересующие нас сосуды, экспонированные на выставке 1961 г., были выставлены в разделе «Культура микстеков—пуэбло (800–1521 г. н.э.)». Эти очень похожие на якутский чорон керамические сосуды

(рис. 12) существовали у индейцев микстеков (миштеки), которые населяли горный район на юго-востоке от современного Мехико. Микстеки славились своей полихромной керамикой, которая «...делалась для их вождей, касиков (царьков) и знати. Эта прекрасная керамика была настолько известна в свою эпоху, что ремесленники-микстеки контрактировались на работу ацтеками» [Искусство Мексики..., 1961, с. 75]. Появление похожих на чороны сосудов на юге Американского континента пока не имеет доказательного объяснения. Возможно, это каким-то образом связано с миграцией народов в древности или конвергенцией, что менее вероятно.

Рис. 12. Керамические полихромные сосуды индейцев микстеков, Мексика, 800–1521 г. н.э. (экспонаты Национального музея антропологии, Мехико, <http://www.mna.inah.gov.mx>)

Интересная гипотеза о возможных корнях якутского чорона высказана в статье академика Академии наук Республики Башкортостан, известного в России археолога Н.А. Мажитова «Якутская загадка для археолога Южного Урала» [Мажитов, 2013]. По его мнению, якутские чороны по форме и орнаменту весьма схожи с глиняными сосудами кушнаренковской культуры VII–XII вв. и, возможно, имели общее происхождение. Н.А. Мажитов считает: «Если иметь в виду, что кушнаренковская керамика в степях Южного Урала появляется на рубеже VI–VII вв., то это время совпадает с возвышением Тюркского каганата и связанных с ним массовых переселений племен и народов по широким евразийским степям. Кажется бесспорным, что активными участниками этих переселений были и древнейшие тюркоязычные предки якутского народа и раннекушнаренковские племена Южного Урала. Истоки намечаемой сейчас определенной близости в культуре отдаленных предков якутского (саха) и башкирского народов, на наш взгляд, следует искать в культуре народов

гуннского и раннетюркского времени» [Мажитов, 2013, с. 70].

Последнее замечание Н.А. Мажитова заслуживает особого внимания, так как исследователи давно отмечают ряд соответствий в палеоэтнографической культуре якутов и хуннской культурной общности. Анализируя эти аналогии, Д.Г. Савинов приходит к выводу, что хуннский пласт в палеоэтнографии якутов проявляется более отчетливо, чем древнетюркский [Савинов, 2010; 2013]. Известно, что триподы часто встречаются в археологических памятниках хунну. Как уже говорилось, триподы могли быть прототипами якутских чоронов на трех ножках, которые являются одним из важнейших символов кумысного праздника Ысыах. Истоки праздника Ысыах исследователи связывают с культурой хунну [Романова, 1994, с. 86]. Не исключено, что древние образцы чоронов-трехножников, особенно украшенных традиционным у хунну и якутов орнаментом [Иванов С.В., 1975, с. 180], могли быть связаны с триподами, распространенными в культурах хуннского круга.

Литература

- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья – Новосибирск, 1996. – 94 с.
- Алексеев А.Н.* Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. – Т. 10, № 5. – Якутск, 2013. – С. 62–69.
- Бернштам А.Н.* Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 4–6. – С. 43–53.
- Бравина Р.И.* Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 231 с.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.
- Васильев Ф.Ф.* Южные предки якутов по материалам археологических раскопок (домонгольский период) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1982. – С. 131–132.
- Гоголев А.И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск, 1993. – 167 с.
- Гоголев А.И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск, 1990. – 189 с.
- Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.

Иванов С.В. К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, 1975. – С. 174–184.

Йохансен Улла. Орнаментальное искусство якутов. Историко-этнографические исследования. – Якутск, 2012. – 132 с.

Искусство Мексики от древнейших времен до наших дней. Каталог выставки. – М., 1961. – С. 75–80.

Кашина Т.И. Керамика культуры яншао. – Новосибирск, 1977. – 167 с.

Кисель В.А. Якутские чороны и их происхождение // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 6. – С. 70–77.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, 1975. – С. 106–173.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Т. I. – Иркутск, 1937.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.

Культурное наследие народа саха. – Спб.; Якутск, 1994. – 96 с.

Кучера С. Китайская археология. 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. – М., 1977. – 268 с.

Маак Р.К. Вилюйский округ. – М., 1994. – 569 с.

Мажитов Н.А. Якутская загадка для археолога Южного Урала // Ватандаш. – Уфа, 2013. – № 5 – С. 64–70.

Носов М.М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII – начала XX веков. – Якутск, 1988. – 103 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. Якуты до присоединения к Русскому государству. – М.; Л., 1955. – 430 с.

Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. – Якутск, 1972. – 142 с.

Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 86.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л., 1962. – 204 с.

Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник-2: к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. – Спб., 2010. – С. 68–81.

Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культуругенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск, 2013. – № 2. – С. 59–72.

Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории / авт.-сост. З.И. Иванова-Унарова. – Якутск, 2011. – 251 с.

Чжан Яцин. Керамика неолитических культур Восточного Китая. – Новосибирск, 1984. – 108 с.

Чжан Яцин. Керамика завершающих этапов неолита провинции Шаньдун // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 17–29.

A.N. Alekseev

About the origins of the Yakut chorons

The article is devoted to the origins of the Yakut chorons, wooden kumys cups. The author believes that chorons on a conical tray are modified Hunnish bronze boilers. Three-legged chorons originated from clay tripods which appeared early in China and then spread to Central Asia and Southern Siberia, including Zabaikaliye, in close proximity to the southern borders of Yakutia.

Keywords: Choron, bronze boilers, a clay pot, ceramic, ornament, the body, tripod.

УДК 81'373.23(=512.157)

Р.И. Бравина

Антропонимия якутов в трудах Ф.Г. Сафронова

Статья посвящена анализу трудов Ф.Г. Сафронова в контексте антропонимии якутов. В настоящее время его работы представляют ценный источник как при разработке теоретических и практических вопросов национальной антропонимики, так и при возрождении исконных имен у коренных народов Северо-Востока Азии.

Ключевые слова: Ф.Г. Сафронов, антропонимия, исконные имена, имена-обереги, имянаречение, именник, семантика и этимология имен, христианизация, русские имена.

© *Р.И. Бравина*, 2015

Ф.Г. Сафронов в исследованиях по истории Северо-Востока Азии не раз обращался к антропонимии коренных народов. В своей фундаментальной работе «Русские на Северо-Востоке Азии...» (1978), анализируя материалы переписи населения, он кратко изложил историю развития имянаречения у якутов. Автор констатировал, что русские служилые люди при записях имен ясакоплательщиков встречались с определенными трудностями: «А у тех, государь, иноземцев у многих якутов есть имени по 2 и по 3 и по 4, себе и отцу, и в книгах те иноземские имена многие не сходятца, потому что не одним именем сказываютца сами и отцем своим имена», – жаловались они в 1645 г.» [Сафронов, 1978, с. 92].

Способы именования людей, принятые у каждого народа, складывались постепенно и зависели от многих исторических и социально-культурных обстоятельств. Если в документах 1630-х гг. у якутов встречаются однословные, редко двусловные имена (например, Огус Харах), то начиная с 1640-х гг. появляются развернутые имена, например «Меник Тюбук Модункарин сын». В те времена подобное явление встречалось в России повсеместно. В связи с развитием общественно-политической и экономической жизни, упрочением русского централизованного государства, русские одно-, двусловные имена постепенно заменялись развернутыми, которые основывались на определениях, указывающих на родственные связи с главой семьи или рода. При этом существовали различные способы использования одних и тех же данных, что определялось как территориальными и диалектными особенностями, так и историко-культурными факторами. В связи с проведением массовых переписей населения, в XVII в. в русской антропонимии начался активный поиск приемлемых формул гражданского именования. В результате в XVII–XVIII вв. общепринятым у мужчин постепенно становится двухкомпонентное имя. При этом второй компонент мог быть в форме притяжательного прилагательного – от личного имени отца (Иван Петров) или от исконного (прозвищного) имени отца (Иван Сосин) [Зинин, 1969, с. 6]. Начиная с 1660-х гг. подобное построение имени становится господствующим и у якутов (Логуй Сынаков, Акий Тюбиков и т.д.). В документах этого времени иногда можно обнаружить и фамилии, придуманные самими служилыми людьми, исходя, видимо, из физических особенностей человека: Ялича Кри-

вой, Пагича Слепой, Егиря Синеzubов [Сафронов, 1978, с. 93]. В отличие от мужчин, в женских именах присутствовало указание на отношение их к старшим по возрасту мужчинам-родственникам: «якуцкая женка Бычей», «невестка ево Сюрян», «Толкоева сестра Санай», «Тавакуева дочь». Таким образом, имена женщин подчеркивали их зависимое положение в семье.

Антропоним как имя собственное в силу особых функций тесно связан с историческим, этнографическим, социологическим и другими аспектами изучения. В 1985 г. Якутское книжное издательство выпустило книгу Ф.Г. Сафронова «Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник)». Несмотря на солидный тираж (1000 экз.), издание сразу стало библиографической редкостью. Работа явилась первым монографическим исследованием по антропонимии коренных народов Якутии. В «Предисловии» автор с сожалением отмечает, что в ходе христианизации исконные имена якутов, эвенков, эвенов и юкагиров почти полностью вышли из употребления и на замену им пришли русские личные имена [Сафронов, 1985, с. 3]. В этой связи следует отметить, что христианизацию якуты восприняли как своеобразный процесс имянаречения (имянаречение, букв.: ввод имени), что проявилось и в якутской лексике: христианизация – *аат кириитэ*. Автор особое внимание обратил на сам процесс имянаречения у якутов при их крещении. «Давал его (имя. – Р.Б.), смывая скверну языческой веры, креститель – русский поп или миссионер по произволу, как ему вздумается. Язычник получал имя самого крестителя, его друзей и знакомых или еще кого-нибудь по случайному выбору... Лишь постепенно вошло в обычай нарекать именем по церковным святым – месяцеловам» [Там же]. Со временем среди коренных народов установился относительно постоянный состав личных имен. В основном это были имена из религиозных святцев – агнионы. По календарным именам можно было установить примерную дату рождения их носителей. Имя Петр предполагало, что ребенок родился накануне Петрова дня, т.е. 12 июля, Илья – в Ильин день, 2 августа и т.д. С принятием христианства и появлением новых религиозных имен исконно якутские постепенно превращались в прозвища, а некоторые из них сохранились в составе фамилий (Кырджагасов – от *кырджагас* 'старый', Толбонов – от *тол-*

бон 'блестящий' и т.д.). Более того, с появлением новых понятий существенно восполнился список прозвищных имен якутов: Баасынай ('пашенный'), Суут ('суд'), Лёчюёк ('дьячок'), Лакыай ('лакей') и т.д. [Бравина, 2010, с. 217–218].

Таким образом, в XVIII–XIX вв. изменилась концепция имени. Правильными, системными (во всяком случае по официальному предписанию) стали антропонимы, повторяющие агониимы. Семантика именных основ ничего не говорила местному населению, которое выбирало привычные для его восприятия имена. В результате значительно сократился список активно употребляемых личных имен, вследствие чего появлялись многочисленные тезки даже в рамках одной семьи. В таких случаях прибегали ко вторым, чаще всего прозвищным именам или дополнительным словам «меньшой»/«второй», «старшой»/«первый» и т.д.

В своей книге Ф.Г. Сафронов отметил сходство в формировании исторических пластов в антропонимии коренных народов Сибири и русских в связи с принятием ими христианства [Сафронов, 1985, с. 3–4]. У русских сила традиции в употреблении некалендарных имен была так велика, что даже в конце XVII в. писцы вынуждены были при христианском имени указывать и второе, мирское имя. Например, в Ростове в 1646 г. мирские имена не выделялись и приводились как равные христианским (Любимко Июдин сын Мальгин), а в 1678 г. они были отнесены к разряду прозвищ [Зинин, 1969, с. 9]. Якутские же исконные имена встречаются в официальных документах вплоть до начала XX в. В 1915 г. на одном из островов Новосибирского архипелага был установлен деревянный крест с небольшой бронзовой доской, на которой была выбита следующая надпись: «Эдуард фон Толь и его спутники – Фридрих Зерберг: Николай Протодьяконов, он же Омук: Василий Горохов, он же Багылай Чичах» [Рудных, 1970, с. 219–220]. И.А. Худяков о верхо-янских жителях писал следующее: «У каждого якута есть русское имя и русская фамилия, но эти последние здешние якуты очень плохо помнят, а на якутское народное прозвище откликаются тотчас» [Худяков, 1969, с. 122]. До сих пор в сельской местности, наряду с официальными русскими именами, распространены и традиционные. Пожилые люди, когда речь идет о третьем лице,

всегда уточняют его якутское имя. Причем это имя нередко распространяется и на близких этого человека, с уточнением их родственных связей. Например, часто можно слышать: «сын Бёрё», «невестка Бёрё» или даже «теща сына Бёрё» и т.д. В то же время русские имена, переделанные на якутский лад (например, Татьяна – Татыйаас, Михаил – Мэхээс, Аксиния – Ёксюю и т.д.)*, настолько привились, что пожилые якуты воспринимают их как исконно якутские, и наоборот – традиционные имена, которые в последнее время снова стали популярны среди молодых, воспринимаются ими как нововведение.

В работе Ф.Г. Сафронова особое место занимает Именник, для составления которого он привлек многочисленные документы XVII – начала XIX вв. [Сафронов, 1985, с. 30–199]. В словарь имен вошли более семи тысяч личных имен XVII–XVIII вв., в том числе якутских (мужских – 5954, женских – 48), эвенкийских (мужских – 790, женских – 15), эвенских (мужских – 33, женских – 4), юкагирских (мужских – 311, женских – 3). Список состоит из трех граф: в первой даются имена в русской транскрипции, во второй – возможное их якутское произношение, в третьей – их значение. Автор отмечает, что исконные имена в источниках нередко искажены до неузнаваемости и переложение имен с одного языка на другой является одной из сложных проблем как теоретического, так и практического характера. Он с благодарностью упоминает имена ученых-лингвистов, помогавших ему в транскрибировании имен [Там же, с. 10, 23]. Тем не менее 839 якутских имен остались не установленными по причине их сильного искажения или же инородного происхождения.

В книге проведена классификация имен по их исходной семантике, рассмотрена их этимология, изучены обычаи и преемственность в имянаречении, которые сыграли основную роль в формировании якутского антропонимикона. Для традиционной культуры при выборе имени большое значение имело его информационное сопровождение, а не «имя вообще». В качестве критерия выбора имени, помимо ситуационных факторов (ср. Сайынны ('летний') – родившийся летом, Алтыс ('шестой') – 'шестой по счету, Булумдью ('найденыш') – рожденный внебрачно), были значимы его мировоззренческий, этнографический и социальный контексты. Поэтому имянаречение не

*Русские имена в якутской транскрипции рассмотрел А.П. Статейнов [Статейнов, 2009, с. 180–189].

сводилось к простому выбору имени, а скорее являлось творческим актом (имятворчество). Следовательно, человек в традиционном обществе носил определенное, индивидуальное, только ему свойственное имя.

По мнению Ф.Г. Сафронова, в антропонимии якутов видное место занимают имена, отражающие скотоводческую основу их хозяйства. Например, встречались имена Сылгы ('лошадь'), Атыыр ('жеребец'), Кулун ('жеребенок'), Огус ('бык'), Торбос ('теленос'). Были имена, заимствованные из терминологии скотоводческого хозяйства: Ымдаан ('кислый молочный напиток'), Матаар ('род кубка для питья кумыса'), Сэргэ ('коновязный столб'), Сулар ('недоуздок'), Титиик ('летний хлев для рогатого скота') и т.д. Встречалось также много имен, отражавших промысловые занятия якутов: Батас ('пальма'), Ох ('стрела лука'), Чаархаан ('деревянный капкан для ловли мелких зверей'), Манчык ('манок'), и т.д. В именах отражались занятия носителей имен: табунщик – Сылгысыт, сенокосчик – Оччут, рыбак – Балыксыт, охотник – Саасыт, перевозчик грузов – Айанньыт (букв.: путешественник), Лаамысыт (от Лаамы, так называли якуты Охотское море, т.е. ездящий в Охотский край). К этой категории имен можно отнести имена: Тойук ('песня'), Сэсэн ('сказка, легенда'), Чинчи ('предсказание, примета'), Тылбаас ('перевод'), в которых, вероятно, отразились особые склонности их носителей. В собственных именах отразились также социальные термины, такие, как Тойон ('господин'), Кулут ('раб'), Умнасыт ('нищий'), Кысалга ('нужда'), Ильдиккэй ('одетый в лохмотья'), Дьэллик ('бродяга').

Отдельно сгруппированы имена, связанные с религиозными воззрениями: Байанай ('хозяйин леса, дух – покровитель охоты'), Ойуун ('шаман'), Сата ('камень магический, волшебный'), Кэрэх ('жертва духам') и т.д. Другую и довольно распространенную категорию якутских имен составляли антропонимы морально-оценочного характера, указывающие на черты характера, ум и сообразительность, темперамент и личностные качества имяносителя. Большинство из них носило благожелательный смысл: Саргы ('счастье, удача'), Эрэл ('надежда'), Бётёс ('удалой'), Дуолан ('могучий') и др. В них заложен прогноз на будущее, как бы предопределяющий судьбу ребенка, ставящий перед ним определенные задачи. О существовании живой, тесной связи между человеком и его личным именем свидетельствуют мно-

гочисленные данные. В эпосе олонхо богатырь, только узнав свое имя, отправляется в свой первый поход. Его имя выступает как ориентир к подвигу, как побудительный мотив к свершению тех или иных действий. Примечательно, что у якутов существует выражение «аат-суол» (имя-поведение, букв.: имя-дорога) [Пекарский, 1959, ст. 184], которое определяло личностную сущность человека. В случае проступка, отклонения от норм поведения говорили: «Аата-суола алдьаммыт» ('обесславился', букв.: 'разбилось' имя-поведение).

Автор, раскрывая семантику имен, пишет, что по именам народов можно получить представление о климате, фауне, флоре северного края. «Якут по имени Куйаас (жара) и эвенк Иниро (холод, мороз) являются как бы живыми свидетелями континентальности климата мест их обитания» [Сафронов, 1985, с. 20].

Общей ономастической закономерностью является образование топонимов от личных имен. В Якутии большинство административно-территориальных названий наслегов носят имена родоначальников: Тойбохой, Дюпсун, Тёлёй, Сыдыбыл, Кююкэй, Юёдэй, Бордон и т.д. Примечательно, что, наряду с именами известных исторических лиц, в Именнике встречаются тезки мифологических прародителей якутов: Элэй Сеччахов, Омолдоон Гуликанов и др. [Там же, с. 104, 153]. В книге ясачного сбора Жиганского зимовья 1655–1656 гг. упоминается некто Омогой, у которого «взято государева ясаку пять соболей в козках с пупки и хвосты».

В своей книге Ф.Г. Сафронов отдельную главу посвятил детским именам-оберегам. По данным Я.И. Линденау, якуты своим детям «имеют обыкновение давать самые отвратительные имена... Якуты полагают, что дети, получившие такие имена, не так легко умирают, так как дьяволы или злые духи боятся человека с таким именем» [Линденау, 1983, с. 34]. В Именнике Ф.Г. Сафронова встречаются имена: Ыт, Ыттыя ('собака'), Ыт кыса ('собачья дочь'). Часто в качестве детских имен служили собачьи клички: Кэрэмэс, Моойторук, Мохсогол, Кётюппэт и др. У якутов также было распространено обыкновение нарекать детей названиями других народов: Кытай ('китаец'), Тонгус ('эвенк'), Лаамын ('ламут', т.е. эвен), Нанай ('нанаец'), Тумат или вообще Омук, Омукчаан ('иноплеменник'). По мнению автора, такое же оберегательное значение имели имена, происходящие от названий животных и растений:

Бага ('лягушка'), Кутуях ('мышь'), Этэгэ ('бокоплав-блоха'), Кютэр ('крот'), Оогуй ('насекомое, паук'), Сёкю ('сорная трава'). Как в целях обмана злых духов, так и оберега от сглаза и порчи родители давали детям имена с уничижительной семантикой: Акаары ('глупец, дурачок'), Мёкю ('плохой, невзрачный'), Кусаган ('плохой'), Быртах ('поганный, скверный'), Саахтаах, Саахый ('с калом') и т.д.

По истечении семи лет, когда ребенок выходил из «опасного» для жизни возраста, что совпадало с осознанием им речи, т.е. смысла слов, вместо «худого» имени ему давали другое, более приличное человеческое имя. В большинстве имен детей, перешагнувших критический рубеж раннего детства, отражались особенности их внешности, поведения, обстоятельства места, времени рождения и т.д. По мнению автора, к этим именам по семантике примыкают антропонимы, образованные от названий болезней, которыми страдали имяносители: Модьуун ('чесотка'), Асаах ('болезненный'), Дьюдьэх ('хилый') и т.д. [Сафронов, 1985, с. 21].

У якутов изменение имени было связано также с достижением ими разных социальных статусов, что наиболее наглядно проявляется в именах-титулах лиц, принадлежащих к различным военным категориям. По фольклорным источникам, якутские воины имели по меньшей мере четыре имени. Первое из них – детское – давалось родителями, второе – исконное, взрослое – нарекалось родом, третье – воинское с прибавлением титула – присваивалось родовым вождем и, наконец, четвертое – имя военной доблести – передавалось именитыми людьми военных дружин «кыргыс» из других родов. Так, легендарный Бэрт Хара (букв.: 'доблестный из рядовых воинов') носил следующие имена: Байыгтыман, Бөрө Бётёкё, Бэрт Хара и Майагатта [Боло, 1994, с. 143]. Примечательно, что в Именник Ф.Г. Сафронова вошли имена из этой категории: Дархан, Боотур, Бёгё. «Переименовывали» людей и по достижении ими пожилого (сакрального) возраста, когда их имена запрещалось произносить вслух. Якуты не называли по имени в тех случаях, когда действовал или возрастной, или социальный запрет: нельзя называть по имени человека старше себя по возрасту и стоящего выше по социальному положению. Произнести его имя – означало коснуться самого его, т.е. посягнуть на его личность, принудить его беспокоиться. Вероятно, этим объясняется наличие в Именнике имен Кырдыагас ('старый'), Огонньор ('старик'), Тойон ('господин').

Таким образом, у народов Северо-Востока Сибири жизнь человека сопровождалась изменением его имени, в котором отражалась последовательная смена его статуса в зависимости от возраста, здоровья, самочувствия, а также ряда его социальных ролей (младенец – ребенок – взрослый – старик). Свое настоящее имя человек получал со становлением его как личности, когда окончательно сформировывались его характер, внешность, раскрывались способности и склонности, определялся род занятия.

Согласно подсчетам Ф.Г. Сафронова, среди антропонимической лексики якутов примерно 47% этимологизированных имен относится к тюркским словам, 37% – к монгольским, 5% – к тюрко-монгольским, 10% – к эвенкийским, что вполне соответствует лексическому составу якутского языка, являющегося в основе своей тюркским, впитавшим в себя элементы из монгольского и тунгусского языков [Сафронов, 1985, с. 23]. В этой связи автор затронул вопросы о взаимодействиях якутского этноса в процессе его формирования и исторического развития с другими народами. Например, относительно антропонимических монголизмов, ссылаясь на Л.Н. Харитонову, автор допускает возможность появления ранних монголизмов в языке древних тюрков еще до образования современных тюркских языков, в том числе и якутского. Эти заимствования могли появиться в те далекие времена, когда курыканы – предки якутов, имели тесные связи с отуз-татарами, затем с монголами Онона и Керулена, продвигавшимися на север, на территорию современной Бурятии [Там же, с. 25]. Правомерность данного тезиса отчасти подтверждается работами бурятских исследователей последних лет [см.: Дашеева, 2010, с. 80]. В истории становления якутско-эвенкийских контактов Ф.Г. Сафронов также выделяет два этапа: первые контакты имели место во времена совместного проживания эвенков с курыканами в районах Байкала и верховьях Лены; второй этап начинается с X–XI вв. на территории современной Якутии, когда эвенки и якуты снова оказались в географическом соседстве [Сафронов, 1985, с. 26–27].

Таким образом, работа Ф.Г. Сафронова фактически открыла новое научное направление в изучении истории, культуры и языков коренных народов Северо-Востока Сибири. В аннотации книги указано, что она предназначена для научных работников историко-этнографического и фило-

логического направлений, тем самым автор выразил надежду, что поставленные им проблемы по изучению антропонимии народов Якутии привлекают внимание специалистов. В настоящее время его работы являются основой не только при разработке теоретических и практических вопросов национальной антропонимики, но и при возрождении исконных имен у коренных народов Северо-Востока Азии.

Литература

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с. – На якут. яз.

Бравина Р.И. Православие и традиционная культура якутов // Философские проблемы этнонационального развития современного общества: матер. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Е. Мординова – Якутск: Сайдам, 2010. – С. 217–219.

Дашеева В.В. Универсальность экстралингвистической информации имени (на материале монгольских

и китайских антропонимов) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 8. – С. 76–81.

Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России): автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1969.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.1–3.

Рудных А.И. Вторые имена у якутов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 219–228.

Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 200 с.

Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – 258 с.

Статейнов А.П. Имена народов Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Изд-во «Буква С», 2009. – 448 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 438 с.

R.I. Bravina

Anthroponyms of Yakuts in the work of F.G. Safronov

This article analyzes the works of F.G. Safronov in the context anthroponymy of Yakuts. Today his works are a valuable source of both the development of theoretical and practical issues of national anthroponimics, and in the revival of original names among the indigenous peoples of the North-East Asia.

Keywords: F.G. Safronov, anthroponymy, original names, names-charms, the name of the naming, the names, the semantics and etymology of names, Christianization, Russian names.

УДК 94(571.56+571.65)«15/17»

В.Е. Васильев

Имперская политика России в Якутии: взгляд этнографа на историю российского периода в северо-восточной Азии

Статья посвящена проблеме присоединения Якутии к России в свете аборигенной политики царизма в Евразии. Автор доказывает несостоятельность практики игнорирования и нивелирования этнических компонентов в регионах, что в своё время привело к распаду Российской империи, а затем и Советского Союза.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, СССР, имперская политика, аборигены, саха, освоение, покорение, завоевание, присоединение, русификация, колонизация.

Вопрос покорения Ленского края Россией в исторических трудах освещается неоднозначно. Так, в книге «Сокровища культуры Якутии» [2011, с. 390, 960] находим двоякую точку зрения:

в период царизма Якутия напоминала *колониальную окраину* с труднопроходимыми дорогами. 380 лет назад состоялось *вхождение* Ленского края в состав России как *полуколониальной тер-*

риторию. Коллективная монография «Якуты. Саха» также не даёт чёткого толкования, так как в начале и конце книги говорится о *вхождении* Якутии в состав России, но внутри текста речь идёт о *присоединении* региона к России [Тишков, Чешко, 2012, с. 3; Романова, Игнатъева, 2012, с. 537; Юрганова, 2012, с. 351].

Схожую позицию относительно истории Западной Сибири мы находим в коллективной монографии «Траектории проектов в высоких широтах», авторы которой излагают сущность политики России на севере Азии. Первая промышленная фаза освоения севера Сибири рассматривается как *стихийный процесс*. В XVIII в. в результате *истощения пушнины* интерес к Сибири угас. Вторая фаза освоения была ориентирована на *добычу золота*. В XIX в. царская администрация предполагала все *пространства* Севера объединить в одну область. Политика брать по максимуму и отдавать по минимуму сохранялась и при социализме. Третья фаза освоения связывается с добычей *нефти и газа*. Здесь существует опасность возврата к рыночным отношениям периода царизма. В связи с *истощением* природных запасов намечается план *освоения* Арктики [Неёлов, Ламин, 2011, с. 8–13].

Описывая историю Западной Сибири, В.А. Ламин пишет, что с 1480-х гг. Московия проводила политику *завоевания* Югры, но она пока не могла установить *окупационный колониальный* режим. При этом в деле *ограбления* Югры участвовали охочие люди северо-восточной Руси [Ламин, 2011а, с. 16–19]. *Взятие* Сибири происходило как *военно-промышленное* движение русских за Урал. Хотя Ермак рапортовал царю о том, что они Сибирь «покорили», старый хан Кучум ещё 30 лет воевал против Москвы. Благодаря политике покровительства царя над аборигенами дальнейшее продвижение по *пространствам* Севера увенчалось успехом [Ламин, 2011б, с. 22–31]. Далее автор пишет: поражения в западном направлении русские компенсировали выходом к Тихому океану. В Западной Сибири были пресечены интересы англичан, искавших новый путь в Индию [Ламин, 2011в, с. 31–38].

По мнению соавторов книги, *колонизация* азиатских территорий шла по курсу строительства империи. Россия вела *экспансию* на западном, южном и восточном фронтах. Политика *военно-служилой* России отразилась в гербе 1625 г., в котором три короны озаменовали *покорение* Каза-

ни, Астрахани и Сибирского ханства. В XVII в. Сибирь представляла собой отдельный *специфический регион* России [Шиловский, Тимошенко, 2011, с. 141–143].

Таким образом, специфичность и Ленского края заключалась в том, что он напоминал «колониальную окраину». При этом историки пропускают то, что благодаря Сибири Россия смогла выйти к Балтийскому и Черному морям. Иначе «стихийное освоение» Сибири не привело бы к истощению соболиных запасов и обнищанию аборигенов. Любопытно то, что новосибирские учёные пишут об освоении *пространства* и умалчивают о судьбе коренных этносов. В свете этого идея о «вхождении» Сибири в состав России выглядит старой парадной вывеской, прикрывающей неприглядную картину.

Более объективный, взвешенный подход предлагает историк А.С. Зуев [2010, с. 9–13]. Он утверждает, что народы Сибири не все сразу сделались подданными царя. В XVI–XVII вв. они рассматривались как *иноземцы-данники*, в середине XVIII в. – как *иноверцы-полуподданные*, а с начала XIX в. – как *инородцы-подданные*. Первая Ясачная комиссия (1763 г.) упразднила сборщиков ясака, отменила *аманатство*. В целях превращения данников в *подданных* проводили массовое *крещение*. Позже в связи с *присоединением* к России Казахстана, Средней Азии и Дальнего Востока началась *крестьянская колонизация* новых земель. До начала XX в. всех инородцев должны были перевести в разряд крестьян, но этот процесс не был завершён. Аборигенная политика решалась путем усиления *вертикали власти* царя, ликвидации *автономии* инородцев, а также насильственного *крещения* и *русификации* в сферах образования и культуры.

В монографии о присоединении Чукотки к России А.С. Зуев даёт чёткое определение понятия «присоединение», разделяя его на *процесс* и *результат* включения чужой земли и её населения в состав государства. Он выделяет два аспекта: присоединение *территории* и присоединение *народа*. Обычно *включение* земель опережало *подчинение* их населения. Присоединение завершалось установлением *правовых норм* государства. Сам термин не несёт *оценочной характеристики* и допускает разные формы разрешения проблем. *Завоевание* сопровождалось привлечением на свою сторону элитной части ясачного населения [Зуев, 2009, с. 19–20].

Нам ценно мнение автора о том, что захватнические войны не всегда и не сразу приводили к подданству народов. Вожди покорённых земель могли оставаться относительно свободными вассалами. Превращение иноземцев в граждан государства – процесс долговременный. Нужно учитывать и тот фактор, что реформы в России были половинчатыми, поэтому народ саха боролся за свои права, начиная от «хождений» к царю в XVII в. вплоть до создания «Союза якутов» в начале XX в.

Примечательно то, что А.С. Зуев затрагивает основные направления имперской политики: усиление монархической власти и роли православной церкви как носителя основной идеологии, ликвидация, самоуправление регионов и русификация инородцев. Этот курс в целом был продолжен и в советский период, о чём свидетельствуют исторические факты.

В программе Министерства просвещения царской России говорилось о том, что основная цель образования заключается в «обрусении и слиянии всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, с русским народом» [Крымская АССР, 1937, с. 309–310]. Схожий тезис о *сближении и слиянии* всех народов для создания единой советской нации существовал в программе КПСС. Неслучайно на Западе слово «советский» служило синонимом понятия «русский».

В настоящее время *ликвидация* графы «национальность» в российском паспорте и *упразднение* малых автономных образований в целях укрепления *вертикали власти* создают условия для дальнейшего *обрусения* народов Сибири. В этом свете сегодня актуализируется то, что политика *русификации* аборигенов бывшей империи может получить официальное продолжение в строительстве новой российской государственности.

Рассматривая эволюцию правового статуса коренных народов Сибири, С.И. Боякова [2007, с. 19–20] пишет, что все они прошли три этапа развития. Сначала аборигены назывались «иноземцами», затем их переименовали в «иноверцев», а ещё позднее в «инородцев» (подданных). С 1822 г. якутов наделяли ограниченными правами. В рамках *духовного слияния* инородцев с русскими делали упор на распространение православия и просвещения на русском языке [Там же, с. 24–25].

О первоначальном статусе саха как *данников* покоренных территорий говорит и М.М. Федоров [1991, с. 43–45], который пишет, что до эпохи абсолютизма якуты были отданы на *полный произ-*

вол воевод и оказались в *совершенно бесправном* положении. Обычное право оформилось в связи с утверждением «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Но здесь же автор весьма спорно утверждает, что в XVII в. саха стали *подданными* царя.

В связи с этим надо заметить, что даже в эпоху просвещённого абсолютизма допускалось жестокое обращение с иноверцами. Так, историк В.Н. Татищев приказал сжечь на костре крещёного башкира за то, что этот «христианин» тайком молился по мусульманскому обычаю. На этом фоне вспомним Г.Ф. Миллера, который по настоянию М.В. Ломоносова вынужден был исключить из своей книги упоминания о разбоях Ермака. Видимо, неслучайно часть ценных материалов экспедиции Миллера сгорела в Якутске при пожаре 1736 г., причины которого не были установлены [Шишигина, 2005, с. 16, 137–138].

Надо заметить, что отсутствие единого мнения о сути захвата Сибири привело к тому, что история народов Сибири освещается в урезанном виде. Здесь угадывается стереотип деления народов на «своих» и «чужих». Земли за Волгой не считались исконно русскими вотчинами. К «чужим» относились потомки Золотой орды, создавшие «паразитические» ханства. «Свой» народ представлялся как мирный земледелец, создававший вопреки нашествиям. Этот идеал восторжествовал после победы в Великой Отечественной войне. Тогда же волна депортаций прокатилась в Крым, Поволжье и Северном Кавказе. Сталин «освобождал» степные районы для начала *освоения* целины.

Интересно то, что в 1944 г. Г.П. Башарин писал о том, что фольклор является устной энциклопедией народа саха. *Завоевание* Якутии русскими в XVII в. имело *реакционную* и *прогрессивную* стороны. Именно поэтому писатели А. Кулаковский, А. Софронов и Н. Неустроев выступали как *прогрессивные националисты*. Позднее Кулаковский преодолел *буржуазный национализм* и признал прогрессивную роль *вхождения* якутов в состав *Русского государства советской эпохи* [Башарин, 1994, с. 50–53 и др.].

В 1952 г. этот же автор в докладной записке диктовал обратный курс: под *вредным влиянием* фольклора писатели-просветители саха сочиняли *реакционно-националистические* произведения. И партия указала исправить «ошибки», допущенные в оценке наследия якутской литературы [Попов, 1952, л. 25–26]. Острые дискуссии по проблемам истории XVII в. долгое время велись между Ф.Г.

Сафроновым и Г.П. Башариным [Васильев, 2011 и др.]. По сути, они закончились безрезультатно, так как идея «вхождения» Якутии в состав России спекулятивно сводилась к вопросу признания *национальной политики* советской власти.

На наш взгляд, утверждение историков о том, что русское движение на Восток было ответом на военную угрозу со стороны татар, не выдерживает серьёзной критики. Этот аргумент опровергается тем, что ещё в 1550 г. был создан Казанский приказ, ведавший и сибирскими делами. Значит, план завоевания Татарии Московское царство стало вынашивать сразу после распада Золотой орды. Другим аргументом в пользу русской экспансии является обвинение восточных правителей во всех грехах и объявление Ермака «освободителем» Сибири от ига татар.

В этом же ключе преподносится миф о «веке войны» в Ленском крае, который был остановлен русским правительством. В преданиях Тыгын тойон порой рисуется как человек, убивавший собственных детей [Ксенофонтов, 1977, с. 89–90]. Однако можно допускать, что подобные сюжеты имели мало общего с реальной основой и являлись плодом позднего фольклора, который испытывал идеологическую обработку в духе времён царизма.

Разберём некоторые примеры. По легенде имя Тыгину дал его «дед» Эллэй, думая, что в лице младенца вернулась душа *тыын* его умершего сына [Боло, 2006, с. 66]. Кроме сомнительной народной этимологии терминов *тыын* и *тыгын* эта легенда указывает, что Тыгын по значимости занимал второе место после предка Эллэя. Вероятно, сюжет убийства детей Тыгином может иметь параллели с библейскими рассказами о Моисее и Христе, рождение которых было связано с избиением младенцев. На такую версию наводит и то, что правнука Тыгына Кученяка Мазарина, жестоко казнённого в остроге в 1736 г. за непокорность власти русского царя, палачи называли «якутским Соломоном» [Шишигина, 2005, с. 163].

Этот факт доказывает, что даже через сто лет после захвата Ленского края сопротивление саха не было окончательно сломлено. В отличие от Тыгына о борогонском князце Логуе саха не сохранили легенд, зато презрительно вспоминали, что он «продал» якутов русским [Серошевский, 1993, с. 453].

В качестве одного из доказательств деспотизма Тыгына можно привести рассказ об истребле-

нии 33 юрт ходоринцев, которые не подчинились его воле. Это предание вызывает сомнения. Во-первых, число 30 символизирует полноту и округленность явлений. И очень сомнительно, что Тыгын требовал от рода Ходоро только трех силачей, когда как они могли выставить до 30 ополченцев. Число 30 приводил и Я.И. Линденау в легенде об уничтожении тыгынцами отряда Осипа Галкина в отместку за его издевательства над их отцом. Во-вторых, ходоринцы сами являются восточными хангаласцами, и вряд ли Тыгын осмелился бы на убийство своих же людей. В-третьих, неподчинение этого рода было бы доказательством того, что Тыгын не был полновластным господином даже внутри своего улуса.

Здесь мы подходим к одному вопросу: как сказители объясняли приход русских на Лену, и почему историки объявили якутский фольклор классово чуждым явлением литературы? Ответ очень прост: предания рассказывают о временах правителя Тыгына и о покорении якутов царскими войсками [Боло, 2006, с. 67–238]. В книге «Якуты. Саха» эта тема не затрагивается, хотя один автор осторожно намекает, что Тыгын жил во времена *завоевания* Лены русскими казаками [Ушницкий, 2012, с. 381–382].

Между тем о весомом значении этой исторической личности говорит одна запись художника И.В. Попова [1928–1930, л. 16]: «Во время постройки Якутского города Тыгину было 97 лет». Значит, к приходу русских он был глубоким старцем. В преданиях, собранных С.И. Боло, Тыгын рисуется как великомученик, казнённый в тюрьме или убитый в бою. Гибель Тыгына воспринимается как трагедия народа. Он был вероломно убит «атаманом Ермаком», заманившим его в ловушку. Сам Ермак, «устроивший погром на Лене, утонул в сибирской реке, не выдержав слёз побеждённых саха» [Боло, 2006, с. 80–151 и др.].

Для нас совершенно очевидно то, что в преданиях о «якутском царе» отражено отношение служилых людей к событиям XVII в. Именно с их подачи Тыгына сравнивали с ханом Кучумом, а злодеяния местных атаманов расценивали как продолжение дела Ермака. При этом Тыгын, будучи врагом «Белого царя», наделялся отрицательными чертами. На самом деле Тыгын служил символом борьбы народа саха против колониального гнёта.

Вплоть до 1990-х гг. историки скептически относились к фольклору и не обращали внимания на очевидные факты. Так, они не замечали то, что

Дыгын наделялся чертами тотема: убийство вождя в пасти, отрубание его головы, вынимание глаз и расчленение костей напоминают обряд медвежьего праздника. Другая легенда имеет реальную основу. Мегинский тойон Чугуун Бодой, убивший Торонея Логуева в 1682 г. [Ксенофонтов, 1992, с. 177], принимал участие в установлении пограничных столбов на Амуре и, якобы, съездил к царю [Боло, 1925–1943, л. 61]. Здесь речь идёт о Нерчинском договоре с Китаем в 1689 г. Тогда же Якутск в целях возможной обороны от маньчжурских войск превратили в мощную крепость.

Историки ставили под сомнение факт того, что Дыгын был реальной личностью, и несостоятельно утверждали, что приход русских не изменил уклад жизни якутов, но ещё В.Л. Серошевский [1993, с. 255–259] верно подметил, что до *завоевания* Лены казаками «царь» Дыгын и подчинённые ему улусы *кочевали* с табунами лошадей по долинам рек. Хозяйственный *переворот* произошел после владычества царя, когда саха вынужденно перешли к *оседлости* и с горечью вспоминали свою свободную жизнь. Мнение В.Л. Серошевского совпадает и с поздним фольклором саха. По преданию, в летнее время Дыгын с целым лагерем из челяди, борцов, скакунов и дойных кобыл кочевал по землям Намского, Таттинского и Борогонского улусов. «Это был чисто кочевой народ – *көс дьон*» [Боло, 2006, с. 173]. В другой легенде говорится о том, что в старину каждой весной и осенью ватага из 12–40 молодых воинов кочевала по осенним стоянкам *отор*, в которых хозяева заранее оставляли запас еды. Так «кормились» друзья Омоллоона, ведущие вольную жизнь *кэшим* или *кулан* [Там же, с. 227]. Эти сведения наглядно показывают, что остатки былой кочевой жизни предки саха сохраняли вплоть до прихода русских.

Спустя 20 лет после распада СССР в странах СНГ ещё не выработались научные каноны по имперскому периоду, и истории республик изучаются в отрыве от общих событий в России. В концепции Молдовы империя рисуется как враг Бессарабии, а в Казахстане черно-белая гамма мешает созданию национальной идеи, заглушая многоголосье истории. Взгляды историков на данный период выражены в терминах *аннексия*, *колонизация*, *присоединение* и др. По мнению этнографа Анар Смагуловой, империя – живой организм, идея мирового порядка. Колонизация сравнима с океаном, где текут теплые и холодные течения [Периферийность «Центра»..., 2012, с. 49–90].

В странах Средней Азии постколониальная парадигма применима так же, как она применима к Африке и Южной Азии. Однако представление об *обоюдных трансформациях* как одной из ключевых идей в преодолении упрощенной схемы *господства* и *подчинения* ещё не стало повсеместным на постсоветском пространстве [Горшенина, 2012, с. 213–257]. Обзор мнений показывает, что неприятие постколониальной теории в России грозит возвратом к имперскому мышлению. Отсутствие оценочной характеристики приводит к *субъективному освещению* истории, а также *беспринципному отношению* к проблемам современной жизни. Концепция «вхождения» Якутии в состав России/СССР выражает политику *русификации* со времён царизма и сталинизма. В свете этого права учёные стран СНГ, которые говорят о том, что только *обоюдное уважение* ценностей всех народов приведёт к конструктивному диалогу различных культур.

Литература и источники

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). – 2-е изд. – Якутск: Книга, 1994. – 148 с.

Боло С.И. Легендарные предки якутов и период междоусобиц. – Кн. 1. Предания / сост. Г.В. Попов. – Якутск: Бичик, 2006. – 240 с. – На якут. яз.

Боло С.И. Якутский исторический фольклор: Легенды, предания и рассказы якутов. 1925–1943 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 14. Д. 38. 76 л.

Боякова С.И. Коренные народы Якутии в политико-правовом пространстве Российской империи // Исторические корни и перспективы развития Западного региона Якутии: Мат. рег. науч.-практ. конф., посвящ. 375-летию добровольного вхождения Якутии в состав Российского государства. – М., 2007.

Васильев В.Е. «Вхождение» Якутии в состав России и периодизация истории XVII в. (постановка проблемы) // Сибирский сборник–3: Народы Евразии в составе двух империй: монгольской и российской – СПб.: МАЭ РАН, 2011.

Горшенина С. Извечна ли маргинальность русско-колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований. (Введение к сборнику статей на англ. и фр. языках «Русский Туркестан: не такая колония как другие?» – «Turkestan russe: une colonie pas comme les autres?» – Paris, 2008) // Forum Ab Imperio. –2/2012.

Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век) / отв. ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 444 с.

Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. – Т. I. А – И. – Новосибирск: Наука, 2010.

Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика // Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – Т. 35: «Крестьянская газета» – Ларсон. – 1-е изд. – М.: Гос. институт «Сов. энцикл.»; ОГИЗ РСФСР, 1937.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Т. I. кн. 1. – Якутск: Нац. изд-во РС(Я), 1992. – 416 с.

Ламин В.А. Сибирь начиналась с Севера // Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неёлова. – Новосибирск: Наука, 2011а.

Ламин В.А. И лаской, и тряской // Там же. – Новосибирск: Наука, 2011б.

Ламин В.А. Любым курсом в Индию // Там же. – Новосибирск, 2011в.

Неёлов Ю.В., Ламин В.А. К читателю // Там же. – Новосибирск, 2011.

Периферийность «Центра» в современных национальных исторических нарративах: материалы круглого стола // Forum Ab Imperio. – 1/2012.

Попов А.А. Полевые материалы и научные труды. 1952 г. (См. Приложение: Г.П. Башарин. С.И. Боло, со-

бранные им легенды и предания. 1952 г.) // Архив МАЭ РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 173. 62 л.

Попов И.В. Фольклорные материалы: Народные приметы, народная медицина, загадки, песни и др. 1928–1930 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 523. 248 л.

Романова Е.Н., Игнатьева В.Б. Заключение // Якуты. Саха / отв. ред. Н.А. Алексеев. – М.: Наука, 2012.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

Сокровища культуры Якутии / гл. ред. А.М. Тарунов. – М.: НИИЦ «Памятники отечества», 2011. – 960 с.

Тишков В.А., Чешко С.В. Предисловие // Якуты. Саха. – М.: Наука, 2012.

Ушницкий В.В. Исторический фольклор // Там же.

Федоров М.М. Памятник обычного права якутов 1824 года: учеб. пособие. – Якутск, 1991. – 87 с.

Шшигица А.Н. Научное изучение Якутии в XVIII веке (по материалам Второй Камчатской экспедиции). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. – 299 с.

Шиловский М.В., Тимошенко А.И. От посольского приказа до сибирских губерний // Траектории проектов в высоких широтах. – Новосибирск: Наука, 2011.

Юрганова И.И. Православное христианство в Якутском крае // Якуты. Саха. – М.: Наука, 2012.

Якуты. Саха / Сер.: Народы и культуры. – М.: Наука, 2012.

V.E. Vasilev

Russia's imperial policy in Yakutia: a view of the ethnographer in the history of the Russian period in North-East Asia

The article deals with the accession of Yakutia to Russia in the light of the nature of aboriginal tsarist policy in Eurasia. The author refutes the practice of ignoring the leveling and ethnic components in areas that at one time led to the collapse of the Russian Empire and then the Soviet Union.

Keywords: Siberia, Russia, USSR, Imperial policy, the Aborigines, Sakha, exploration, conquest, Annexation, Russification, Colonization.

УДК 792.2(091)(571.56)

М.А. Кириллина

Особенности репертуара Якутского государственного драматического театра в 1925–1930-е гг.

(по материалам периодической печати)

В статье на основе анализа сезонного репертуара за 1925–1930 гг. выявляются особенности развития Якутского театра на начальном этапе его становления. Репертуар составлен на основе объявлений о постановках и рецензий на спектакли народного, а затем и национального театра, опубликованных в газетах «Кыым» и «Автономная Якутия» за 1925–1930 гг.

Ключевые слова: драматургия, драматический театр, репертуар, театральный сезон, спектакль.

В рамках исследования истории Саха академического театра им. П.А. Ойунского актуализируются проблемы, связанные с особенностями становления национального театра в 20-е гг.: уточнение репертуара, изучение историко-культурного контекста театральных постановок. В данной статье представлен уточненный сезонный репертуар, включающий основные постановки Якутского театра на начальном этапе его становления. Воспроизведение сценических постановок в хронологической последовательности дает наиболее полное представление о жизни национального театра на сложном, противоречивом этапе его развития. Репертуар Якутского театра составлен на основе объявлений о постановках и рецензий на спектакли, опубликованных в газетах «Кыым» и «Автономная Якутия» за 1925–1930 гг.

Данный репертуар состоит исключительно из тех спектаклей, которые ставились непосредственно на сцене Народного, а затем и Национального театра. В репертуар, составленный Д.К. Максимовым, включен ряд постановок общества «Саха омуку», любительских кружков, шефских организаций и т.д. [Максимов, 1985]. Кроме того, в ранее изданных работах Д. Максимова, в статьях Т. Стеркина [Стеркин, 1967] и З. Тюнгорядова [Тюнгорядов, 1971] не были упомянуты спектакли по произведениям А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, изъятые из репертуара.

Для Якутского драматического театра период с 1925 по 1930-й г. представляет собой весьма противоречивый, сложный этап, связанный в первую очередь с его становлением и формированием. Во-первых, недостаток средств для поддержания материально-технической базы, отсутствие профессиональных актеров и режиссеров затрудняли процесс развития сценического искусства. Во-вторых, социополитическая обстановка 20-х гг., модернизация общественного сознания требовали переориентации и обновления театральных традиций и эстетики. Как известно, постановление ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» послужило толчком для дискредитации имен первых якутских писателей – А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, П.А. Ойунского, их исключения из истории национальной литературы. В обстановке отрицания и разрушения традиционных ценностей молодому театру не всегда удавалось решить репертуарный вопрос, отвечающий современным требованиям. В-третьих, в

1927–1932 гг. началась первая волна политических репрессий, под которую попали представители якутской интеллигенции, в т.ч. основатель «Союза якутов», автор драмы «Манчаары» В.В. Никифоров, основоположник якутской драматургии и театра, поэт и прозаик А.И. Софронов.

В то же время репертуар Якутского театра, состоящий из классических произведений якутской, русской литератур и фольклорно-эпического наследия, с самого начала предопределил статус Якутского драматического театра, его профессиональный уровень. Концептуальность и глобальность идейно-эстетического содержания драматургических произведений писателей-классиков, их высокий художественный уровень требовали от режиссера и актеров соответствующей интерпретации идейного замысла пьес, глубокого проникновения в образ. А это, в свою очередь, определяло качественный рост мастерства самодеятельных актеров, раскрытие их творческого потенциала.

Набор студентов в якутскую труппу Народного театра, произведенный осенью 1925 г., состоял из участников художественной самодеятельности и студентов местных учебных заведений. Среди них были В.В. Местников, Т.П. Местников, Н.И. Гоголев, Н.П. Слепцов, С.А. Саввин, А.Д. Баланов, М.Е. Федорова, С.Д. Федоров, И.Н. Мартынов, Ф.Ф. Корнилова и др. Режиссером был приглашен Д.Д. Большев (1877–1936), энтузиаст театрального дела, руководивший драмкружками в Олекминске и Вилюйске.

Театральный сезон открылся 17 октября 1925 г. постановкой комедии Н.Д. Неустроева «Куһаҕан тыын» («Злой дух»). В спектакле участвовали начинающие актеры Т. Местников, Н. Слепцов, С. Федоров, Ф. Корнилова, М. Федорова и др. Артисты играли спектакль с большим подъемом, сами участвовали в оформлении декорации и сцены. Критика отмечала правдивость сценических образов, полноту и достоверность передачи содержания драматургического произведения: «В игре чувствовалось старание играющих полностью передать роль. Нельзя не отметить умелое режиссирование и подбор удачного грима якутских типов» [Горожанин..., 1925, с. 2].

Подлинно комедийные сюжет и конфликт пьесы, яркие комические характеры и ситуации, естественность и простота комедийного языка – все это обусловило успех пьесы, вызвав огромный интерес зрителей к театральному искусству. Написан-

ная талантливым художником, истинным писателем-комедиографом комедия «Злой дух» не теряет актуальности и новизны и на современной сцене Саха академического театра им. П.А. Ойунского.

Между тем в ситуации поиска и утверждения новых ориентиров, соответствующих современным требованиям, молодому театру не всегда удавалось решить репертуарный вопрос. И поэтому репертуарный план порой составлялся на основе случайных пьес. Так, 31 октября 1925 г. была сыграна пьеса «Хомуньюус Биэрэ» («Коммунистка Вера») в переводе активного члена союза «Саха омук», таттинца А.Я. Игнатьева. В главной роли выступила самодеятельная артистка А.П. Кривошапкина. 8 ноября зрители увидели пьесу А.Я. Игнатьева «Тыа дьахтарын олобуттан» («Из жизни якутской женщины»). В прессе отмечалась удачная игра актеров Р. Кардашевского (старик), М. Федоровой (старуха), Н. Слепцова (хамначит) и А. Сысолятиной (Праскевья). При этом указывались и недостатки спектакля: слабость оформления сцены, отсутствие декорации и соответствующих реквизитов [Пугачев, 1925, с. 2].

Конец 1925 г. отмечен постановкой спектакля «Кистэлэн дьыэбэ» («В конспиративной квартире»), которая была под запретом до революционных событий 1917 г. Важно заметить, что первые постановки Якутского театра часто сопровождалась критическими статьями, которые печатались в газетах «Автономная Якутия» и «Кыым». Несмотря на то, что публикации, освещающие ту или иную постановку, носили больше информативный характер, нежели критический, благодаря подобным откликам национальный театр всегда находился в центре внимания общественности Якутии.

В 1926 г. в труппу набирается новый состав артистов: В.В. Местников, Т.П. Местникова, Н.И. Гоголев, П.И. Васильев, Д.К. Сивцев, Н.И. Слепцов, Г.Я. Варламов, Н.Н. Игнатьев, И.Н. Мартынов, Е.К. Яковлева.

Новый 1926 г. открылся премьерой революционной пьесы П.А. Ойунского «Бассабыык Баһылай» («Большевик Василий»). Спектакль состоялся 17 января. Несмотря на некоторую рыхлость композиции, плакатность и тенденциозность содержания, режиссеру Д. Большеву удалось создать яркие массовые сцены с многочисленными актерами, подчеркнуть ее высокую эмоциональную патетику, ее революционный дух.

Большим успехом у зрителей пользовались постановки комедий якутских авторов. 1 февраля

1926 г. была поставлена комедия Н. Неустроева «Тар». В ролях был задействован основной состав труппы: Т.П. Местников, Д.К. Сивцев, А.П. Кривошапкина, М.Т. Готовцева, А. Сысолятина.

Остросатирическая направленность пьесы, анекдотичность ситуации, на которой строится действие, и живая игра актеров не могли оставить публику равнодушной. Однако пьеса, в которой выведен гротескно-карикатурный образ руководителя советской власти, спустя некоторое время, в 1929 г., вызвала негативную оценку со стороны литературной и театральной критики.

В постановке спектакля в 1928 г. роль Харыйа Степана играл будущий народный писатель, начинающий драматург Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон. И как он признается, творчество Н.Д. Неустроева имело огромное значение в процессе становления его как писателя-драматурга. О том, какое впечатление произвела на него комедия «Злой дух», поставленная в 1925 г. национальной труппой, Суорун Омоллоон пишет так: «Спектакль этот сыграл в моей жизни очень большую роль, через него я по-настоящему полюбил сцену и пристрастился сам к писанию пьес» [Сивцев, 1974, с. 156]. Одухотворенный его творчеством начинающий драматург создает комедию «Күөх Көппө» («Лодырь»), премьера которой состоялась 24 февраля 1926 г. Критика отмечала, что спектакль прошел хорошо: публика осталась довольна талантливой игрой актеров. Но были и недостатки, связанные с отсутствием соответствующих реквизита и костюмов [Кыыс, 1926]. Кроме того, появление на сцене «бездеятельного» героя в эпоху глобальных перемен, в период утверждения концепции активной личности, вызвало негативную оценку критики. Таким образом, становление национального театра происходило в атмосфере подавления творческой свободы художников, что тормозило естественный процесс развития театра и драматургии.

Театральный сезон 1926/27 г. открылся драмой А.И. Софронова «Споткнувшийся не поднимется». Режиссером спектакля выступил Н.И. Оросин. 2 января 1927 г. состоялась премьера спектакля «Атыһыт албаһа» («Сети купца») по пьесе А. Иванова-Кюндэ. 15 января была поставлена пьеса Л.Н. Толстого «От ней все качества». Во втором отделении зрители увидели драму А.И. Софронова «Скупой без завещания». Помимо указанных, в зимний сезон 1926/27 г. состоялись спектакли по пьесам В.В. Никифорова

«Манчаары», А.И. Софронова «Уйбааныс», «Любовь», «Эргэ сүктэр кыыс» («Девушка, выходящая замуж»), а также по комедии Н.Д. Неустроева «Злой дух». Спектакли по произведениям якутских авторов всегда представляли собой яркое и незабываемое событие в театральной жизни. В то же время постановка на сцене якутской классической драмы являлась трудоемкой творческой работой, требовала от режиссера и актеров вдумчивого, кропотливого труда над каждым сюжетом и словом, глубокого проникновения в идейный замысел произведения.

Из произведений русских писателей в сезон 1926/27 г. была поставлена пьеса М. Горького «На дне» в переводе А.Я. Игнатьева. Как писали в прессе, «усиленная и умелая режиссерская проработка (режиссер Д.Д. Большев, помощник режиссера А.П. Долин), хорошие костюм и грим, четкие декорации художника Г.М. Туралысова, удовлетворительная игра артистов создали на сцене довольно полную картину “дна”. В большой постановке, казалось бы непостижимой для нацтруппы, последняя доказала свою способность работать и творить» [Потапов, 1927]. Критик отмечал достоверное решение актерами образов, особо подчеркивалась игра артиста Н. Голева в роли барона.

Итак, в театральный сезон 1926/27 г. доминировала национальная драматургия. Высоко оценивая художественное совершенство и сценическую силу произведений, театр и в период отрицания наследия якутских классиков брал на себя смелость ставить их произведения. Традиции национальной драматургии, ее реалистические и глубоко психологические принципы, таким образом, стали прочным фундаментом в процессе становления и дальнейшего развития Якутского национального драматического театра.

Театральный сезон 1927/28 г. оказался печально знаковым в истории Национального театра. 16 октября 1927 г. по ложному обвинению в причастности к так называемому «заговору конфедералистов» директор театра А.И. Софронов был задержан, а в октябре 1928 г. арестован и осужден на пять лет ссылки. Произведения классика были сняты из репертуара и оказались под запретом на долгие годы. Последовали запреты на постановку и других известных и полюбившихся зрителю произведений якутских драматургов. События 1927–1928 гг. ознаменовали начало эпохи жесткой репертуарной политики в деятельности театров.

В связи со сложившейся обстановкой в театре открытие сезона затянулось до весны. 18 февраля 1928 г. была представлена инсценировка четырех картин из олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный». Режиссером спектакля выступил Н.И. Оросин, художником – Шавровский. Для спектакля были сделаны специальные костюмы и декорации.

Постановка спектакля по сюжету якутского эпоса имела успех у публики. В статье «О постановке якутского олонхо в национальном театре» П.А. Ойунский подробно проанализировал как игру артистов, так и технику исполнения песенных партий, рассматривая процесс приближения актерской игры к эстетике эпического произведения. Подчеркивая, что стилистика олонхо предполагает фантазмагоричность и сказочность, П. Ойунский предложил коллективу театра обратить внимание на художественное оформление сцены, использование звуковых и световых эффектов, а также на костюмы героев [Ойуунускай, 1928]. Рецензия П. Ойунского, где подробно разбирались игра артистов, декорации, костюмы, по сути, представляет собой один из первых и весьма серьезных опытов театральной критики Якутии. По сравнению с отзывами 20-х гг., пересказывающими в основном идейно-тематическое содержание пьес, статьи П. Ойунского, С. Потапова, А. Иванова-Кюндэ носили театроведческий характер: в них детально анализировалась работа режиссера, артистов, художника, что в свою очередь инициировало развитие якутского сценического искусства.

Следование традициям фольклорно-эпического наследия продолжало оставаться характерным для национального театра вплоть до конца 20-х гг. На этом переходном этапе театр в поиске гармонии и духовно-нравственных основ активно обращается к культурной памяти народа, утверждая фольклорно-эпическую эстетику национального театра. Важно заметить, что тенденция к возрождению фольклорных традиций будет проявляться и в последующие годы, определяя особенность языка и стилистику Якутского театра.

В репертуаре 1927–1930 гг. особое место занимают драмы «Манчаары» В. Никифорова; «Манчаары», «Девушка, выходящая замуж» А. Софронова; «Кыһыл Ойуун» («Красный Шаман») П. Ойунского; «Эллэй бөбө, Омоҕой баай» («Эллэй и Омогой») П. Тимофеева, созданные в традициях народного творчества.

Драма В. Никифорова «Манчаары» привлекает зрителей захватывающим сюжетом, драматичностью образа народного героя, придающими действию динамичность и зрелищность. Пьеса по одноименной драме А. Софронова была поставлена в 1929 г. И. Копыловым-Заборовским.

Одноактная пьеса А. Софронова «Девушка, выходящая замуж» впервые была поставлена Д. Большевым в 1927 г. Созданная в традициях якутского песнопения-тойук она явилась первым музыкальным спектаклем, поставленным в 20-е гг. Удачной оказалась вторая сценическая жизнь этой пьесы в 1930 г., в которой отмечалось качественное исполнение песенных партий.

Особым успехом у зрителей в эти годы пользовался спектакль по пьесе П. Тимофеева «Эллэй и Омогой», которая впервые была поставлена в 1920 г. Д. Большевым в Вилуйске. Для постановки 1928 г. (режиссер Д. Сивцев) уже были специально сшиты костюмы, в ней впервые было использовано электрическое освещение, художник-декоратор Н.И. Карнаков представил новые декорации. В 1929–1930 гг. спектакль был поставлен Г. Туралысовым.

Ярким и знаменательным театральным событием сезона 1929/30 г. явилась постановка драмы «Красный Шаман» П. Ойунского. Режиссером и художником спектакля выступил Г. Туралысов. Всеми средствами режиссуры он подчеркнул революционно-романтический пафос поэмы, в оформлении сцены применил приемы плаката и агитки, что соответствовало духу времени. Роль Красного Шамана исполнил Н.П. Слепцов, роль Оруос Бая – Д.К. Сивцев, Сасыл Шамана – Н.И. Слепцов, Хатан Тэмиэрийэ – Т.П. Местников.

В подготовке спектакля непосредственное участие принимал сам автор, защищая и оберегая каждую строку, каждое слово. К мнению драматурга прислушивались и актеры, и режиссер. В рецензии на спектакль отмечалось, что это была самая удачная постановка сезона, особо подчеркивались игра артистов и оформление сцены. Но в конце статьи критик утверждал, что содержание пьесы не соответствует современной действительности [Чабылҕан харах..., 1930]. С подобной оценкой в февральском номере газеты «Автономная Якутия» выступил С. Кулачиков-Эллай еще в статье «“Красный Шаман” – под судом современной критики».

Весной 1928 г. состоялась еще одна памятная премьера – драма «Игра жизни» А. Софронова в

постановке Д. Большева. Во второй раз она была поставлена в 1976 г. режиссером В. Фоминым, а в третий раз – лишь в 2001 г.

После известных событий 1927–1928 гг. контроль над репертуаром Якутского театра значительно усилился. Следует отметить, что спор о репертуаре театра, возникший еще в начале 20-х гг., не утихал в течение всего десятилетия. Практически каждая постановка национального театра, особенно если представлялось произведение классиков русской и якутской драматургии, подвергалась резкой критике. В репертуар национального театра стала настойчиво внедряться концепция новой личности, человека нового общества, героя-современника. Оперативно реагируя на эстетические установки времени, в большом количестве появляется агитационная драматургия. В разные годы на сцене Якутского театра ставятся агитационные пьесы якутских авторов: «Ол дьыллар» («Те годы»), «Сети купца», «Ким кими» («Кто кого») А.А. Иванова-Кюндэ, «Гыаттан алааска» («Из тайги в алаас») Я. Мекюрдянова, «Бэлиэ» («Знак»), «Танха» («Святки») Г.Д. Бястинова и др.

Сезон 1928/29 г. открылся 15 ноября постановками комедии К.А. Сокольникова «Все наоборот» и одноактной пьесы Г.Д. Бястинова «Знак». Пьеса К. Сокольникова, основанная на внешнем комизме и лишенная подлинно комедийного конфликта и характера, была далека от жанра комедии. Подобные пьесы не могли заменить классическую драматургию, которая начинает постепенно исчезать из репертуара. Поэтому вопрос, связанный с современным репертуаром, оставался открытым и в сезон 1928/29 г.

Как попытку сохранить классический репертуар, следует рассматривать премьеру 22 февраля 1929 г. известной якутскому зрителю еще с дореволюционных времен комедии Н.В. Гоголя «Женитьба» в постановке И. Копылова-Заборовского в переводе И.Д. Баланова. Спектакль, в котором участвовала вся якутская труппа, по просьбам зрителей, пережил подряд несколько постановок. Театральный сезон 1928/29 г. завершился пьесой А.Д. Неверова «Смерть Захара» в переводе А.Е. Мординова. Как показывает обзор репертуара, театр все еще находился в состоянии поиска, этим и объясняется разноплановость, смешанность драматургического материала, включающего и русскую классику, и современную переводную пьесу, и якутскую драматургию, и пьесы молодых авторов.

В новый сезон 1929/30 г. обязанности режиссера и художественного руководителя взял на себя профессиональный художник, выпускник театрально-декорационного отделения ВХУТЕИНа Георгий Михайлович Туралысов.

Вопрос о необходимости подготовки профессиональных актерских кадров продолжал оставаться одним из актуальных в театральном процессе Якутии 20-х гг. В статье «О работе нацтеатра» (1928) Гер. Емельянов указывает на недостаточное внимание общественности и руководства республики к проблемам театра, отмечает, прежде всего, отсутствие профессиональных актеров: «Необходимость посылки в центральные театральные вузы наиболее талантливых артистов – якутов очевидна» [Емельянов, 1928, с. 3].

Таким образом, обзорный анализ репертуара Якутского государственного национального театра в период с 1925 по 1930 г. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, основу репертуара Якутского театра в рассматриваемый период составляли произведения якутской и русской классики, а также фольклорно-эпического наследия. Важно заметить, что традиции, заложенные в основу театральной концепции в самом начале возникновения якутского сценического искусства, продолжают сохраняться и по сей день в творческой жизни Саха академического театра им. П.А. Ойунского. Во-вторых, становление Якутского государственного национального театра происходило в условиях противостояния эстетических традиций классического театра и советского театра, призванного стать средством идеологического воспитания общества. Схематизм и прямолинейность при изображении конфликта и характера в новых пьесах приводили к нарушению драматургических основ театра, са-

мых главных его составляющих. Порой казалось, что начинали забываться традиции и эстетические принципы национальной драматургии и театра А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, П.А. Ойунского. А это означало бы утрату культурно-духовных ценностей народа, его интеллектуального богатства. Но Якутскому театру удалось сохранить классический репертуар, определивший основную вектор развития национального сценического искусства и драматургии. В то же время период 1925–1930 гг. ознаменовался укреплением театра как обязательного и необходимого элемента общественно-культурной жизни республики.

Литература

Горожанин. Народный театр. Куһаҕан тыын // Автономная Якутия. – 1925. – 21 окт.

Емельянов Гер. О работе нацтеатра // Там же. – 1928. – 11 дек.

Кыыс. «Күөх Көппө» // Кыым. – 1926. – Кулун тутар 4 к.

Максимов Д.К. Очерк истории якутского драматического театра. – Якутск, 1985.

Ойуунускай П.А. Саха олонхото национальной театрга турбутун туһунан // Кыым. – 1928. – Кулун тутар 1 к.

Потанов С. «На дне» М. Горького // Автономная Якутия. – 1927. – 22 апр.

Пугачев Е. «Тыа дьахтары олобуттан» // Там же. – 1925. – 18 нояб.

Сивцев Д.К. Иһирэх тыл. – Якутскай, 1974.

Стеркин Т.А. История советского драматического театра. – М., 1967.

Тюнгюрядов З.Т. Саха театральнай искусствотун үөскээһинэ // Хотугу сулус. – 1971. – №1–2.

Чабылҕан харах. «Кыһыл Ойуун» // Кыым. – 1930. – Ыам ыйын 1 к.

M.A. Kirillina

Features of repertoire the Yakut State Drama Theatre (1925–1930)

In article on the basis of the analysis of seasonal repertoire for over 1925–1930, identifies features of development of the Yakut theatre at the initial stage of its formation. The repertoire is composed on the based of announcements of performances and reviews for theater folk, and then the national theatre, published in the Newspapers «Кыым» and «Autonomous Yakutia» during 1925–1930.

Keywords: dramatic art, drama theatre, repertory, theatre season, performance.

А.А. Сулейманов

Научное изучение юкагиров Якутии в 50-е годы XX века

В статье рассматривается история реализации наиболее значительных научных инициатив 50-х гг. XX в., посвященных исследованию различных проблем жизнедеятельности юкагиров. В связи с этим определены ключевые акторы данного процесса; выявлены и показаны основные направления, география и результаты проведенных изысканий. Отмечены изменения в организации научного изучения юкагиров и значение проведенных исследований для формирования современного научного представления об этом этносе.

Ключевые слова: коренные народы Арктики, юкагиры, Якутия, Академия наук СССР, И.С. Гурвич, исследования, научные экспедиции.

В 2015 г. исполняется 80 лет со дня основания ведущего на данный момент в России и мире центра юкагироведения – Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. Аккумуляция фундаментальных знаний о юкагирах велась в его стенах благодаря кропотливому труду поколений ученых независимо от названий и форм организации работы института (Научно-исследовательский институт языка и культуры при СНК ЯАССР, академические Институт языка, литературы и истории, Институт проблем малочисленных народов Севера, Институт гуманитарных исследований). Одними из наиболее интересных и важных периодов при этом, безусловно, являются 1950-е гг.

Напомню вкратце, что юкагиры – самобытный народ Арктики, представители которого проживают преимущественно в северо-восточных районах Российской Федерации. В настоящее время в Якутии существуют две локальные группы данного этноса: тундренные (Нижнеколымский район) и лесные (Верхнеколымский район) юкагиры, которые сохранили язык, традиционные элементы культуры и хозяйственной деятельности.

Несмотря на имевшиеся к середине XX в. сведения о древнейшем происхождении юкагиров, их малочисленности (по данным переписи населения 1959 г., в Советском Союзе проживало 442 юкагира, в т.ч. 285 на территории Якутии [Филиппова, 2007, с. 51]), а также о значительном ареале жизнедеятельности в прошлом и важном, в этой связи, месте в этнической истории Сибири, в научных знаниях о данном народе оставалось большое количество «белых пятен».

Экспедиции В.И. Иохельсона 1895–1897 и 1901–1902 гг. по-прежнему являлись единствен-

ными изысканиями, в ходе которых предпринималась попытка рассмотреть все стороны жизни этноса – его язык, историю, культуру, быт, социальные отношения [Иохельсон, 2005; Ширина, 1994, с. 180]. Полученные В.И. Иохельсоном сведения, при всей их уникальности и огромной ценности, постепенно устаревали, а с развитием научной мысли некоторые из разработанных ученым теоретических положений требовали серьезных уточнений и корректировки. Кроме того, в оставленном В.И. Иохельсоном научном наследии преобладали материалы по лесным юкагирам и значительно меньше были представлены сведения о населении тундры. Последующие исследования участников Верхоянского отряда Якутской комплексной экспедиции Д.Д. Травина в 1927–1929 гг. [Ермолаева, 2009, с. 56], Н.И. Спиридонова [Спиридонов, 1930] и членов экспедиции Охотско-Колымского краеведческого музея 1939 г. [Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 27. Д. 53] были посвящены изучению отдельных проблем – хозяйственной деятельности, традиционных обрядов, одежды, мифологии, фольклора юкагиров, происходящих этнических процессов.

В рассматриваемый период необходимый импульс проведению новых экспедиционных работ в местах проживания юкагиров придавал ряд факторов: развитие научных знаний и сети исследовательских учреждений страны (в частности, в 1949 г. был создан Якутский филиал Академии наук (АН) СССР); повышение доступности изысканий, связанное с внедрением новых видов транспорта; сосредоточение аборигенного населения северных районов Советского Союза в достаточно локальных ареалах, вызванное прово-

дившейся политикой коллективизации и поселкования, а также рост внимания органов власти к проблемам коренных народов, который сопровождался принятием ряда соответствующих нормативных актов Советом Министров СССР и ведомственными организациями, предполагавших, среди прочего, активизацию научного изучения жизнедеятельности аборигенов.

В Якутии все это привело к началу в 1951 г. «сплошного» этнографического изучения практически всех северных районов республики силами сотрудников Института языка, литературы и истории Якутского филиала (ИЯЛИ ЯФ) АН СССР.

Первая из этих экспедиций, в состав которой входили к.и.н., научный сотрудник института И.С. Гурвич (руководитель) и лаборант-переводчик, была отправлена в Нижне- и Среднеколымский районы Якутии (фото 1).

Фото 1. Юкагирская комплексная экспедиция. Из с. Котенко по Индигирке к новому месту исследования. Справа – И.С. Гурвич. Снимок М.Я. Жорницкой, 1959 г. [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 442].

Исследования проходили с конца апреля по октябрь 1951 г. При этом маршрут экспедиции, как отмечал И.С. Гурвич, был составлен таким образом, чтобы изучить все этнические группы названных районов, охватить максимальное количество наслегов, колхозов и поселков [Гурвич, 1952, с. 200]. В этом плане показательна общая протяженность маршрутов: в Нижнеколымском районе она составила около 1600 км (из которых 750 были преодолены на собаках, 450 – на оленях, 150 – на лошадях, 250 – на лодках и катерах), в Среднеколымском – 1470 км (720 – на лошадях и 750 – на лодках и катерах) [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 3–4]. Всего за время экспедиции ее участники, таким образом, преодолели более 3 тыс. км, посетив в том числе села Колымское и Андриюшкино Нижнеколымского района – основ-

ной ареал сосредоточения тундренных юкагиров, а также поселения на реках Омолон и Анюй [Гурвич, 1952, с. 200–201].

Одной из основных задач экспедиции было определение этнического состава исследуемых районов, выявление которого И.С. Гурвич проводил по специально разработанной им программе. Последняя включала изучение языковой принадлежности, организацию опроса о национальной самоидентификации, анализ посемейных хозяйственных списков и книг. Одновременно производился сбор материалов о культурных и бытовых особенностях каждой из рассматриваемых ученым этнических групп, информации о распределении населения по старым административным единицам и родоплеменной принадлежности [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–20].

В ходе изысканий И.С. Гурвич установил, что в отличие юкагиров, живущих на Омолоне и Анюе, которые окончательно слились с русским населением, тундренные юкагиры сохранили родной язык, представление о себе как об особом этносе – одулах, ряд особенностей в своей культуре (похоронные обычаи, фольклор, свадебные обряды). При этом ученый особо отметил их тесные этнокультурные связи с их историческими соседями – эвенками, которые привели к «полному восприятию одулами эвенского типа жилища, эвенского покрова одежды, обуви, усвоению эвенского образа жизни» [Там же. Д. 231. Л. 13–14].

Исследователю удалось обнаружить и опрошить представителей бывшего Алазейского юкагирского рода, установить входившие в него семьи и примерную численность в начале XX в. [Там же. Л. 14–15]

Отдельным направлением изысканий был анализ современной хозяйственной деятельности в Нижне- и Среднеколымском районах, в т.ч. в юкагиро-чукотском колхозе «Турваургин» (центр – с. Колымское) и юкагиро-эвенском «Сутаня-Удеран» (с. Андриюшкино). И.С. Гурвич составил характеристику организации работы и хозяйственного цикла оленеводческих бригад, техники охоты и рыболовства, заготавливаемой в колхозах продукции. Кроме того, ученый установил «узкие» места, мешающие экономическому развитию названных колхозов, – плохая транспортная доступность, недостаточное снабжение продовольственными и промышленными товарами, нехватка топлива для жилых и производственных помещений [Там же. Л. 47–68].

Исследования И.С. Гурвичем проблем жизнедеятельности юкагирского населения были продолжены в 1956 г. На этот раз он работал среди юкагигов Верхнеколымского района ЯАССР уже в качестве сотрудника Института этнографии АН СССР, куда ученый перешел на работу после создания в 1955 г. в стенах данного института Сектора по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера [Батьянова, 2013, с. 19]. Изыскания, главным образом, проводились в юкагирском колхозе «Светлая жизнь» и его административном центре с. Нелемное. Следует отметить, что ученый застал село в период серьезных изменений. В 1954 г. решением Верховного Совета СССР Нелемнинский сельский совет был передан Якутии из состава Магаданской области [Филиппова, 2013, с. 347]. В том же году Нелемное подверглось сильному наводнению: была смыта часть берега р. Ясачная, унесены водой здания колхозного склада и коптильни, подмыты основания школы и магазина, а под местной больницей образовалась протока. В результате было принято решение об организации переезда села на новое место [Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 24. Л. 4–5].

Во многом данный факт, а также недостаточное финансирование переезда властями определили «весьма печальное» бытовое положение местного населения, зафиксированное в ходе экспедиции. По наблюдениям И.С. Гурвича, перевезенные на новое место здания школы и больницы после сбора районными энтузиастами «продувались, их полы качались, а рамы и двери были перекошены». Единственным средством отопления при этом являлись железные печи. В результате стационар был свернут, а роды принимались на дому. Усугублял ситуацию кадровый дефицит: врачей в больнице замещали два фельдшера, вместо положенных же по штату трех медсестер работала одна.

Еще более неприглядной оказалась картина существования местного населения в построенных на новом месте жилых домах. Сооруженные наспех, они летом заливались дождевой водой, а в холодное время года насквозь продувались. Но и таких конструкций хватило, главным образом, лишь для членов семей правления колхоза, руководства сельсовета и приезжих вольнонаемных рабочих (в некоторых домах при этом приходилось ютиться тремя-четырьмя семьями). Остальные же были вынуж-

дены жить в чумах из лиственничной коры и матерчатых палатках [Там же. Л. 7].

Основная программа исследований предусматривала изучение современного состояния хозяйственной деятельности и экономического положения верхнеколымских юкагигов.

И.С. Гурвич составил описание методов ведения важнейших (рыболовство и охота) и вспомогательных (оленоводство, коневодство и скотоводство) отраслей хозяйства аборигенного населения. При этом исследователь отметил бесперспективность и пагубность насаждения птицеводства, огородничества и свиноводства, имевшего место в начале 50-х гг. XX в. Подобная многоукладность хозяйства приводила, по мнению ученого, к распылению и без того недостаточной рабочей силы, а также к перманентной загруженности наиболее трудоспособного населения, отражавшейся, среди прочего, на его здоровье (из 82 обследованных летом 1956 г. юкагигов у 37 был обнаружен туберкулез).

Экономическое положение местных жителей И.С. Гурвич охарактеризовал как «шаткое». Причинами этого, наряду с названным выше трудностями, исследователь считал отсутствие у большинства семей личных хозяйств, их необеспеченность хозяйственным инвентарем (около 1/4 хозяйств не имели необходимого снаряжения даже для ведения рыболовства или охоты) и низкую стоимость трудодня [Там же. Л. 7–14].

Учитывая прикладной характер изысканий, важное место в них отводилось выработке конкретных мер по повышению благосостояния местного населения и развитию колхоза «Светлая жизнь». Эти меры касались, прежде всего, обеспечения государственной поддержки при организации переезда с. Нелемное на новое место, улучшения снабжения боеприпасами, хозяйственным инвентарем и строительными материалами, а также выделения ездовых оленей и дополнительных пастбищных земель [Там же. Л. 15–17].

Проведение двух рассмотренных экспедиций имело существенное значение для пополнения багажа научных знаний о юкагигах, однако подобных достаточно фрагментарных исследований было по-прежнему явно недостаточно для формирования полномасштабной научной картины об истории, этногенезе, языке и социально-экономическом положении этноса.

В этой связи вскоре после опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров

СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» 1957 г. руководство ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (Институт вошел в состав созданного Сибирского отделения Академии наук) выступило с инициативой проведения комплексных исследований в местах компактного проживания юкагиров. Инициатива получила поддержку со стороны Якутского филиала, профинансировавшего исследование [Крейнович, 1982, с. 6], и ведущих профильных учреждений страны – Института этнографии и Института языкознания АН СССР, которые согласились выделить для участия в работах своих научных сотрудников.

В состав экспедиции в результате вошли как уже признанные специалисты, так и исследователи, которые не так давно начали свой научный путь. Ее руководителем, а также начальником археологического отряда был назначен к.и.н., директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР З.В. Гоголев. Научным руководителем и начальником этнографического отряда экспедиции являлся к.и.н., с.н.с. Института этнографии АН СССР И.С. Гурвич. Лингвистический отряд возглавлял к.ф.н., с.н.с. Института языкознания АН СССР Е.А. Крейнович (фото 2). Вместе с ними в работе экспедиции приняли участие И.М. Золотарева (Институт этнографии АН СССР), К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая, А.Н. Лаптев и С.А. Федосеева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 5].

Фото 2. Юкагирская комплексная экспедиция. И.М. Золотарева (слева) и Е.А. Крейнович (справа) на катере, следующем из Колымского в Нижнеколымск. Снимок И.С. Гурвича, 1959 г. (Фотоархив ИЭА РАН. Оп. 362. Д. 44858).

Согласно программе изысканий главными задачами экспедиции являлись: реконструкция истории хозяйственной деятельности, культуры и быта юкагиров; изучение языка и физической антропологии данного народа для выяснения его эт-

ногенеза; анализ происходящих этнических процессов; исследование современного хозяйства и культуры юкагиров с целью разработки общих мер по улучшению положения населения северных районов Якутии [Архив РАН (АРАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 3]. Программа работ экспедиции предполагала проведение исследований в большинстве мест проживания юкагиров: Нижнеколымском, Аллаиховском и Верхнеколымском районах Якутии, а также в Среднеканском районе Магаданской области (здесь изыскания ограничивались только работами И.С. Гурвича).

Из Якутска – отправного пункта экспедиции – до места исследований, а также из одного района в другой участники экспедиции добирались воздушным путем. Внутри же районов они использовали местный транспорт: собак, оленей, лошадей, моторные лодки, катера и ветки [Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 43]. При этом отряды работали в основном независимо друг от друга.

Этнографический отряд экспедиции, в состав которого, помимо И.С. Гурвича, входили К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая и И.М. Золотарева, начал свою работу в апреле 1959 г. в Нижнеколымском районе. Здесь исследователи посетили все колхозы и основные населенные пункты, совершили поездки по бригадам оленеводов, охотников и рыбаков. Так, были проведены изыскания в пос. Нижние Кресты (будущий пос. Черский), селах Колымское (колхоз «Гурваургин»), Туустах-Сен и Андриюшкино (колхоз им. Сталина), Походск и Нижнеколымск (колхоз им. Ленина), рыбалках Островоко и Лобазно. Во второй половине июня – июле ученые работали в селах Полярное (Русское Устье, колхоз «Победа»), Котенко (колхоз им. Сталина) и Ойотунг (колхоз им. Ленина), оленеводческих стадах, рыбалках и заимках Белькочах, Семирная, Сарапулька, Перчик, Осениново, Средняя Аллаиховского района. Исследования в Верхнеколымском районе проводились в с. Нелемное (колхоз «Юкагир») во второй половине июля – первой декаде августа. Завершились полевые работы в конце августа в с. Балыгычан (колхоз им. III пятилетки) Среднеканского района Магаданской области [Там же. Л. 42; Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27–373]. Более продолжительное, по сравнению с работами в Нелемном, пребывание ученых в низовьях Колымы и на Аллаихе было вызвано относительно лучшей представленностью на тот момент в на-

учной литературе, главным образом, благодаря исследованиям В.И. Иохельсона, материалов о лесных юкагирах.

Методика работы участников экспедиции включала проведение подробных опросов местного населения и в особенности старожил (одному из интервьюеров было на момент экспедиции 104 года [Гоголев, Гурвич, Золотарева и др., 1975, с. 78]), анализ современной хозяйственно-бытовой практики как юкагиров, так и соседствующих с ними этнических групп (русские старожилы, чукчи, эвены, якуты) и изучение архивных материалов. Последний пункт, однако, в ходе экспедиции был значительно скорректирован – К.И. Горохов, программа исследований которого предполагала работу, главным образом, с историческими документами, выявил фактически полное отсутствие искомым данным в местных архивах и вскоре присоединился к проведению историко-этнографических опросов [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 27–54].

Прежде всего, ученые стремились выяснить представление информантов о традиционных занятиях древних юкагиров и различиях между юкагирскими и эвенскими элементами культуры, которые на момент проведения экспедиции были уже мало заметны. Опросы показали, что хозяйство предков тундренных юкагиров основывалось на упряжном санном оленеводстве, а их важнейшим промыслом вплоть до 30-х гг. XX в. была охота на диких оленей. Добывали этих животных путем «поколок», для чего около больших озер сооружались из земли преграды в виде невысоких пирамид. Осенью, когда наступали темные ночи, охотники гнали стадо диких оленей к озеру, где животные принимали сооруженные преграды за людей и бросались в воду. Навстречу оленям выплывали охотники на челноках и кололи их копьями. Помимо этого, юкагиры загоняли диких оленей в озера с помощью специально обученных собак. Подсобными же отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота на линных гусей [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 5–9].

Участники отряда выявили достаточно информативные особенности устройства жилищ, охотничьих и погребальных обрядов, а также одежды юкагиров. Основываясь на данных опросов, ученые установили, что, несмотря на идентичность осмотренных ими современных чумов юкагиров и эвенов, остовом в которых служили три жерди, ранее при строительстве своих жи-

лищ юкагиры применяли четырехжердевую конструкцию. Об этом же свидетельствовала и рассмотренная ритуальная практика – в отличие от эвенов, устанавливающих по традиции на могиле три жерди от чума, юкагиры оставляли четыре жерди [Там же. Л. 6–10].

Проанализировав погребальные обряды аборигенных этносов, исследователи отметили, что если эвены складывали останки диких оленей на специальные помосты, то юкагиры сжигали их или топили в воде. Обратила на себя внимание специалистов и такая характерная черта юкагирского погребального обряда, как ритуальное сожжение костей и шкуры оленя, который вез тело умершего к месту захоронения. Данные факты, напоминая практику трупосожжения, которая существовала у ряда коренных народов Арктики, сходство способов охоты и элементов традиционной одежды юкагиров и нганасан, позволили И.С. Гурвичу сделать вывод о существовавших ранее тесных контактах между юкагирскими и нганасанскими родами и наличии до прихода русских в тундровых и лесотундровых районах Севера России цепи охотничье-олeneводческих племен. Современные же экспедиции различия между юкагирами и нганасанами сложились, по мнению ученого, позднее под влиянием эвенов, ненцев и тунгусов [Там же. Л. 10]. В конце 1980-х гг. выводы И.С. Гурвича о родстве юкагиров и нганасан были подтверждены О.Л. Посух в результате анализа генетико-демографических данных [Посух, 1991, с. 11].

Работа с местным населением и похозяйственными списками показала «далеко зашедший» процесс смешения юкагиров с эвенками и чукчами, особенно усилившийся в конце 40-х – 50-е гг. XX в. Данный процесс привел к метисации практически всех юкагиров, подавляющее большинство которых ко времени экспедиции было распределено по смешанным семьям. Однако, характеризуя лингвистическую ситуацию, ученые отметили, что основным языком коммуникации в этих семьях выступал именно юкагирский [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 38–39].

Проблематика лингвистической ситуации в районах работы экспедиции получила и другое освещение. Так, в колхозе «Турваургин» (с. Колымское) ученые попытались выяснить, какими языками владеют его члены. Проведенный с этой целью опрос, которым были охвачены 306 человек, свидетельствовал о широком распространении

явлений двуязычия и многоязычия – более четверти респондентов владели тремя, четырьмя или пятью (русский, чукотский, эвенкский, юкагирский или якутский) языками [Там же. Л. 39–42].

Любопытными представляются наблюдения ученых о влиянии коллективизации на этнические процессы. В Нижнеколымском районе она привела, по их мнению, к интенсивному обмену культурными ценностями – восприятию чукотских приемов выпаса оленей юкагирами и эвенами, чукотской мужской одежды – русскими, эвенами, юкагирами и якутами, эвенской женской – чукчами и т.п. («Можно видеть эвена в чукотской кухне, якутских торбазах, эвенской шапке, в темных синих очках, едущего на нарте русского типа, запряженной собаками, при современных часах, бинокле и даже с китайским термосом в багаже») [Там же. Л. 40–41]. В Верхнеколымском районе исследователи установили, что последствиями коллективизации стали значительная утрата лесными юкагирами этнической самобытности, навыков традиционных занятий охотой и рыболовством, а также обезлюдение берегов рек Рассоха и Коркодон. Причинами этих явлений ученые назвали форсированное переселение промыслового населения в крупные поселки и переход к новым отраслям хозяйствования (животноводство, огородничество), значительно менее рентабельным в условиях Севера, чем традиционные промыслы [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 18–19].

Характеризуя состояние современного хозяйства юкагиров, участники экспедиции выявили такие изменения, как укрупнение стад оленей, строительство ряда инфраструктурных объектов (корали, страховые ледники), развитие инструментария рыболовов, в распоряжении которых появились моторные лодки, капроновые сети и неводы. Повседневный быт юкагиров, по наблюдениям исследователей, также претерпел изменения.

Так, «в стаде бригадира Явловского около яранги антенна, радиоприемник, кровати-раскладушки, зеркало, умывальник, эмалированная посуда. Сам Явловский ездил в Москву и приобрел не бусы, а детали к приемнику, чайную посуду, кое-что из одежды и т.д.». Ученых приятно удивили наличие в одной из бригад сахара, масла, галет, вареного мяса, соли и лепешек, знакомство местного населения с правилами банковских операций [Там же. Л. 22–25].

Вместе с тем было установлено, что в целом техника оленеводства и ведения охоты осталась

практически неизменной. «Бригады оленеводов, – отметил И.С. Гурвич, – постоянно кочуют, с ними передвигаются и члены их семей. Зимой перекочевки производятся один-два раза в месяц, весной – через 3–4 дня, летом – через день. Живут или в чумах, отапливаемых железной печкой, или в ярангах с пологими... спят они на шкурах, из материи у многих только подушки... Топят тальником, возят его за много километров, или возят с собою дрова. Освещаются чумы свечами. В этих жилищах температура резко колеблется... В охоте те же ловушки-пасти, которые объезжают на собаках» [Там же. Л. 23].

На основании полученных данных И.С. Гурвич подготовил докладную записку «О положении юкагиров, эвенов, чукчей, русских старожилов ряда районов Якутской АССР и Магаданской области», в которой нашли отражение сведения о численности этнических колхозов, их технической оснащенности, методах и важнейших проблемах ведения хозяйства (перегруженность крупных пастбищ при заброшенности более мелких участков, ошибки в содержании и разведении оленей, низкий уровень механизации, некорректные указания региональных органов власти, незначительный размер натуральных выдач в колхозах, тяжелое положение престарелых и нетрудоспособных граждан, недостаточное снабжение промышленной продукцией, неподходящие помещения для образовательных учреждений и др.), а также соответствующие рекомендации по повышению уровня жизни местного населения [Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 38. Л. 44–130].

Работы этнографического отряда в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах были посвящены изучению еще нескольких проблем. Так, в ходе бесед с местными жителями К.И. Горохов собрал сведения о родоплеменной принадлежности их предков, путях кочевий и расселении по старым административным единицам древних юкагирских родов [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 54–67]. М.Я. Жорницкая провела наблюдение за исполнением традиционных танцев и играми русских старожилов, юкагиров, эвенов и чукчей. Ученая составила их описание, сделала фотографии различных жанровых сцен, а также зафиксировала воспоминания информантов о существовавших ранее этнических танцах [Там же. Л. 73–89].

Важное место в работе экспедиции заняли физико-антропологические исследования, органи-

зованные И.М. Золотаревой. Они состояли, главным образом, в сборе соматологического и серологического* материала в Аллаиховском, Нижне- и Верхнеколымском районах.

В ходе изысканий было обследовано 159 юкагиров [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 30]. И.М. Золотарева произвела антропометрические замеры, выполнила наблюдения за особенностями строения и пигментации тела, а также собрала пробы крови для последующего лабораторного анализа. По итогам работы ученая составила характеристику строения лицевого скелета и мягких частей лица, цвета глаз, волос и кожи, роста участников исследования, распространенности у них определенных групп крови [Гоголев, Гурвич, Золотарева и др., 1975, с. 154–192; Золотарева, Башлай, 1968, с. 48–52].

Следует отметить, что ранее материалы о физическом типе юкагиров собирали только Д.Л. Иохельсон-Бродская в 1901–1902 гг. [см.: Иохельсон, 2005, с. 51–61] и участники экспедиции Охотско-Колымского краеведческого музея в верховья Колымы 1939 г. [Научный архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–4]. Исследования И.М. Золотаревой, опирающиеся на более современную методику и сильную эмпирическую базу, позволили ученой прийти к выводу, что юкагиры стоят особняком среди антропологических типов северо-востока России и относятся к байкальскому типу [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 50–53]. Данный вывод подтверждал концепцию происхождения юкагиров, сформулированную в начале 50-х гг. XX в. крупнейшим советским антропологом Г.Ф. Дебецом, и опровергал, таким образом, «американоидную» теорию, которой придерживался В.И. Иохельсон [Johelson, 1928, p. 44]. На настоящий момент антропологическая принадлежность юкагирского этноса к байкальскому типу в научном мире не вызывает сомнений.

Лингвистический отряд Юкагирской комплексной экспедиции был самым малочисленным и включал всего двух участников: Е.А. Крейновича и А.Н. Лаптева [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359. Л. 5].

Начальник отряда Е.А. Крейнович (1906–1985 гг.) являлся на тот момент не просто крупнейшим специалистом по юкагирскому языку, но и фактически единственным, кто углубленно занимался

его научным изучением в Советском Союзе. Именно языку юкагиров была посвящена кандидатская диссертация исследователя, успешно защищенная на Ученом совете Института языкознания АН СССР в 1949 г. При этом Е.А. Крейнович прекрасно разбирался также в нивхском и кетском языках; ему принадлежат работы «Фонетика нивхского языка», «Глагол кетского языка», «Нивхгу («Загадочные обитатели Сахалина и Амура»)». Остается только предполагать, сколько еще этот выдающийся ученый мог бы сделать для отечественной науки, не проведя почти 17 лет в колымских лагерях и енисейской ссылке [Роон, Сирина, 2003].

Незадолго до начала Юкагирской комплексной экспедиции Е.А. Крейнович опубликовал монографию «Юкагирский язык». Ее узким местом, по мнению самого автора, являлся недостаточный анализ морфологической структуры слова. В связи с этим в задачи лингвистического отряда входило восполнение названного пробела, а также сбор фольклорного материала и изучение диалектологических особенностей языка тундренных и лесных юкагиров.

Среди тундренных юкагиров исследования проводились с 3 мая по 27 июня в с. Колымское, среди лесных – с 1 июля по 19 августа в с. Нелемное. Всего было подробно опрошено семь информантов. Для облегчения проводившихся изысканий Е.А. Крейнович взял с собой в экспедицию копии рукописных словарей В.И. Иохельсона, которые хранились в Институте востоковедения АН СССР и включали около 4 тысяч карточек. Однако эти карточки, по признанию ученого, лишь принесли дополнительные трудности, т.к. «записи юкагирских слов и их перевод на русский язык часто требовали серьезных уточнений» и в итоге их проверка отняла очень много времени [Крейнович, 1982, с. 7].

Результаты проделанной в ходе экспедиции работы и последующего скрупулезного анализа собранных данных, которые Е.А. Крейнович аккумулировал в монографии «Исследования и материалы по юкагирскому языку», позволили ему установить целый ряд ключевых характеристик и особенностей синтаксиса, морфологического строя и фонетики юкагирского языка. Впервые в истории науки осуществив глубокий анализ

*Соматология – исследование антропологических признаков человеческого тела; серология – изучение различных свойств и особенностей крови.

грамматики двух диалектов тундренных и лесных юкагиров, Е.А. Крейнович отметил их значительные лексические расхождения, а также различия в звуковом строении и внутренней структуре целого ряда слов. Кроме того, исследователь осветил проблему генетической принадлежности юкагирского языка, основу которого он отнес к уральской языковой семье [Там же, с. 3–272].

Лаборант лингвистического отряда юкагир А.Н. Лаптев, помимо помощи Е.А. Крейновичу в сборе необходимого материала, также составил уникальную рукописную коллекцию из 80 фольклорных текстов – сказок, рассказов, легенд, преданий и загадок тундренных и лесных юкагиров, которая хранится сейчас в фондах Архива Якутского научного центра СО РАН [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. 36].

К исследованиям археологического отряда, наряду со штатными членами экспедиции З.В. Гоголевым и С.А. Федосеевой, были дополнительно привлечены топограф А.Г. Степанов и один рабочий [Там же. Д. 356. Л. 2].

Перед специалистами стояли две основные задачи: проведение археологической разведки и раскопки ранее выявленных исторических памятников (могильники, поселения) [Там же. Л. 1–2]. Отряд приступил к исследованиям позже всех – с июня, когда началась оттайка почвы. До этого момента С.А. Федосеева (фото 3) фактически работала как этнограф, собирая по заданию И.С. Гурвича сведения о традиционной хозяйственной деятельности, погребальном обряде, пище и обычаях местных жителей [Там же. Л. 2. Д. 359. Л. 103–142]. В течение экспедиции члены археологического отряда посетили Аллаиховский, Нижне- и Верхнеколымский районы. При этом специализированные археологические исследования ранее проводились только в последних двух – в 1946 г. на их территории работала Колымская экспедиция А.П. Окладникова, в Аллаиховском же районе подобные изыскания были организованы впервые.

В низовьях Колымы ученые выполнили реконструкционные исследования в окрестностях пунктов Колымское, Андриюшкино, Походск и Нижние Кресты, связанные, главным образом, с русскими поселениями XVII–XVIII вв. [Там же. Д. 356. Л. 8, 133–134]. Кроме того, в селах Андриюшкино и Походск участники отряда также ознакомились и зафиксировали современную технику обработки камня, используемую юкагирами и чукчами при изготовлении скребков [Там же. Л. 8, 133–134].

Фото 3. Юкагирская комплексная экспедиция. Вытаскивание на берег моторки (на снимке С.А. Федосеева). Снимок И.С. Гурвича, 1959 г. (Фотоархив ИЭА РАН. Оп. 362. Д. 44218).

В Аллаиховском районе археологи работали в конце июня – июле. Основной целью отряда здесь были поиски в окрестностях с. Полярное чандалов – древних деревянных жилищ-полуземлянок, известных по работам путешественников и исследователей XVIII – начала XX в. Принадлежность данных сооружений к какой-либо древней культуре на тот момент вызывала вопросы. Хотя автор широко известной книги «Старинные люди у холодного океана» В.М. Зензинов, не сомневаясь, назвал строителями чандалов древних юкагиров [Зензинов, 1914, с. 28].

Свою работу участники отряда начали с опроса местных жителей, который позволил выяснить места нахождения чандалов, а также существующие предания об обитателях данных жилищ и их материальной культуре. По сообщениям информантов, в сооружениях жили «дикие люди» (хотя мнение опрошенных не было единогласным, однако большинство назвало хозяевами чандалов предков юкагиров), питавшиеся мясом оленей. Орудия они изготавливали из камня и кости, использовали деревянную посуду, а одежду изготавливали из выделанных оленьих шкур. Погибли эти люди от голода, начавшегося из-за сокращения численности диких оленей [Гоголев, Гурвич, Золотарева и др., 1975, с. 86–90]. Сохранность чандалов опрошенные объясняли существовавшим поверьем о том, что прикасаться к ним великий грех [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 12].

По итогам опроса ученые приступили к обследованию сооружений. Им удалось обнаружить целые поселения, в которых насчитывалось до 40 чандалов, располагавшихся на возвышенностях по берегам мелких протоков. Такая диспозиция позволяла их жителям ловить рыбу достаточно примитивным инвентарем в период осеннего нереста, а к крупным рекам выходить лишь для «поколок» диких оленей. Исследователи произвели съемку местности, составили описание планировки обнаруженных поселений и конструкции чандалов [Там же. Л. 18–21]. Более полной картины, включающей сведения о материальной культуре хозяев этих сооружений, археологам составить не удалось – почва ко времени изысканий оттаяла на глубину всего 15 см, а ни запаса времени, ни необходимого для таких условий инвентаря у них не было [Гоголев, Гурвич, Золотарева и др., 1975, с. 92].

Основываясь на анализе исторических данных, рассказах местного населения и полученных при обследовании чандалов сведениях, ученые пришли к выводу, что в этих сооружениях проживали «пешие», т.е. оседлые юкагиры, упоминавшиеся в документах XVII в. и исчезнувшие ко времени заселения края русскими [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 11–14].

В Верхнеколымском районе исследователями была проведена археологическая разведка вблизи населенных пунктов Зырянка и Нелемное, а также по рекам Ясачная и Россоха. Здесь, как и в середине 40-х гг. XX в. в ходе исследований А.П. Окладникова, археологи не обнаружили следов древнейших культур человека. Одновременно в юкагирских погребениях у пос. Нелемное они собрали краниологический материал – несколько черепов для последующего анализа их строения и сравнения с другими северными народами Советского Союза и аборигенами Северной Америки [Там же. Л. 8–9].

Помимо рассмотренных выше работ, участники экспедиции произвели запись на аудионосители образцов юкагирской речи, юкагирских, чукотских и эвенских танцевальных напевов и песен; засняли на киноплёнку танцы, езду на оленях и собаках, процесс строительства чума, а также различные бытовые сцены из жизни местного населения [Научный архив ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39. Л. 46].

Примечательно, что ни до, ни после Юкагирской комплексной экспедиции в местах компактного проживания юкагиrow исследований подоб-

ного формата и масштабов с привлечением ведущих в стране специалистов не проводилось. Именно работам ее участников мы обязаны многим из современных представлений о юкагиrow, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности. Внимание ученых и к другим этническим группам позволило создать действительно широкую панораму жизни местного населения, которая нашла отражение в трех фундаментальных монографиях и десятках научных статей [Крейнович, 1982; Гоголев, Гурвич, Золотарева и др., 1975; Гурвич, 1966 и др.]. Экспедиция открыла большой научный путь И.М. Золотаревой, признанному впоследствии специалисту в области физической антропологии коренного населения Северной и Центральной Азии, М.Я. Жорницкой, ставшей крупнейшим специалистом по этнохореографии народов Севера, и С.А. Федосеевой, автору многочисленных археологических открытий на северо-востоке России.

Во многом благодаря Юкагирской комплексной экспедиции взошла звезда еще одного талантливого ученого – Г.Н. Курилова. В будущем первый доктор наук среди юкагиrow, автор нескольких фундаментальных монографий, юкагирско-русского словаря и учебных пособий, включая первый букварь на юкагирском языке, в 1960-е гг. он принимал активное участие в обработке лингвистических материалов, полученных экспедицией 1959 г., и сбором по заданию Е.А. Крейновича дополнительных данных по тундренному диалекту юкагиrow [Крейнович, 1982, с. 8].

Таким образом, рассмотренный период стал в значительной степени переломным в плане организации научного изучения юкагиrow. Если раньше исследования велись в основном силами ученых, специально приезжавших в Якутию для проведения экспедиционных работ, то в 50-е гг. XX в. они осуществлялись уже фактически на паритетных началах – в них принимали участие как сотрудники центральных академических учреждений, так и специалисты Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Именно этот институт являлся инициатором крупнейшей в истории изучения юкагиrow научной экспедиции. В последующем же, как было отмечено, он стал ведущим центром сосредоточения исследовательских усилий по различным проблемам юкагиrowедения. Отдельного упоминания, безусловно, заслуживает роль,

которую сыграл в подготовке и реализации рассмотренных инициатив выдающийся этнограф И.С. Гурвич, внесший огромный вклад в дело научного познания коренных народов Северо-Востока нашей страны.

Литература

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4.

Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М. и др. Юкагиры (историко-этнографический очерк). – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 276 с.

Гурвич И.С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 200–209.

Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – Т. 2, № 4. – С. 54–57.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914. – 134 с.

Золотарева И.М., Башлай А.Г. Серологические исследования в Якутии // Советская этнография. – 1968. – № 1.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 671 с.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 304 с.

Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций звенов и юкагиров Якутии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 1991. – 16 с.

Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. – Вып. 2. – М.: Вост. лит., 2003.

Стиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа // Советский Север. – 1930. – № 9. – С. 166–214.

Филиппова В.В. Динамика численности верхнеколымских юкагиров // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 347–349.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. – Новосибирск: Наука, 2007. – 176 с.

Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. – Новосибирск: Наука, 1994. – 281 с.

Johelson W. Peoples of Asiatic Russia. – New York: The American Museum of Natural History, 1928. – 280 p.

A.A. Suleymanov

The scientific study of the yukaghirs of Yakutia in 1950th

The history of realization of the most significant research of the 1950th devoted to the study of various problems of Yukaghirs life was considered in the article. In this regard, the key actors of this process were identify; the basic directions, results and geography of research were defined and illustrated. Changes in the organization of scientific study of Yukaghirs and the significance of the research for the formation of the modern scientific knowledge about this ethnic group were noted.

Keywords: arctic Indigenous peoples of the, yukaghirs, Yakutia, the Academy of Sciences of the USSR, Ilya S. Gurvich, research, scientific expeditions.

УДК 94:327:314(98)«19»

Д.А. Ширина, Т.П. Максимова

Арктика: коренные народы и международное сотрудничество 80–90-х годов XX века

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с участием коренных народов в формировании в Арктике международного сотрудничества 80–90-х гг. XX в. Приведены данные о расселении арктических этносов, представлены проблемы этих народов и попытки их разрешения, показаны эволюция международного законодательства и условия интеграции народов в сотрудничество.

Ключевые слова: Арктика, коренные народы, международное сотрудничество, международное законодательство.

© Д.А. Ширина, Т.П. Максимова, 2015

Издавна Арктика привлекала внимание как кладовая природных ресурсов, как объект научного изучения. Время от времени ареал становился театром военных действий. Постепенно общество осознало экологическое значение высоких широт Земли, равно как и роль Арктики в изменении климата на нашей планете. Стремясь открыть и изучить отдаленные территории, исследователи долгое время не обращали внимание на их постоянное население. Результатом, достижением международных научных инициатив к XIX – началу XX в. стало обобщение материалов и наблюдений об этносах Севера разных стран, которые были выделены и объединены в рамках концепции циркумполярной культуры. В XX в. коренные арктические народы сами стали одной из активных сил общественного развития.

Расселение коренных арктических народов

Хорошо известно, что арктические территории издавна заселены разноязычными этносами и являются средоточием значительного числа этнокультурных образований. Некоторые последние данные о них содержит энциклопедический справочник 2005 года издания – «Национальные парламенты мира». Согласно этому изданию, в Гренландии эскимосы составляют 88% населения (общее количество – 56 тыс. чел.). На территории Канады и США проживают эскимосы, индейцы, алеуты, причем среди населения Соединенных Штатов Америки на эскимосов и алеутов приходится 4,2% при населении 293 млн. чел., а в Канаде насчитывается 2% индейцев (население страны – 32,5 млн. чел.). Часть населения Норвегии, Швеции, Финляндии представлена саамами [Саидов, 2005, с. 83, 138, 209, 231, 550, 587]. В Финляндии проживают 5–6,5 тыс. саамов; 17–20 тыс. – в Швеции, 40–45 тыс. – в Норвегии [Джосефсен, 2003, с. 53]. Наибольшее число коренных арктических народов расселено по территории Российской Федерации. Автор одного из изданий 2005 г. Д.А. Додин [2005, с. 11, 13, 15–16, 30], относит к Арктической зоне России следующие территории: северную часть Республики Карелия; Мурманскую и Магаданскую области; Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Диксонский, Усть-Енисейский, Хатангский районы и города – Дудинка, Норильск, Игарка), Эвенкийский, Чукотский, Корякский автономные округа; районы Республики Саха (Якутия) – Анабарский, Бу-

лунский, Усть-Янский, Аллаиховский и Нижнеколымский. Используя сведения статистического бюллетеня «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера» на 2002 г. и «Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации» на 2006 г., привожу список народов, населяющих территории названных Д.А. Додин республик, автономных округов, областей: ненцы, эвенки, чукчи, эвены, долганы, нанайцы, орочи, тофалары, юкагиры, тувинцы, тоджинцы, кеты, нганасаны, саамы, селькупы, энцы, эскимосы, ханты, коряки, кумандинцы, алюторцы, вепсы, ижорцы, камчадалы, селькупы, чуванцы [Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, 2002, с. 26–31].

Проблемы и поиски их решений

Несмотря на специфичность истории, традиционных культур, хозяйственных укладов каждого из коренных арктических народов, различный опыт взаимодействия с политическими системами и социальными структурами, а также на разницу условий жизни и деятельности этносов в том или ином арктическом государстве следует отметить определенное сходство ситуаций, проблем и способов их разрешения.

С.Н. Харючи в докладах и выступлениях на отечественных и международных форумах (парламентские слушания Дании, сессия Союза саамов, международные конференции, Ямальские гуманитарные чтения, съезд Ассамблеи народов России, съезд общественно-политического движения «Наш дом – Россия») 1997–1999 гг. представил анализ проблем, вставших перед коренными малочисленными народами Севера Российской Федерации и их причин, а также свое видение выхода из кризисной ситуации. О значении этих этносов он сказал следующее: «...помощь этим народам нужна не столько потому, что они малочисленны, сколько в связи с тем, что речь идет о народах со своей исторической родиной – Арктикой, об уникальной самобытной культуре этносов, традиционном образе жизни и традиционных формах деятельности человека в экстремальных условиях и, в конечном счете, о сохранении жизни в Арктическом регионе мира» [Харючи, 1999, с. 8]. С промышленным освоением региона, интенсивным включением народов Севера в единую хозяйственную систему страны, в

ходе которых не были учтены исторические, культурные, психоэмоциональные особенности развития этносов, он связал утрату элементов традиционной и духовной культуры [Там же, с. 11]. Сокращение ресурсной базы традиционного природопользования, разрушение культурного наследия коренных этносов Севера РФ и традиционных отраслей хозяйства С.А. Долматова [2002, с. 321–322, 323, 327, 328, 329–330] объясняет политикой Советского государства в области идеологии, промышленным освоением Российского Севера и ядерными испытаниями. На Юконе (северо-запад Канады) последствиями массовой добычи золота с конца XIX в., организации интернатов в Вайтхорзе, Каркроссе, Лоуер-Посте в начале XX в., строительства аляскинской автодороги армией США (закончено в 1942 г.) стали загрязнение вод, исчезновение рыбы и истребление промысловых зверей, вырубка леса, разрушение семейных устоев и связей с традиционной культурой [Лиз, 2003, с. 97–98]. Открытие в 70-х гг. XX в. нефтегазовых месторождений и крупных залежей вольфрама, урана, золота, меди, свинца, цинка на арктических территориях Канады, ускоренные темпы развития горно-рудной промышленности на Юконе и Северо-Западных территориях сопровождались наступлением монополий и государства на традиционные районы охоты и рыболовства индейцев и эскимосов, лишением их традиционных источников существования и формированием ряда проблем. В.А. Тишков и Л.В. Кошелев [1982, с. 212, 213, 215, 216] сообщают, что у индейцев и эскимосов Канады самая короткая продолжительность жизни, самая высокая смертность, самый высокий уровень безработицы, самые низкие доходы; распространены болезни, алкоголизм. Из документа «Вместе сегодня для завтра наших детей» Братства коренных юконцев 1973 г.: «Многие из наших деревень абсолютно неразвиты. В них царит безработица, болезни, плохие жилищные и санитарно-гигиенические условия, почти нет или совсем нет социальных мероприятий, рекреации; дети бросают школы, люди попадают в тюрьмы, дети отсылаются в общежития и т.д.» [Лиз, 2003, с. 99]. Йенс Даль среди проблем коренного населения Гренландии называет алкоголизм, наркотики, насилие, самоубийства [Даль, 2003, с. 42]. О проблемах коренного населения приполярной Америки, сходных с проблемами населения Гренландии, сообщает С.А. Долматова [2002, с. 335]. На

причины сложившейся нелегкой для коренных малочисленных народов Арктики ситуации обратили внимание В.М. Котляков и Г.А. Агранат. Ученые пишут, что проблемы этих этносов являются скорее издержками общего хода цивилизации, нежели результатом недостатков существующей формации, либо действий властей. По их мнению, древним арктическим народам было «чрезвычайно трудно» приспособиться к жизнедеятельности в условиях, когда они оказались под давлением пришлых мощных этносов, которые находились на иной ступени развития [Котляков, Агранат, 1999, с. 5]. Поиски выхода из ситуации, в которой оказались коренные народы Арктики, оформились в реальные преобразования и ряд предложений. Например, в качестве одного из способов реализации прав коренных этносов было названо создание этноэкологического рефугиума (убежище) – особо охраняемой территории традиционного природопользования. Основной задачей формирования такой зоны должно было стать ограждение территорий хозяйственной деятельности коренных этносов Севера РФ от промышленного и коммерческого вторжения. В качестве примера рефугиума Долматова называет «Тхсаном», появившийся в 1998 г. в Тигильском районе Корякского автономного округа. Была высказана также идея создания на Севере «природно-духовного типа цивилизации» с целью реализации циркумполярных проектов, направленных, прежде всего, на сохранность окружающей природной среды, «единого массива естественных экосистем» [Долматова, 2002, с. 331, 333]. В Канаде прибегли к жесткому социально-экономическому регулированию. Так, например, в подготовке разрешений компаниям на строительство принимают участие представители коренного индейского населения, которое обладает преимущественным правом использования природных ресурсов. Поэтому компании часть средств направляют на социальное обеспечение индейских общин. Алмазные рудники в провинциях Северо-Западных территорий, Нунавут, Саскачеван представляют местному населению работу. Федеральное правительство Канады передало право на недра правительству провинции Нунавут, в связи с чем инуиты получили возможность контролировать более чем 350 тыс. км² земли, а их право на добычу полезных ископаемых распространяется на 36 тыс. км². По словам Д.А. Додина, то же самое собираются сделать в Северо-Западных тер-

риториях. Кроме того, федеральное правительство выделило провинции Нунавут миллиард канадских долларов на 14 лет [Додин, 2005, с. 21]. В Северо-Западных территориях Канады отрегулирована система поддержки правительством предпринимательства среди аборигенного населения; создаются новые рабочие места, повышается жизненный уровень жителей регионов; «идет бурное промышленное освоение месторождений алмазов и углеводородов». В.И. Сморчкова сообщает о ведущихся переговорах федерального правительства с правительством территорий о передаче последнему прав на недра, права заключения социально-экономических соглашений по добыче полезных ископаемых региона. Она же пишет о том, в Нунавуте эти права уже переданы правительству этой территории Канады [Сморчкова, 2003, с. 149, 153].

В Дании коренному населению Гренландии были предоставлены крытые бассейны, современные производственные цеха, школы, дома [Долматова, 2002, с. 335]. Особый интерес вызывает опыт зарубежных стран циркумполярного ареала в их движении к реальному плюрализму через создание системы представительства и самоуправления коренных народов. Ярким примером самоуправления стали введение в 1979 г. Домашнего правления в Гренландии, создание самского парламента в Финляндии (первые выборы состоялись в 1972 г.), начало работы саамского парламента в Швеции (его первая ассамблея была созвана в 1993 г.), деятельность саамского парламента в Норвегии (парламент был создан в 1989 г.) [Джосефсен, 2003, с. 63, 65, 67]. В.М. Котляков и Г.А. Агранат сообщают о неудачном принудительном переселении голодающих лабдорских эскимосов в район Канадского Арктического архипелага в 50–60-х гг. XIX в., о близких к реализации пагубных планах 60-х гг. сселения алеутов в крупные поселки, а также о том, что на территориях Зарубежного Севера широко используется государственная поддержка, как прямая в форме трансфертов и пособий, так и косвенная в виде налоговых льгот и региональных кредитных фондов. На Аляске, например, кредитный фонд составил 15–16 млрд. долларов при населении 600 тыс. чел.; в северной части Канады из федеральной казны местные бюджеты обеспечиваются на 60–70%; правительство Дании непрерывно увеличивает трансферты в Гренландию, расходы на содержание оленеводства в Нор-

вегии на 70% восполняются центральным правительством; правительства США, Канады, Норвегии, Швеции, Финляндии, которые «неохотно создают этнические автономии в своих северных владениях», широко используют практику договоров с коренным населением, предоставляя ему «определенные, не столь уж широкие» права контроля над природными ресурсами [Котляков, Агранат, 1999, с. 5].

Несмотря, на предпринятые и предпринимаемые меры, проблемы остаются. Д.А. Додин [2005, с. 21], В.И. Сморчкова отмечают трудности адаптации коренных народов к требованиям современной цивилизации. «Именно коренные народы, – пишет Сморчкова, – испытывают наиболее сильный шок от ее воздействия» [Сморчкова, 2003, с. 135]. Специфические культуры и системы адаптации, выработанные этими этносами в экстремальных условиях, по ее словам, «не могут быть приспособлены к требованиям эффективного рыночного хозяйствования». С.А. Долматова [2002, с. 325] замечает, что традиционный уклад «является основным источником существования, смыслом жизнедеятельности и способом формирования культуры аборигенных народов». К. Вессендорф [2003, с. 17–18, 22–24] среди проблем самоуправления арктических коренных народов называет необходимость правильного подхода к выработке соглашения о самоуправлении, дефицит местных кадров, финансовую сторону переговорного процесса по самоуправлению. Э. Джосефсен [2003, с. 54] пишет о том, что в Швеции саамы не признаны по закону коренным народом этой страны, что в Финляндии, где они признаны коренной народностью и где принят закон о саамском парламенте, предполагается, что народ должен получить «гарантированную культурную автономию внутри района своего проживания». К. Вессендорф заключает: «Даже в таких государствах, как Скандинавские страны, широко известных своими гуманистическими подходами, многонациональной политикой и вниманием к обеспечению равенства прав каждого гражданина, коренные народы обнаруживают себя на краю политической жизни...» [Вессендорф, 2003, с. 17–18].

Однако наиболее действенное и последовательное разрешение проблем коренных арктических народов связано с участием самих этносов в политическом процессе. Начинается этот процесс в различных странах по-разному и в разное вре-

мя. Временем же подъема политической активности народов, направленной против идеологии патернализма и ассимиляции, на достижение равноправного партнерства в рамках того или иного государства при сохранении этнической самобытности, стала вторая половина XX в.

Примером цивилизованной последовательной борьбы за собственный путь развития, за самоуправление и независимость, за сохранность своей культуры и языка являются гренландцы. Их первый опыт участия в политическом процессе связан с формированием и деятельностью политических структур второй половины XIX – начала XX в. (окружные и муниципальные советы). В последующее время по причине межэтнического напряжения состоялись протестные выступления гренландцев в Провинциальном Совете и Датском парламенте. Согласно конституции 1953 г. Гренландия обрела статус отдельного региона, находящегося в подчинении Дании. Начало 70-х гг. прошлого века ознаменовалось ростом политической активности народа. В 1971 г. Мозес Ольсен, один из представителей нового поколения молодых политиков, был избран в парламент Дании. Самостоятельность проявило коренное население острова во время референдума 1972 г., проголосовав против присоединения к Европейскому союзу (ЕС), по сути – против любого иностранного правления. В ответ на то, что большинство населения Дании проголосовало за членство в ЕС, гренландцы выступили с требованиями о большей автономии Гренландии. Результатом четырехлетних переговоров, проводившихся датско-гренландской комиссией, стало введение на острове в 1979 г. Домашнего правления, при котором власть постепенно передавалась гренландским органам самоуправления, в ведение которых поступали вопросы образования, экономики, культуры и т.д. Так, Гренландия стала самоуправляющимся регионом в составе Королевства Дании. Свидетельством продолжающейся борьбы гренландцев за независимость является создание в 1999 г. Комиссии по самоуправлению, которая должна была выявить возможности расширения автономии Гренландии [Даль, 2003, с. 27, 31–36, 42–46].

Открытие нефти и газа, пресс индустриализации, угроза окружающей среде и традиционному природопользованию стали причинами роста политического сознания инуитов (эскимосы) Канады. В 1969 г. они сформировали первую политическую организацию – «Комитет по правам ту-

земных народов» (с 1971 г. – Ассоциация инуитов «Инуит Тапирисат Канады»), целью которой стали сохранение традиционной культуры и языка, укрепление единства народа, его социальное и экономическое развитие. Требования, протесты, споры, переговоры инуитов, а также индейцев нишга и кри, инувиалуитов, касающиеся их земельных прав, компенсаций за землю, уступленную промышленникам и федеральному правительству, выплаты денег и предоставления льготных лимитов на охоту и рыбную ловлю, разрешились положительно. Значительную роль в этом сыграли политические организации. Среди них уже упоминавшаяся «Инуит Тапирисат Канады» (ИТК), независимые организации, которые возникли на ее базе, в том числе Тунгавикская федерация Нунавут, Нация дэнов (первоначально Братство индейцев Северо-Западных территорий). ИТК и Нация дэнов играют центральную роль в переговорах коренного населения с федеральным правительством, участвуют в разработке проектов и программ, связанных с загрязнением арктических экосистем, охраной окружающей среды, восстановлением морского зверобойного промысла и охраной диких оленей, решением вопросов образования и здравоохранения [Беликович, 1995, с. 43, 44, 47, 54, 59, 62]. Борьба коренных народов Юкона за равноправное положение в составе канадского общества при сохранении своей этнической самоидентификации, начатая в конце 60-х гг. XX в., их земельные требования завершились законами о разрешении земельных требований Первых наций Юкона и их самоуправлений. Благодаря последнему в начале XXI в. восемь из 14 Первых наций имели действующие соглашения о самоуправлении [Лиз, 2003, с. 95, 96]. В апреле 1999 г. инуиты Канады (эскимосы), населяющие арктические острова и часть континентальных тундр, получили территориальную автономию Нунавут (занимает одну пятую площади всей Канады).

Вторая половина XX в. стала временем активного участия в политическом процессе и для коренных народов Аляски. Его начало было связано с земельными требованиями аляскинцев. Начавшееся в 1960 г. движение сопровождалось возникновением ассоциаций коренного населения, позднее занимавшихся и социальными вопросами (здравоохранение, образование, право). В 1966 г. появилась первая политическая организация коренного населения территории – Аля-

скинская федерация коренных народов, специально занимавшаяся проблемой удовлетворения земельных требований. Результатом ее деятельности и региональных ассоциаций стал первый законопроект, представленный в Конгресс США, который в свою очередь в 1971 г. принял Акт по разрешению земельных требований коренных жителей Аляски. За утраченные земли предлагалось передать народам 44 млн. акров земли и компенсацию в 962,5 млн. долларов. Для получения права на землю и денег региональным корпорациям предписывалось создать коммерческие корпорации. Эти корпорации, став крупными частными собственниками земли и располагая финансами, явились значительными политическими структурами для администрации штата и федерального правительства. Вышеупомянутый Акт Конгресса США, отделив собственность на землю от общинных органов самоуправления на Аляске и передав право на землю коммерческим корпорациям, одновременно отменил права коренных народов на охоту и рыбные промыслы, что и определило движение населения за традиционные виды природопользования. Те же, кто был заинтересован в сохранении и усилении общинных прав, в 1983 г. инициировали создание организации Объединенные общины Аляски (позднее – Коалиции коренных аляскинцев). А в 1992 г. возникла организация Межобщинный совет Аляски, который уделяет особое внимание отстаиванию прав коренного населения на охоту и рыбный промысел [Пуллар, 2003, с. 82–86, 90–91].

Окончание Второй мировой войны явилось началом нового витка политического движения саамов Скандинавии, которые стали инициаторами создания саамских организаций, отстаивающих права и интересы народа. В 40-е гг. XX в. были организованы в Финляндии – Sami Litto (Союз саамов, 1945 г.), в Швеции – Same Atnam (национальная Ассоциация Самиланд, 1945 г.). В 1947 г. на совместном заседании Lapin Sivistyseura (Общество по развитию культуры саамов) и Sami Litto был принят меморандум, в котором названы меры, необходимые со стороны финских властей в интересах будущего саамов, а в 1948 г. появилась Ассоциация саамских оленеводов Норвегии. Организация Национальный союз шведских саамов, отражающая интересы оленеводов, была создана в 1950 г. Начали действовать Шведская ассоциация саамской молодежи (1963 г.), Национальная ассоциация норвеж-

ских саамов (1968 г.), Норвежский саамский союз (1969 г.), Шведский союз саамов (1980 г.). Определенным результатом работы этих структур, борьбы коренного народа за коллективные права, за реализацию прав на землю и водные ресурсы, за сохранность своего языка и своей культуры, за признание за ним статуса коренного народа стало создание органов самоуправления в форме саамских парламентов в Финляндии (декрет кабинета министров страны о создании Саамской делегации издан в 1973 г.), в Норвегии (созван в 1989 г.), в Швеции (закон о саамском парламенте был принят шведским правительством, а первая ассамблея парламента состоялась в 1993 г.). Работа парламентов, участие в выборах (голосование, выдвижение кандидатов), деятельность в администрациях позволяют саамам играть заметную роль в политическом процессе [Джосефсен, 2003, с. 53, 54, 57, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 71–72].

В России система самоуправления, традиции коренных народов Севера были разрушены в советское время. Участие этих этносов в политическом процессе, их единение, движение в защиту своих прав и интересов заметно активизировались в последние десятилетия XX в. В 1989 г. были созданы Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй» и Совет возрождения культуры ительменской народности «Тхсаном» (в настоящее время – Совет ительменов Камчатки «Тхсаном»). В стране появились новые модели самоуправления и представительство в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Ненецком автономных округах. В них, а также в Якутии, Хабаровском и Приморском краях, в Корякском автономном округе разработаны региональные законы и нормативные акты о местном самоуправлении; о земле и регулировании земельных отношений; о недрах и особо охраняемых территориях; об оленеводстве, рыбном хозяйстве и рыболовстве, о правовых гарантиях и общинах, что свидетельствует о постепенном формировании правового поля для коренных малочисленных народов Севера России. Кроме того, созданы Мурманское отделение коренных малочисленных народов, общественная организация саамов Мурманской области, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Свердловской области и ее отделение в Карелии (объединяет вепсов). Сформированы и действуют на федеральном уровне Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока во главе с ярким лидером,

одним из основоположников движения этих этносов – С.Н. Харючи; Союз оленеводческих народов; Союз морских зверобоев; Дальневосточный союз ассоциаций коренных малочисленных народов Севера. Рассматриваются вопрос об образовании Парламента коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, предложения о создании института полномочного представителя на федеральном уровне для координации работы различных структур, занимающихся проблемами коренных малочисленных народов, и общественного экспертного Совета по этим вопросам при Совете Государственной думы РФ. Основой партнерских отношений между государственными, а также местными органами и самими народами, по словам Харючи, должны стать восстановление институтов самоуправления коренных малочисленных народов Севера, признание их прав на собственность, владение и распоряжение землей, ресурсами, естественными богатствами территорий проживания [Харючи, 1999, с. 16–17, 92–93; Мурашко, 2003, с. 5, 8; Запороцкий, 2003, с. 140]. Но усилия по вовлечению коренных малочисленных народов России в политический процесс, по словам В.А. Кряжкова [2003, с. 12], лишены системности и носят фрагментарный характер.

Результатом участия коренных народов арктических стран в политическом процессе стали формирование самостоятельных территорий проживания коренного населения, расширение их прав, создание национальных политических структур и органов самоуправления. Все это свидетельствует о переменах в политических системах государств, о новой политике взаимоотношений между федеративной властью и народами, о новом подходе к развитию Севера, учитывающем интересы последних и потому способствующем устойчивому развитию ареала. В условиях глобализации процессов, связанных с интенсивным развитием мировой экономики и эксплуатацией биологических и минеральных ресурсов, особое значение приобретает самоуправление, которое позволяет улучшить управление отдельными территориями, учесть интересы местных жителей, осуществлять контроль над состоянием земли и за природными богатствами. Позитивное разрешение ряда проблем в интересах коренных народов способствовало дальнейшему росту их политической активности, в том числе и на международной арене.

Изучая историю, освещая современное положение и проблемы коренных народов Арктики, исследователи и общественные деятели все чаще обращаются к международному законодательству. Так, С.Н. Харючи отмечает, что Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ помогает этносам в осуществлении их «прав на самоуправление в соответствии с международными стандартами». Считая проблему земли ключевой для народов, «живущих рыболовством, охотой, оленеводством, собирательством» («без нее (земли. – Д.Ш.) аборигены обречены на исчезновение или, в лучшем случае, на утрату своей самобытной культуры»), Харючи напоминает о международных документах: Пакте «Об экономических, социальных и культурных правах» и Конвенции №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», содержащих положения о правах, в том числе коренных этносов, на природные богатства и ресурсы [Харючи, 1999, с. 5, 40, 41, 47]. Джосефсен, отмечая, что основой национальной политики длительное время в Скандинавских странах была идеология и методология ассимиляции саамов, когда культура, язык, способы ведения хозяйства рассматривались как препятствия на пути образования единого государства, выделяет Конвенцию ООН 1948 г. по правам человека, которая, по ее словам, способствовала распространению принципов равенства, признанию прав всех граждан в Скандинавии [Джосефсен, 2003, с. 54, 59, 65]. Особое внимание авторы статей уделяют вопросу о ратификации Конвенции МОТ №169 в той или иной стране. Джосефсен, например, сообщает о ратифицированности документа в 1990 г. в Норвегии и о том, что в Швеции требование саамов о его ратификации «все еще рассматривается». О. Мурашко и П. Павлов [2003, с. 131, 134] пишут о невыполнении и забвении указа президента нашей страны и ратификации Конвенции Российской Федерацией. Павлов отмечает, что защита прав малочисленных коренных народов предусмотрена многими авторами международного права [2003, с. 129–195].

Эволюция международного права

Попытаемся восстановить представление о становлении и эволюции международного права в части, имеющей отношение к коренным народам,

учитывая, что деятельность различных международных структур и развитие международного законодательства стали одним из условий, способствовавших вовлечению коренных этносов Арктики в международное сотрудничество. В связи с этим рассмотрим некоторые события и международные документы XX столетия. В 1919 г. при Лиге Наций была создана автономная Международная организация труда (МОТ), целью деятельности которой было изучение и улучшение условий труда и жизни трудящегося населения. Начав с исследования принудительного труда «туземцев» колоний, организация разработала Конвенцию 1930 г. о принудительном труде и тем самым положила начало формированию представлений о нормах права и деятельности колониальной рабочей силы [см.: Конвенция о коренных народах..., 1996 с. 48]. По окончании Второй мировой войны в 1945 г. была создана международная Организация Объединенных Наций (ООН), провозгласившая 55-й статьей своего «Устава» содействие «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В этом же документе (статья 1) международное сотрудничество признано инструментом для решения различных международных проблем в экономике, культуре, социальном развитии и в «поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (Устав ООН). В декабре 1948 г. на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека», в которой предусматривалось право каждого человека на все права и все свободы, невзирая на расу, цвет кожи, пол, язык, религию, убеждения, национальное либо социальное происхождение, имущественное или сословное положение, а также политический, правовой, международный статус страны, равно как и положение территории проживания (независимая, подопечная, самоуправляющаяся) [Всеобщая декларация прав человека, 2006, с. 16]. Спустя 9 лет МОТ совместно с различными структурами ООН был разработан текст новой Конституции, теперь уже «о коренном и другом населении, ведущем племенной образ жизни». Документ содержал положения о правах этой части общества на землю, условия труда, здравоохранение и образование. Конвенция стала первой попыткой кодификации прав коренного населения и населения, ведущего племенной об-

раз жизни, в международном праве; первой попыткой урегулировать на международном уровне условия его труда и жизни. Особо следует отметить, что Конвенция МОТ 1957 г. связывала будущее коренного населения и населения, ведущего племенной образ жизни, исключительно с их интеграцией в более крупное общество, а их развитие рассматривалось как дело государства. Конец 50-х – 60-е гг. XX столетия стали временем интенсивной работы международных организаций, направленной против различных форм дискриминации. Об этом свидетельствуют «Конвенция Международной организации труда №111 о дискриминации в области труда и занятий» (Женева, 25 июня 1958 г.); «Конвенция о дискриминации в области найма и труда» (утверждена МОТ в 1958 г.); «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования» (Париж, 14 декабря 1960 г.); «Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации» от 20 ноября 1963 г. [Права национальных меньшинств..., 2006, с. 19–20, 48–57, 75–80].

Основываясь на этих документах, а также принимая во внимание Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека и Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. (резолюция 1514 Генеральной Ассамблеи), уполномоченные правительств различных стран, входящих в ООН, 21 декабря 1965 г. в Нью-Йорке подписали «Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации».

Годом позже в Нью-Йорке были приняты документы, тексты которых свидетельствуют о разработке международным сообществом положений о правах народов на самоопределение, на свободное установление своего политического статуса и обеспечение своего экономического, социального, культурного развития. В связи с этим оба пакта содержали раздел о свободном распоряжении всеми народами своими естественными богатствами и ресурсами «без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права» [Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 2006, с. 38; Международный пакт о гражданских и политических правах, 2006, с. 40]. В августе 1975 г. в Хельсинки состоялось совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. В за-

ключительном документе этого совещания есть специальный раздел «Равноправие и права народов распоряжаться своей судьбой». Кроме того, государства-участники заявили о своем уважении национальных меньшинств, о признании прав лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом. «Уважение прав человека, его основных свобод, – читаем в тексте этого документа, – является существенным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между ними, как между всеми государствами» [Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2006, с. 147]. В связи с осознанием коренными народами своих прав, усилением их деятельности на международной арене эксперты МОТ в 1986 г. рекомендовали пересмотреть Конвенцию 1957 г. Особого внимания требовали разделы этого документа, отражавшие патерналистский и интеграционный подход к проблеме. В течение 1988–1989 гг. представители МОТ, ООН, Всемирной организации здравоохранения, Межамериканского института по вопросам индейского населения, учитывая развитие международного права, а также изменения, происшедшие в положении коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, провели работу по частичному пересмотру Конвенции 1957 г. В 1989 г. была ратифицирована Конвенция МОТ №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни». В основу этого документа был положен принципиально новый подход, предполагавший постоянство этих этносов и предусматривавший «ликвидацию ориентации на ассимиляцию». В новой Конвенции акцентировалось стремление коренных этносов к осуществлению контроля над собственными институтами, образом жизни и развитием, к сохранению и развитию самобытности, языка и религии. Со своей стороны сообщество признавало вклад этих народов в культурное разнообразие мира, социальную и экономическую гармонию человечества и в международное сотрудничество. Учитывая значение традиционных видов деятельности, с одной стороны, и невозможность порой пользоваться правами человека, разрушение самобытного образа жизни, с другой, права коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, на самоидентификацию, на выбор приоритетов, на участие в принятии решений

на всех уровнях, на сохранность своих обычаев и институтов вводились Конвенцией №169 в международное право. Специальный раздел Конвенции №169 называется «Международные контакты и сотрудничество». В этой части документа подчеркнута целесообразность разработки мер, способствующих международным контактам и международному сотрудничеству и осуществляемых коренными этносами в различных сферах жизни и деятельности (экономика, социальное, культурное и духовное развитие, охрана окружающей среды) [Конвенция о коренных народах..., 1996, с. 35–39]. В 90-х гг. XX столетия работа сообщества по вопросу о правах коренных народов была дополнена разработкой международных документов о национальных, религиозных, языковых меньшинствах. Участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе отметили, что удовлетворительное решение вопросов, касающихся национальных меньшинств, возможно лишь «в демократических политических рамках, основанных на верховенстве закона», в условиях деятельности независимой судебной системы. Одновременно в «Документе Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ» были конкретизированы права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам: свободное пользование родным языком; создание собственных образовательных, культурных, религиозных учреждений, организаций, ассоциаций; исповедывание своей религии и др. Особое внимание было уделено возможности обучения родному языку и его использованию в государственных органах [Документ Копенгагенского..., 2006, с. 154–157]. В ноябре, затем в декабре 1992 г. Генеральная Ассамблея ООН и государства – члены Совета Европы приняли соответственно «Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» и «Европейскую хартию о региональных языках и языках меньшинств». В документах национальные и религиозные меньшинства признаны неотъемлемой частью современной цивилизации, отмечено, что защита исторических региональных языков и языков меньшинств «способствует сохранению и развитию культурных традиций и культурного достояния Европы» [Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным..., 2006, с. 42–47; Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств, 2006, с. 121–139]. Всемирная

конференция по правам человека, которая состоялась в 1993 г. в Вене, в своей «Декларации» констатировала признание достоинства коренных народов, их уникального вклада в мировое развитие и обеспечение плюрализма [Венская декларация и программа действий, 2006, с. 102]. В 1995 г. Совет Европы заявил о том, что защита национальных меньшинств является неперемнной составляющей международного сотрудничества. Выражая позитивное отношение к ранее принятым международным документам, относящимся к правам национальных меньшинств, государства – члены Совета Европы отметили связь «потрясений, имевших место в европейской истории», с необходимостью защиты национальных меньшинств для поддержания стабильности, мира и «демократической безопасности». Культурное разнообразие, согласно тексту принятой в 1995 г. Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств [2006, с. 107–120], было необходимо для «создания обстановки терпимости и диалога».

Международное сотрудничество

Об эволюции мышления международного общества свидетельствуют и некоторые изменения в структуре и деятельности международных центров, а также особое внимание к коренным народам Арктики и их участию в международном сотрудничестве. В составе ООН работает Экономический и социальный совет, непосредственно связанный с коренными этносами различных континентов. Важным представляется и создание в 1982 г. рабочей группы по коренному населению (экспертная группа ООН при Совете) для разработки Всеобщей декларации прав коренных народов и изучения политики различных государств в отношении прав человека. Следует также отметить, что 12 организаций коренных народов имеют в Совете консультативный статус, среди них: Инуитская полярная конференция, Совет саами, индейские организации. Специальный раздел (Принцип 22) Декларации, принятой на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г., посвящен коренным народам, их общинам и местному населению. Подтверждение значения этой части общества, их знаний и традиционной практики в рациональном использовании и улучшении окружающей среды сопровождалось положением о том, что государства должны признавать и поддерживать самобытность, культуру, интересы

этих народов, «обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития» [Декларация Рио-де-Жанейро..., 1996, с. 135–138]. В июне 1991 г. в Рованиеми встретились министры охраны окружающей среды всех восьми арктических государств; тогда же был разработан текст Декларации о защите окружающей среды Арктики. Важными положениями принятой Декларации стали признание «особых отношений коренных народов и местного населения с природой Арктики», их «уникального вклада в окружающую среду»; решение о развитии сотрудничества с этой частью населения ареала и приглашение их представителей на свои заседания. Положение Декларации, принятой в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, о жизненно важной роли коренных народов в отношениях с природой («в силу их знания и традиционной практики»), было подтверждено на заседании министров стран Арктики в Нууке 16 сентября 1993 г. [Декларация об окружающей среде и развитии в Арктике, 1996, с. 180, 181]. В том же году было положено начало международному сотрудничеству в Баренцевом регионе, когда в Киркинесе (Норвегия) встретились представители Норвегии, Швеции, Финляндии, России, Исландии, Дании, Европейского Союза, Союза саамов, подписавшие Киркинесскую декларацию. Охватив территории севера Норвегии, Швеции, Финляндии, Мурманскую и Архангельскую области, Республику Карелия и Ненецкий автономный округ Российской Федерации, сотрудничество распространилось и на коренное население этих территорий – ненцев, вепсов, саами, коми, карелов. В Киркинесской декларации министры иностранных дел стран-участниц гарантировали, что международное сотрудничество в регионе Баренцева моря будет учитывать интересы коренных этносов в соответствии с документами, принятыми на международной конференции в Рио-де-Жанейро. С 1995 г. стала работать на постоянной основе Региональная рабочая группа по вопросам коренных народов в Баренцевом регионе, получившая статус консультационного органа при Региональном и Баренцевом советах. В 1996 г. в Нууке была разработана «Декларация об окружающей среде и развитии в Арктике». 7-й и 8-й разделы Декларации свидетельствуют об интеграции коренных арктических народов в процесс международного сотрудничества в Арктике в рамках Арктической стратегии защиты окружающей среды. Высоко оценив появление Секретари-

ата коренных народностей, успех семинара по интеграции знаний коренных народностей и его «полезные рекомендации», министры арктических стран квалифицировали эти события как «основной компонент АЕПС» (Арктическая стратегия защиты окружающей среды), т.е. как основную составляющую Стратегии – международной инициативы, начало которой было положено в Рованиеми в 1991 г. Одновременно авторы Декларации выразили благодарность правительствам Дании и Исландии за поддержку деятельности коренного населения. Известно, что Секретариат работает на базе Датского управления по делам Гренландии и финансируется Данией, а упомянутый семинар состоялся в Исландии. Подчеркивая важность коренных этносов, их знаний для Арктической стратегии защиты окружающей среды и ее программ, авторы Декларации призвали организации коренных народностей к активному участию в этом процессе, подтвердили право всех коренных этносов Арктики на представительство в Стратегии [Декларация об окружающей среде и развитии в Арктике, 1996, с. 190].

Особое и значительное место в разработке документов об участии коренных этносов Арктики в международном сотрудничестве занимает «Декларация об учреждении Арктического совета» 1996 г. Появление этого документа стало одним из результатов работы в Оттаве представителей правительств арктических государств. Подчеркивая необходимость международного сотрудничества в полярной зоне, они предлагали обеспечить «активные консультации» с этой частью арктического населения и «полное» привлечение его к сотрудничеству. Было заявлено о том, что объединения коренных арктических этносов: Приполярная конференция инуитов, Совет саами, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, внесшие «существенный вклад», оказавшие поддержку «в деле создания» Арктического совета, становятся его «постоянными участниками» [Декларация об учреждении Арктического совета, 2006, с. 103–105]. В 90-х гг. XX в. появился Арктический саммит – значительное достижение арктических этносов, создавших собственный постоянно действующий форум, на котором рассматриваются разнообразные вопросы жизнедеятельности этих народов и который способствует развитию международного сотрудничества в Арктике. Отличительные

черты саммита – международный уровень деятельности и определение направленности последней исключительно на представителей коренных арктических народов.

Участие коренных арктических народов в работе международных организаций, в том числе на собственном форуме, заметно усиливает их позиции; способствует консолидации этой части населения; позволяет совместно с представителями различных государств решать важнейшие вопросы развития Арктики (свидетельства этого программы: Арктическая программа мониторинга и оценки, Защита морской среды Арктики, Программа предотвращения, готовности и быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации, Консервация (сохранение) арктической флоры и фауны и др.). Необходимо также отметить, что у коренных народов появилась возможность привлечь внимание мировой общественности к проблемам своей жизнедеятельности, продолжить на международном уровне борьбу за свои права и выживание в желаемой ими форме.

Заключение

Одной из особенностей международного сотрудничества в Арктике последних десятилетий XX в. является становление коренных народов северных территорий в качестве значительной силы этого процесса. Об этом свидетельствуют работа Комитета по делам коренных народов Баренцева региона; введение представителей коренного населения Севера в состав рабочих групп в рамках процесса Рованиеми и их активное разнообразное, порой определяющее участие в Стратегии сохранения окружающей среды; участие в создании и работе Арктического совета; создание и деятельность постоянно действующего форума коренных этносов – Арктического саммита (Арктическая встреча на высшем уровне); включение положений об арктическом коренном населении, традиционных культурах, традиционном знании народов Арктики в тексты международных документов (Декларации Рованиеми, Нуука). Условиями интеграции коренных арктических народов в международное сотрудничество в ареале стали успехи национальных движений (появление и деятельность общественных неправительственных организаций; работа структур, представляющих интересы народов на государственном уровне); обращение междуна-

родного сообщества к вопросам состояния окружающей среды, являющейся материальной основой жизнедеятельности этих этносов; выработка международных стандартов в области прав человека и эволюция международного законодательства о правах национальных меньшинств, коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни.

Литература и источники

Беликович А.В. Арктика: земля и люди. Анализ национальной земельной политики северных федераций. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995.

Вессендорф К. Участие коренных народов в государственной политике: предисловие к анализу ситуаций в разных странах // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: сб. матер. Межд. круглого стола 12–13 марта 2003 г. – М., 2003.

Венская декларация и программа действий (извлечение) // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. – М.: Экзамен, 2006. – С. 102.

Всеобщая декларация прав человека (извлечение) // Там же. – С. 16.

Даль Й. Гренландский вариант самоуправления // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: сб. матер. Межд. круглого стола 12–13 марта 2003 г. – М., 2003.

Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. – М.: Экзамен, 2006.

Декларация об учреждении Арктического совета // Там же.

Декларация об окружающей среде и развитии в Арктике (Нуук, 16 сентября 1993 г.) // Arctic Leaders' Summit II. Вторая Арктическая встреча на высшем уровне. – Copenhagen K: Arctic information, 1996.

Декларация об окружающей среде и развитии в Арктике. Нуук, 21 марта 1996 г. // Там же.

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. 1996 // Международное публичное право: сб. док. – Т. 2. – М.: БЕК, 1996. – С. 135–138.

Джосефсен Э. Прямые и не прямые каналы воздействия: саамы и государственные парламенты // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: сб. матер. Межд. круглого стола 12–13 марта 2003 г. – М., 2003.

Додин Д.А. Устойчивое развитие Арктики. Проблемы и перспективы. – СПб: Наука, 2005.

Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ (извлечение) // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. – М.: Экзамен, 2006. – С. 152–160.

Долматова С.А. Малочисленные коренные народы: сохранение и этнокультурное развитие // Арктика: интересы России и международные условия их реализации. – М.: Наука, 2002. – С. 315–337.

Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. – М.: Экзамен, 2006.

Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (извлечение) // Там же.

Запороцкий О. Совет ительменов Камчатки «Тхсаном» // Мир коренных народов. Живая Арктика: Альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – 2003. – №14.

Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах // Коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни: Руководство по Конвенции МОТ №169. – Женева: Межд. бюро труда, 1996. – С. 35–45.

Котляков В.М., Агранат Г.А. Российский Север – край больших возможностей // Вестник РАН. – 1999. – Т. 69 (№1).

Кряжков В. Участие коренных малочисленных народов Севера в политическом процессе: российская реальность и зарубежный опыт // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: сб. матер. Межд. круглого стола 12–13 марта 2003 г. – М., 2003.

Лиз Д.С. Самоуправление на Юконе // Там же.

Международный пакт о гражданских и политических правах (извлечение) // Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: сб. док. – М.: Экзамен, 2006. – С. 40–41.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (извлечение) // Там же.

Мурашко О. Международный круглый стол «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт: сб. матер. Межд. круглого стола 12–13 марта 2003 г. – М., 2003.

Павлов П. Международное право и реформирование законодательства Российской Федерации о коренных малочисленных народах // Там же.

Пуллер Г.Л. Самоуправление коренных народов и политические институты на Аляске // Там же.

Права национальных меньшинств. Народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: сб. док. – М.: Экзамен, 2006.

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: сб. док. – М.: Экзамен, 2006.

Саидов А.Х. Национальные парламенты мира. Энциклопедический справочник. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 699 с.

Сморчкова В.И. Арктика: регион мира и глобального сотрудничества. – М.: Изд-во Российской Академии гос. службы при президенте РФ, 2003. – 246 с.

Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. – М.: Мысль, 1982. – 268 с.

Устав ООН // URL:www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm.

Харьючи С.Н. Современные проблемы коренных народов Севера (Доклады и выступления). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. – 104 с.

Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. Статистический бюллетень. – М.: Гос. комитет РФ по статистике и Гл. межрегион. центр обработки и распростр. стат. информации, 2002. – 229 с.

D.A. Shirina, T.P. Maksimova

Arctic: indigenous peoples and international cooperation

The article considers issues related to participation of indigenous peoples in international cooperation in the Arctic in 1980's-1990's. We show data about the resettlement of arctic ethnoses, present problems of these peoples and attempts at their resolution, show the evolution of international legislation and conditions of integration of ethnoses into cooperation.

Keywords: Arctic, indigenous peoples, international cooperation, international legislation.

Н.И. Иванова

Социопсихолингвистический портрет редактора и ведущего НВК «Саха»: результаты мониторинга 2012–2013 гг.

В статье приводятся результаты проведённого нами мониторинга, цель которого – исследование качества устной якутской речи на республиканском телевидении и письменных текстов (титры, рекламные объявления); создание социопсихолингвистического портрета современного редактора и ведущего передач на якутском языке. Были просмотрены и проанализированы 24 новостные, авторские и развлекательные передачи НВК «Саха» за 2012–2013 гг. на предмет соблюдения норм современного якутского языка с точки зрения лексики, грамматики, орфографии, стилистики; проведены социолингвистическое анкетирование для корреляции с речевым материалом и ассоциативный эксперимент. Представлена попытка объяснить сущность современного состояния якутского языка, тенденции, проблемные зоны в его функционировании в зависимости от социолингвистических параметров и его оценка носителями языка. При выполнении проекта использованы методы сплошной выборки, метод лингвоэкологической экспертизы, метод описания.

Ключевые слова: социолингвистическое анкетирование, проблемные зоны в реализации якутского языка, языковая компетенция, этноязыковая идентичность, языковая практика, языковые предпочтения и ориентации, языковые установки.

Этноязыковые процессы, происходящие в республике в условиях активной языковой конкуренции русского и якутского языков, имеют разнонаправленный характер. Так, мы сегодня наблюдаем повышение интереса к национальной культуре, стремление к этнической самоидентификации, с одной стороны, и падение знания родного языка у молодого поколения, некоторое сокращение числа говорящих на родном языке – с другой. Социолингвистические исследования и данные Всероссийской переписи 2010 г. показали возрастание социально-демографических и национально-культурных показателей языков коренных народов республики, высокую степень приверженности к родному языку (языковой лояльности) у носителей якутского языка.

На фоне улучшения демографической ситуации и культурного всплеска народа камнем преткновения стали реализация языка и расширение сфер якутского языка.

Выявленные нарушения норм якутского языка, в т. ч. речевые недочёты, связанные с устностью речи, квалифицируются в основном как типичные для всего якутоязычного сообщества, происходят по объективным (влияние второго языка, недостаточная кодификация якутского литературного языка) и субъективным (незнание правил, недостаточность профессиональных качеств) причинам.

Массовым является нарушение орфоэпических норм якутского языка при заимствовании из русского языка (и посредством русского языка) иноязычной лексики, а также нарушение правил 58 а), б), в) [Сахалыы таба суруйуу..., 2002] орфографии якутского языка 2002 г. при изменении форм имён существительных. Таким образом, массово нарушается закон гармонии гласных якутского языка, что, безусловно, ведёт к разрушению системы якутского языка. Наблюдается в речи как молодых, так и ведущих старшего воз-

раста, в передачах как официального, так и неофициального стиля:

интернетынэн (*интернетинэн*) *көрөр буолуохтара* («Сонуннар», 9.02.2012); *генеральной директора* (*дириэктэрэ*) («Сонуннар», 9.02.2012); *эфирбытын* (*эфширбитин*) *түмүктээн эрэбит* («Үчүгэйиэн, бу сиргэ»); *АХШ президенэ* (*президентэ*) («Эргимтэ», 30.01.2012); *медиктарга* (*медиктэргэ*), *телевидениетэ* (*телевидениетэ*) («Сонуннар», 23.01.2012).

Также, особенно в речи молодых корреспондентов, слышим русские варианты давно освоенных якутским языком слов: *ложка*, *школа*, *тема* и т.д., что тоже является нарушением правил.

Тенденцией буквально последних двух лет можно назвать переход на русское интонирование (или словесное ударение) в якутской устной речи, что является следствием активных языковых контактов. Чаще это происходит при использовании имён собственных, в рекламных анонсах: ...*ИндИра ГАнди*, *МАргарэт ТЭтчер*... («Харах далыгар», 05.03.2013); ...*МарИЯ АнтОнова*... («Геван»); ...*комбикОрм*... («Сонуннар», 27.04.2013).

Нечеткая артикуляция: *Аатын үйэтэппитэ* (*и, э*) («Кинозавод», 26.02.2013); ...*тоҕо наһаа эрэлэ суох баатык* *эппиттигиний?* (*бабайытык*) («ТОК-шоу», 20.03.2013).

Речь современного якута независимо от возраста в большей или меньшей степени подвержена воздействию русской речи. В речи ведущих вкрапления встречаются в основном в бестекстовых передачах. В официальных и авторских передачах зафиксированы редко: *Цветной өнгөөх* *биэриилэр*... («Сонуннар», 04.04.2013); *Төһө доступнай* *буолла?* («Атах тэпсэн олорон», 22.02.2013).

Социолингвистический анализ показывает, что явление буквального перевода свойственно во многом городскому населению, т.е. социально обусловлено, но напрямую зависит от языковой компетенции. Сегодня часто встречается и в речи носителей якутского языка с высокой языковой компетенцией, что обусловлено доминирующей русской языковой средой и глубоким проникновением русских языковых стереотипов в родную речь: *Голливуд инникилээн иһэр* (*Голливуд впереди всех*) (*Голливуд инники күөнгэ* – «Кинозавод», 26.02.2013); *Билигин сүрэбин босхо?* (*сердце свободно*) («Киэһэлик», 22.03.2013), *Эн киминэн* *үлэлигиний?* (*ханна үлэлигин?*) («Көрдүм ини, иһиттим ини», 05.05.2013).

Всё чаще зрители и слушатели слышат при использовании фразеологизмов искажение компонентного состава фразеологизмов: чаще всего имеет место замена одного другим, близким ему по значению словом или словосочетанием: *Хара килиэп сиир дьон күннэрин эмиэ таһаардылар* (*күннэрэ эмиэ табыста*) («Сонуннар», 15.02.2013); ...*кулунун кээспит*... (*кулун кээспит*) («Сонуннар», 17.02.2012).

Незнание точного значения слов приводит к следующим ошибкам: *Киһи тылын истибэт сылгыны* (*иччитин истибэт, иччитэ буойарын истибэт*) («Сонуннар», 04.04.2013). Лексико-семантические ошибки происходят при контаминации двух выражений в устной речи, приводящей к складыванию таких конструкций, где совмещаются части обоих оборотов: *Дипломнун ситиһиһлээхтик бүтэрэн* (*үөрэххин бүтэрэн+дипломнун көмүскээн*) («Ток-шоу», 15.05.2013).

Структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность. В речи вследствие случайного смешения, как правило, сопоставляются однокорневые слова одного и того же или близких понятийно-предметных планов. При сопоставлении паронимов акцент делается на семантических различиях, в связи с чем выясняются их сочетательные возможности: *Манньык учугэй аламабай* (*аламай, чабылхай*) *күнгэ* (*радио*, 03.06.2012.); *Састаап уларыйан, ырыаһыттарга эдэримсийэн* (*эдэр ырыаһыттарынан хангаан*) («Сонуннар», 29.05.2013); *Култуура эйгэтигэр сыстыгас* (*сыстабас, сыһыаннаах*) *дьон* («Ток-шоу», 22.01.2012).

Также в современных языковых процессах отмечается ослабление синтаксической связи, достигаемое через ослабление падежных функций в рамках предложения, сегментированных и парцелированных построений. Подобные процессы наблюдаются и в якутском языке. Например, в последние 2–3 года стала заметна тенденция к несклонению имён существительных. Подобное «застывание» формы есть деструктивное изменение и не имеет ничего общего с развитием языка. Способствующими факторами можно признать элементарное незнание правил якутского языка, в некоторых случаях – спонтанность устной речи: *Бастакы уруһуйдаммыт клип* (*клиби*) *устубут* («Кинозавод», 12.02.2013.); *Оҕолоор, эһигини*

«Туллукчаан» (Туллукчаанга) ыгырабыт (реклама), *Спорт сэнгээрээччилэригэр (спорду сэнгээрээччилэргэ)* «Сонуннар», 08.08.2013).

Падежное управление представляет серьезные затруднения в речевой практике, поэтому они встречаются и в текстовых подготовленных передачах. «Чем шире круг управляющих слов, захватываемых речью говорящего и из бытовой речи не всегда ему хорошо известных во всех их свойствах, и прежде всего синтаксических, тем более расшатывается нормативная грамматика в области управления», – пишет О.А. Лаптева [Лаптева, 2001, с. 233]. Этот комментарий можно отнести и к ошибкам в якутском языке: *Бу туһунан дьаһалы республика президена Егор Борисов бу күннэргэ илиитин баттаата (дьаһалга)* («Сонуннар», 06.03.2013); *Күрэхтэһиигэ биһиги спортсменнарбыт 9 кыһыл көмүс 1 уруҥ уонна 10 боруонса мэтээллэри ыларга ситистилэр (мэтээли ылары)* («Сонуннар», 06.03.2013); *Эдэр ыал ыччат кварта-ла онорор сыаллаах... (кварталын – «Сонуннар»); Лена өрүһү туоруур муостаны тутууга 200-тэн тахса тэрилтэ интэриэһиргиир (тутууну)* («Сонуннар», 06.03.2013).

Многочисленны стилистические, орфографические ошибки, особенно в оформлении титров, рекламных объявлений, анонсов. Они встречаются ежедневно, как в титрах официальных передач, что ведёт к утрате доверия к национальному телевидению, так и к трансляции часто повторяемых рекламных текстов. Работник, ответственный за оформление письменных текстов, должен владеть нормами якутского литературного языка. Рекламный отдел, принимая материалы заказчиков, должен следить за соответствием текстов литературным нормам. Однако на протяжении длительного времени не удается наладить данную работу: *Соппор үөрэбин маастара* (суоппар үөрэбин маастара) («Күнтэн күн», 01.09.2013), Сангаардаагы филиалын *лесничейа* (лесничэйэ) («Сонуннар»); Старай Руссо (Русса) (2011).

Встречаются коммуникативно-прагматические ошибки. Например, в передачах, идущих в прямом эфире, ответы на языке обращения игнорируются, что ущемляет право гражданина, обратившегося с вопросом.

Степень проницаемости уровней языка, количество нарушений на том или ином уровне, выявленные в ходе анализа речи и текстов, неравномерны (таблица).

Примерное соотношение проблемных зон в реализации якутского языка редакторами и ведущими НВК «Саха»

Тип ошибок	Доля в общем объёме проблемных зон, %
Орфоэпические*	10
Лексические	40
Грамматические	20
Стилистические	10
Орфографические (титры, рекламные ТВ-тексты)	20

*Условно, так как произношение заимствований из русского языка (и посредством русского языка) в русском варианте, а также нарушение правил 58 а), б), в) [Правила орфографии якутского языка, 2002] при изменении форм имён существительных является массовым.

В собственно лингвистическом плане необходимо повышение структурного и функционального статуса якутского литературного языка, который и в настоящее время и в будущем будет иметь решающее значение для судьбы общенародного языка. Таким образом, совершенствование качества деятельности работников якутоязычных СМИ, развитие языковой культуры общества, усиление контроля за надлежащим употреблением современного якутского языка в средствах массовой информации представляется сегодня весьма актуальной задачей и требует многих усилий.

В социолингвистическом опросе дикторов, ведущих НВК «Саха» приняли участие 24 респондента в возрасте до 50 лет, признающие себя якутами, постоянно проживающие в г. Якутске. 64% опрошенных более 10 лет проживают в столице. Признают родным якутский язык 92,3%, русский – 3,8% и оба языка – 3,8%.

Уровень жизни и достаток своей семьи 79,2% респондентов оценивают как средний, 20,8% – как низкий. В основном средняя заработная плата составляет 13–25 тыс. руб., что намного ниже среднестатистической по республике (40 тыс. руб.). Собственным жильём в г. Якутске обеспечены 57,7%; 92,3% имеют высшее образование.

Сегодня редакторы и ведущие эфира на НВК «Саха» – это люди, обучавшиеся в школе в основном на якутском языке (46%); обучение на обоих языках получили 23% и 23% изучали якутский как предмет. У 47,4% респондентов изучение якутского языка продолжилось в вузе либо в качестве языка обучения, либо как предмет.

В городской коммуникации, в частности в сфере торговли, услуг (на рынке, в торговом центре), ориентированы только на русский язык 30,8%, на двуязычие – 26,9% и 26,9% обратят внимание на внешность человека, прежде, чем выбрать язык общения. В более официальной ситуации (на почте, у врача, у нотариуса, в налоговой, в администрации города (улуса) и т.д.) респонденты чаще ориентируются на внешность (38,5%), т.е. в данных ситуациях стереотип общения на русском языке нивелируется. Но всё же 23,1% чаще используют русский язык и столько же – оба языка. На работе преобладает общение на якутском языке (42,3%) и двуязычие (34,6%). 56% опрошенных общаются с ровесниками, друзьями на якутском, 24% – на обоих языках. Дома 80,7% разговаривают на якутском, в том числе с супругой(-ом) – 78%; с родными и (или) двоюродными братьями и сестрами – 88%. Такой же показатель в межпоколенном общении со старшими родственниками – дедушкой и бабушкой и с пожилыми родственниками. В межпоколенном общении: с детьми и детьми родных 88,8% опрошенных говорят на якутском; с родителями и с родственниками их возраста – 84,6%. 68% респондентов считают, что они думают на родном якутском языке, 20% – на обоих языках. 45,8% респондентов предпочли бы детский сад с обучением и воспитанием на якутском языке. 20,8% ориентируются на русский язык обучения и воспитания, 20,8% – на смешанное обучение и воспитание, и ограничили бы якутский язык преподаванием разговорного якутского 12,5% родителей. В школе примерно аналогичное соотношение, разница наблюдается лишь в более выраженном предпочтении якутского как предмета – 21,7%. На вопрос, с каким языком больше шансов выучиться, найти хорошую работу, стать преуспевающим человеком, 80,8% ответили, что нужно знать хорошо оба языка.

Теперь о предпочтениях в потреблении СМИ-продукции и книг. В потреблении ТВ-передач, чтении книг, периодических изданий преобладает двуязычие (по 69,2%). Если чуть подробнее остановиться на чтении книг, то на якутском читают 7,7%, на русском – 23,1% опрошенных. В прослушивании радиопередач и музыки доля якутского языка увеличивается – 27%, двуязычие незначительно сокращается – до 57,7%.

Оценка продукции республиканских СМИ может составить представление об этой сфере

«изнутри». Было предложено оценить качество тех или иных видов СМИ на русском и отдельно на якутском языках по 10-балльной шкале. Издаваемые в республике книги, журналы, газеты на русском языке оценены в основном выше «5» баллов, наивысшие «10» баллов дали 28% респондентов, от «8» до «10» баллов проставили 48%. Качество тех же видов на якутском языке оценено 24% респондентов на «10» баллов. От «8» до «10» баллов проставили 69% опрошенных. Качество республиканских телевизионных передач на русском языке на «10» баллов оценили 24%, на якутском – 8% респондентов. Наивысшие баллы русскоязычным передачам дали 56% и якутоязычным – 52% опрошенных редакторов и ведущих НВК «Саха». Якутоязычные передачи в основном оценили на «5» (24% опрошенных) и «9» (28% опрошенных) баллов.

На косвенные вопросы, выявляющие приверженность к своей малой родине, чувство патриотизма, желание работать во благо своей республики, а значит – и в своей профессиональной сфере: «Хотели бы Вы уехать из Якутска?» и «Хотели бы Вы уехать из Якутии?», были получены следующие ответы: утвердительно ответили на первый вопрос 20%, на второй – 16,7% респондентов.

Вопрос о языковой компетенции выявил 88,9% свободного владения якутским и 80,8% свободного владения русским языком. Навыков письма на якутском не имеют 7,7% опрошенных, не владеют якутским – 3,8%. 3,8% ответили, что затрудняются говорить по-русски. 11,5% респондентов признаются, что не умеют писать по-русски, полагаем, что здесь идет речь о второй степени владения литературным языком, т.е. не только о следовании нормам литературного языка, но и об умении выбирать из существующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически и ситуативно уместный, выразительный и т.п.

В рамках темы считаем необходимым привести результаты лингвоконцептологического исследования концептов «якутский язык» и «русский язык» в коммуникативном сознании, куда входит и информация о других (неродных, изучаемых) языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др. Описание коммуникативного сознания в данной статье ограничено отношением к другим языкам, представляющим для жителей республи-

ки живой интерес в плане изучения и использования. В качестве метода сбора информации выбран направленный ассоциативный эксперимент, прежде всего, как наиболее удобный для получения локальной дополнительной информации к имеющимся макросоциолингвистическим характеристикам сегодняшнего общества, а также как наиболее продуктивный в получении оценочности, поскольку его ассоциативный поток ограничен по инструкции рамками одного грамматического класса, в нашем случае – прилагательных.

В толковании концепта, ключевого понятия когнитивной лингвистики мы также придерживаемся точки зрения З.Д. Поповой, И.А. Стернина и понимаем его как «...дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2010, с. 34]. Также принимаем их определение концептосферы как упорядоченной совокупности концептов народа, информационной базы мышления [Там же, с. 36]. Лингвоконцептологическое описание по результатам направленного ассоциативного эксперимента выявило следующие особенности: в целом в концепте «якутский язык» наиболее яркими когнитивными признаками можно признать следующие: *красивый (10), богатый (9), родной (9), сложный (7), кэрэ (4), баай (3), древний (3)*. На стимул «русский язык» получены реакции «великий» (7), «могучий» (5), «красивый» (5), «доступный» (3), «легкий» (2), «простой, понятный».

Сопоставление с реакциями студентов, участвовавших в эксперименте в 2009 г. [Иванова, 2012], выявляет у работников СМИ наличие на стимул «якутский язык» реакций на якутском языке: у студентов наблюдается доминирование реакции «родной», а у работников СМИ она на второй позиции. Реакции на стимул «русский язык» аналогичны. Но для работников СМИ он намного «доступнее», «проще» и «понятнее», тогда как для студентов – «интереснее» и «сложнее». В целом в концепте «якутский язык» преобладают позитивная эстетическая оценка и положительная

функциональная характеристика языка; в концепте «русский язык» – позитивная эстетическая оценка языка из-за его высокого социального статуса, доминирующих социальных функций, также значительно прагматическое представление.

Таким образом, социопсихолингвистический портрет редактора и ведущего республиканского телевидения сегодня таков – это специалист с высшим филологическим образованием с зарплатой в пределах 13–25 тыс. руб. (что он оценивает как среднюю), проживающий в г. Якутске более 10 лет. Для них родной язык – якутский, они более свободно владеют якутским, нежели русским. Их уровень языковой компетенции в якутском языке ниже среднереспубликанского показателя 2007–2008 гг. (84,5%), но выше среднего показателя в г. Якутске – 77,6% [Современная этноязыковая..., 2013], что, безусловно, всё же оценивается более низким, чем требуется для профессионального работника эфира. Также низки показатели свободного владения русским языком.

В ситуации нерегулируемой городской коммуникации (сфера обслуживания, торговля и т.д.) язык общения выбирается стихийно, чаще зависит от национальности (антропологического типа) адресата. У опрошенных можно отметить наличие оптимальной в городских условиях якутской речевой среды (на работе, с ровесниками, друзьями), что крайне необходимо профессионалу. У исследуемой группы показатели общения на якутском языке в семье выше среднереспубликанских 2007–2008 гг., отмечается культивирование якутского языка в детях.

Дикторы и ведущие НВК «Саха» теле- и радиопередачи книги, прессу смотрят, слушают и читают на обоих языках, книги на якутском языке читают мало.

Состояние якутского книгоиздания, периодически их коллеги из НВК «Саха» оценивают высоко. Причём продукция книгоиздателя на якутском языке в особом приоритете. Собственную продукцию – ТВ-передачи на якутском языке оценивают ниже, чем русскоязычную, что, видимо, прежде всего, объясняется осознанием ими не самой высокой компетенции в якутском языке. А также, видимо, есть творческие личности (около 20%), чувствующие ограниченность формата региональных СМИ и желающие попробовать себя в более разнообразном медиапространстве, где больше возможностей, следовательно, выше и материальное вознаграждение.

Сегодня все специалисты сходятся во мнении, что язык СМИ становится главным фактором развития и национального, и литературного языка. Важнейшей особенностью в современной культурно-речевой ситуации является то, что развитие системы языка происходит под решающим воздействием медиаречи, поскольку для языкового сознания общества именно она воплощает представления о литературной и стилистической норме, о многих процессах, происходящих в настоящее время в национальном языке.

Поэтому сегодня общество требует от профессиональных пользователей языка (дикторы, ведущие) безупречного владения языком, а также ставит перед ними задачу формирования личности зрителя, слушателя, владеющего лингвистической, языковой коммуникативной компетенциями, предполагающими овладение различными видами речевой деятельности. Таким образом, сегодня в условиях снижения речевой культуры к работникам СМИ предъявляются повышенные требования в области владения языком.

СМИ должны не только отражать действительность, но и стремиться формировать эту действительность, созидать человека, личность, развивать нравственное, интеллектуальное, духовное. Региональные СМИ должны поддерживать, созидать этническую идентичность. Диктор, ведущий обязан помнить, что его задача гораздо больше, чем просто дать точную и проверенную информацию. Через выбор явления действительности, через угол зрения, под которым освещается новость, через языковое воплощение факта он участвует в формировании мировоззрения эпохи. И если он чувствует связь судьбы слова с судьбой своего народа, он вносит свой, пусть маленький, вклад в культуру страны.

Социолингвистическое исследование выявило у дикторов и ведущих эфира:

1) недостаточный уровень языковой компетенции в якутском языке;

2) достаточную социальную базу для развития якутского языка, что подтверждается:

– показателями преобладающей прямой этноязыковой идентичности,

– наличием преобладающей якутской речевой среды в ситуации на работе, в общении с ровесниками, друзьями,

– высокой значимостью родного языка в семейном общении, культивированием родного языка в детях,

– особенностями языковых ориентаций, предпочтений в основных регулируемых и нерегулируемых сферах общения, включающих в достаточной степени компонент родного якутского языка;

3) не очень высокую оценку результатов своей работы, что возможно, свидетельствует о нереализованном потенциале, слабой мотивации к совершенствованию либо в целом к своей профессии;

4) недостаточность или отсутствие лингвистического самообразования, что наблюдается в том, что они не просматривают передачи – результат собственной работы, не знают о наличии словарей по якутскому языку (например, о таком необходимом в их работе «Якутско-русском фразеологическом словаре» в двух томах), мало читают книги на якутском языке.

Речевая культура редакторов, ведущих во многом зависит от их личных установок. При выработке собственных положительных установок на «хорошую» речь (термин О.Б. Сиротининой) и ряде мероприятий по повышению профессиональной лингвистической подготовки (курсы, аттестация, организация постоянно действующей языковой службы на обоих государственных языках, конкурсы на безупречное владение языком среди молодых ведущих) можно достичь за 1–2 года неплохих результатов.

В визуальной информации (титры, анонсы, рекламные тексты) оргмерами можно быстрее добиться результатов. Рекомендуем следующее:

1) повышение профессиональной лингвистической подготовки (курсы, аттестация, организация постоянно действующей языковой службы на обоих государственных языках (возможно, в формате «горячего телефона»), конкурсы на безупречное владение языком среди молодых ведущих);

2) самообразование. Повышение собственной лингвистической подготовки, библиотечный день, чтение якутской классической литературы;

3) лингвистическая поддержка работников, создающих визуальную информацию (титры, анонсы и т.д.);

4) предъявление требований к принимаемым рекламным материалам на предмет соблюдения литературных норм языка;

5) более тщательный отбор ведущих, телепроекторов сообразно уровню речевой культуры;

6) создание условий для работников ТВ и радио (достойный уровень заработной платы, возможность улучшения жилищных условий), в

частности поскольку профессионализм вырабатывается с годами, необходимо закреплять талантливых молодых работников.

Литература

Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2012. – 130 с.

Лантеева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 520 с.

Правила орфографии якутского языка. – Якутск, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Изд-во «АСТ»; Восток-Запад, 2010. – 314 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

Сахалыы таба суруйуу тылдьыта / Саха Респ. наукатын акад. Гуманит. чинчийии ин-та; редкол.: В.М. Анисимов уод.а. – Дьокуускай: Саха-полиграфиздат, 2002. – 543 с.

Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2013. – 251 с.

N.I. Ivanova

Sociopsycholinguistic portrait host of NBC «Sakha»: 2012–2013 the results of monitoring

In this work, will acquaint with the results of our monitoring, the aim of which were: a study of the quality of oral Yakut speech at the Republican TV and written texts (titles, advertisements); creation sociolinguistic portrait of a modern editor, a program leading in the Yakut language. This was viewed and analyzed 24 news, author and entertainment NBC «Sakha» for 2012–2013 for compliance with norms of modern Yakut language from the point of view of vocabulary, grammar, spelling, stylistics; conducted sociolinguistic surveys to correlate with speech material and associative experiment, made up the conclusion and recommendations. In the project used methods of continuous sampling method lingvoeconomics examination, method descriptions.

Keywords: sociolinguistic surveys, problem areas in the implementation of the Yakut language, language competence, ethno-linguistic identity, language practice, language preferences and orientation, language settings.

УДК 811. 512. 157

Е.И. Оконешиников

Интерпретационный тип словарей терминологической лексики якутского языка

В статье рассматриваются проблемы оптимизации якутских терминологических словарей интерпретационного типа. Для данного типа словарей главным является краткое определение значения терминов – дефиниция. Дефиниция должна быть краткой, содержать наиболее существенные признаки термина и состоять из одного предложения. В словарных статьях вместо дефиниции сплошь и рядом даются длинные энциклопедические описания. В результате возникает смешение типов спецсловарей. Одновременно в тексте приводятся удачные дефиниции для того, чтобы показать особенности терминологической системы языка саха.

Ключевые слова: терминография, интерпретационный, энциклопедический, смешение типов, спецсловари, возрождение, традиционные отрасли, дефиниция.

Ежегодно в нашей стране увеличивается число выпускаемых словарей специальной лексики, расширяются области их применения. Теоретики терминоведения обосновали появление нового направления в языкознании под названием «терминография». Она обособилась от лексикографии и оформилась как самостоятельная научная дисциплина [Гринев-Гриневиц, 2009, с. 6–8].

Словари специальной лексики согласно теории терминографии подразделяются на два больших типа: инвентаризационные и интерпретационные. В данном сообщении речь пойдет об основных проблемах оптимизации якутских терминологических словарей интерпретационного типа. К ним относятся словари, заглавные вокабулы которых снабжены дефинициями (краткими толкованиями). Дефиниция должна быть краткой, точной, содержать наиболее существенные и отличительные признаки термина и не иметь избыточной информации [Там же, с. 102–113]. Якутская терминография располагает рядом следующих интерпретационных словарей: «Русско-якутский поэтический словарь» [1976]; «Сахатылын үөрэҕин терминнэрэ» («Словарь лингвистической терминологии якутского языка») [1977]; «География терминнэрин тылдьыта» («Словарь географических терминов») [1993]; «Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов» [1994]; «Толковый словарь физических терминов» [1997]; «Математика терминнэрин нууччалыы-сахалыы быһаарыылаах тылдьыта» («Русско-якутский толковый словарь математических терминов») [1998]; «Словарь астрономических терминов» [1998]; «Толковый словарь химических терминов» [2000]; «Экология тоқкооломмут тылдьыта» («Толковый словарь экологии») [2001]; «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии» [2006].

Наши интерпретационные словари являются двуязычными и по существу не интерпретационными, а переводно-энциклопедическими. В них вместо дефиниции в правой части словарных статей приводятся длинные энциклопедические определения. В связи с этим их невозможно использовать на практике из-за громоздкости. Исключение составляют «Словарь географических терминов», «Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов», если не считать встречаемых в них местами единичных энциклопедических вкраплений (вместо дефиниций).

О дефинитивной функции термина в свое время писал акад. В.В. Виноградов: «Общеизвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [Виноградов, 1947 с. 12–13]. Одновременно он указывал, что «термин не называет понятия, как обычные слово, понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему» [Виноградов, 1953, с. 3–29].

Общий недостаток терминологических словарей – это смешение типов спецсловарей и неумение давать дефиниции. Чтобы не быть голословным, приведу примеры. Из «Русско-якутского поэтического словаря»: **Басня** – үгэ (*перевод*), сатирической поэзия көрүңэ, үксүгэр хоһоонунан суруллубут кыра аллегорической айымныы (*дефиниция*), за ней дано длинное энциклопедическое объяснение, которое заканчивается словами: «... Үгэ литература жанрын быһыытынан бэрт быданнаабыта үөскээбит» (*занимает 11 строк*). В завершающей части в виде иллюстрации приведены имена великих и известных баснописцев, начиная с представителей Древней Греции и кончая представителями якутской советской литературы (*занимает 17 строк*). Как видно, правая сторона словарной статьи состоит как бы из четырех самостоятельных частей: перевода, толкования (дефиниции), пространного энциклопедического объяснения и не менее обширного наглядного материала [Русско-якутский..., 1976, с. 29–30]. Несколько особняком стоит «Толковый словарь экологии», составленный кандидатом педагогических наук В.С. Ивановым. Он представляет собой не столько филологический, сколько энциклопедический тип словаря. Заглавные единицы снабжены подробными объяснениями энциклопедического характера. Приведем словарную статью: **Сибиир солко өрөөччүтэ** «Сибирский шелкопряд». Правая часть статьи начинается со слов: «Саха сиригэр сүүрбэччэ сыл эргиридэнэн (1975+3; 1975+5; 2001+7) ахсаана эмискэ үрдүүргэ биллэр омсолоох үрүмэччи...». Подобное энциклопедическое объяснение занимает больше одной страницы и заканчивается словами: «Сутуйуллубут тыаны лепидоцит диэн ааттанар эминэн самолеттан ыстаран абырыыллар. Ол эрээри бу эмп бэйэтэ даҕаны, самолет көтөөһүнэ, үлэтэ даҕаны олус сыаналаах, аны эмин онон-манан эрэ түһэрэр буолан, барыларын өлөрбөт» [Там

же, с. 331–332]. В целом книга представляет собой весьма нужную энциклопедию по экологии.

Само название «Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии» сразу наводит на мысль, что здесь не один тип словаря, а несколько. Прежде всего, заглавный термин и его перевод во вводной части могут составить двуязычный алфавитно-переводный тип словаря. Термин и его дефиниция (толкование) в правой стороне словаря могут относиться к алфавитно-интерпретационному типу словарей. Термин и его дидактическое энциклопедическое объяснение с обширной наглядностью вполне могут представлять собой алфавитно-энциклопедический словарь по психологии [Понятийно-терминологический..., 2006, с. 187].

Смешение типов терминологических словарей в одном издании свидетельствует о недостаточной терминографической подготовленности их составителей. Тем не менее следует указать на одно сопутствующее им явление, заключающееся в том, что во всех интерпретационных словарях соседствуют перевод и дефиниция (толкование). Если бы в них содержалась удачная дефиниция, состоящая из одного предложения, то все это подтверждало бы начало рождения национального двуязычного словаря нового типа – переводно-интерпретационного словаря.

Терминологическая практика показывает, что в умелых руках дефиниция становится надежным и весьма удачным инструментом для обозначения терминологического значения многозначных слов и слов с недифференцированными значениями. Для наглядности даем примеры, где с помощью дефиниции выделяется терминологическое значение многозначных слов типа **күүс** – ‘мера механического действия на данное материальное тело со стороны другого тела’ [Толковый словарь физических терминов, 1997, с. 36]; **Муннук** угол биир туочукаттан тахсар икки сардаңаттан турар фигура [Русско-якутский толковый словарь математических..., 1988, с. 164]; **Сүһүөх** ‘тыл кэрчиктэнэр өлүүскэтэ’ [Саха тылын..., 1977, с. 42] и др.

Теперь несколько слов о практическом применении дефиниций. У каждого термина имеется объем понятий, содержащих в себе совокупность всех предметов и явлений той или иной отрасли знаний. При систематизации по областям знаний термины вступают в иерархические отношения друг с другом. Основными видами иерархических отношений между понятиями являются ро-

довидовые отношения. Родовидовые отношения существует между широким по объему (родовым) понятием и входящими в него более узкими, видовыми понятиями. Примеры приводим из «Словаря географических терминов» [География терминнэрин..., 1993, с. 112]. Дефиниция, как было показано выше, – это формулировка в сжатой форме основных (существенных или отличительных) признаков географического термина, чаще всего в одном предложении типа **бор** – чагда, ‘кумахтаах почваҕа үүнэр, үксэ эбэтэр барыта бэс мастаах тыа’; **метель** – тибии, ‘сир үрдүнэн хаары көтүтэн сыбарытар күүстээх тыал’; **хребет** – сис хайа ‘уһун синньигэс субурҕанан сытар биир эбэтэр кэккэ хайалар тиһиликтэрэ’. В последнем примере **хребет** родовым является слово ‘гора’, а видовыми – ‘длинная продолжающаяся цепь одной или нескольких гор’. Иногда авторы прибегают к партитивному методу, включающему отношения, состоящие из целого и его части, типа **межень** – олот ‘самый низкий уровень воды в реке’; **перекат** – чаар ‘өрүс үөһүн дьара, түргэн сүүрүктээх учаастаҕа’; **склон** – эниэ ‘сир үрдүн биллэр индэстигэс учаастаҕа’. Далее вполне может быть использован так называемый перечислительный метод типа **землетрясение** – сир хамсааһына ‘сир хаҕын араас төрүттээх хамсааһыннара: дьыгитийии, түллэңнээһин, хайыта бары’. Описанные три типа дефиниций с успехом могут быть применены при создании терминологических словарей. На ранних этапах работы по упорядочению допустимы нестрогие дефиниции и дефиниции с некоторыми вкраплениями энциклопедизма. Как бы то ни было, следует научиться мастерству овладения методикой дефинитивного определения.

На очереди стоит актуальная в настоящее время задача возрождения терминологической лексики традиционных отраслей производительной деятельности, материальной и духовной культуры народа саха. Это широкий блок терминологий, охватывающих лексику животноводства, коневодства, оленеводства, собаководства, охоты, рыболовства, народной медицины, этнопедагогики, кузнечных, столярных и ювелирных ремесел; термины одежды, предметов туалета, украшений, жилища, постройки, пищевых продуктов, посуды и утвари, самобытных видов искусства и спорта и т.д. и т.п.

Создание серии однозначных, двузначных, многозначных терминологических словарей по названным отраслям – это заказ современности.

При господстве тоталитарного режима многие слова-термины перечисленных видов занятий объявлялись «устаревшими» и были преданы забвению. Чтобы показать особенности терминологической системы языка саха, обязательно потребуется сжатое определение терминов в виде дефиниции.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. – 1953. – №5.

География терминнэрин тылдьыта (Словарь географических терминов) / сост. Г.Н. Максимов, А.И. Сивцева. – Дьокуускай, 1993. – 112 с.

Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. – М., 2009. – 224 с.

Краткий русско-якутский толковый словарь научно-технических терминов / под ред. К.Н. Гурьева. – Кн. 1, 2. – Якутск, 1994.

Математика терминнэрин нууччалыы-сахалыы быһаарыылаах тылдьыта (Русско-якутский толковый словарь математических терминов) / сост. И.Г. Егоров, В.В. Петров, А.И. Петрова. – Дьокуускай, 1998. – 180 с.

Понятийно-терминологический русско-якутский словарь по психологии. – 2-е изд. / науч. рук. А.П. Оконешникова. – Якутск, 2006. – 187 с.

Русско-якутский поэтический словарь / сост. Г.М. Васильев. – Якутск, 1976. – 207 с.

Саха тылын үөрэбин терминнэрэ (Словарь лингвистической терминологии якутского языка) / сост. М.А. Черосов. – Дьокуускай, 1977. – 64 с.

Словарь астрономических терминов / сост. П.А. Яковлев. – Якутск, 1998.

Толковый словарь физических терминов / сост. Г.Г. Самсонов, И.И. Суздалов, П.А. Яковлев. – Якутск, 1997.

Толковый словарь химических терминов / сост. Н.В. Егоров, А.Г. Корякина. – Якутск, 2000.

Экология тоқкоолуммут тылдьыта (Толковый словарь экологии) / сост. В.С. Иванов. – Якутск, 2001. – 527 с.

E.I. Okoneshnikov

Interpretation type of dictionaries terminological vocabulary of the Yakut language

In the article the problems of optimization of the Yakut terminological dictionaries interpretive type. For this type of main dictionaries is a brief definition of the meaning of the terms - definition. The definition should be brief, contain the most significant features of the term and consist of one sentence. In the dictionary instead of the definition often given long encyclopedic descriptions. The result is a mixture of types of special dictionaries. At the same time, the text provides a good definition in order to show the features of the terminological system of the Sakha language.

Keywords: terminography, interpretation, encyclopedic, mixing types, special dictionary, Renaissance, traditional industry, definition.

УДК: 484.3

Л.А. Шамина

Аналитические конструкции со значением движения по направлению к цели в тувинском языке*

В иерархической структуре лексико-семантической группы глаголов (ЛСГ) движения вершинным является глагол чор= 'ходить, двигаться', а глаголов позиции – тур= 'стоять'. Эти вспомогательные глаголы, способны, в силу своей абстрактности, структурировать аналитические конструкции (АК) для описания широкого круга явлений действительности. Именно поэтому они служат для выражения глагольной ориентации в составе АК. Результатом грамматикализации АК с глаголами движения являются конструкции со значением цели и перегринатива.

Ключевые слова: аналитическая конструкция, глаголы движения, грамматикализация, цель движения, про-спектив, перегринатив.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00121 «Аналитические конструкции как источник грамматикализации в тувинском языке».

Семантическая зона передвижения в пространстве исследовалась на материале разных языков. Типологии способов выражения в составе глагольной лексемы различных параметров ситуации движения посвящены работы Л. Талми [Talmy, 1975]. В работе Т.А. Майсак, Е.В. Рахилиной [2007, с. 27–76] и ряде других статей, опубликованных в коллективной монографии [Майсак, Рахилина, 2005], рассматривается лексическая типология одной из семантических групп глаголов движения (ГД) с невыраженной ориентацией, описывающих ситуацию движения в воде.

В тюркских языках Сибири исследованию ГД посвящена работа А.Н. Чугунековой [1998] на материале хакасского языка. Здесь ЛСГ ГД включает в себя 240 глаголов с интегральной семой 'передвижение в пространстве', которые структурируются далее на основании дифференциальных сем 'направление движения', 'среда', 'способ', 'темп', 'образность'. На тувинском материале такое исследование проведено В.С. Барыс-Хоо [2005].

Объектом нашего исследования являются аналитические конструкции (АК) с глаголами направленного и ненаправленного движения к цели в физической сфере.

Предмет исследования – грамматикализованные аналитические конструкции (АК) с вершинным глаголом движения *чор* = 'идти' и глаголом позиции *тур* = 'стоять'. Заметим, что список глаголов ориентации движения в тувинском языке не исчерпывается указанными двумя глаголами. Векторную направленность выражают глаголы *баар* (отсюда), *келир* (сюда) 'идти', *унер* 'подниматься', *алыр* 'брать', *бээр* 'давать', но в данной статье мы о них не говорим.

В иерархической структуре ЛСГ глаголов движения вершинным является глагол *чор* = 'ходить, двигаться', а глаголов позиции – *тур* = 'стоять'. Эти вспомогательные глаголы, способны, в силу своей абстрактности, структурировать АК для описания широкого круга явлений действительности. Именно поэтому они служат для выражения глагольной ориентации в составе аналитических конструкций.

1. АК с семантикой направленного движения. Формируются глаголами, обозначающими движение, совершающееся в одном направлении (однонаправленные). Направленное движение наиболее свойственно человеку и чаще всего на-

блюдается им в окружающем мире.

(1) *Ленинградче Москва таварып чоруур* [РТС, 1980, с. 638].

Ленинград=че / Ленинград=LAT Москва / Москва тавар=ып / ехать через что либо чору=ур / AUX=PrP

'Ехать в Ленинград через Москву.'

(2) *Арыг иштинге дыка-ла үр тояап чордувус* [РТС, 1953, с. 49].

арыг / лес иштинге / в дыка.ла / очень.PRTCL үр / долго тояа=п / бродить=CV чор=ду=вус / AUX=PAST_{fin}=PERS1pl

'Мы долго брели по лесу.'

Из приведенных примеров видно, что семантика однонаправленного движения, выражаемого основным глаголом (*таварып, тояар* и др.) АК, требует использования в качестве вспомогательного глагола движения *чор* = 'идти'.

2. АК с семантикой ненаправленного движения. Формируются глаголами, обозначающими движение без указания на направление (разнонаправленные).

(3) *Мен бээр күртү болгаи кара-куштар истеп кээп турар мен* (Анк.).

мен / я бээр / сюда күртү / глухарь болгаи / и кара.куш=тар / тетерев=PL

исте=п / следить=CV кээ=п / приезжать=CV тур=ар / AUX=PrP мен / PERS1sg

'Я езжу сюда выслеживать глухарей и тетеревов.'

АК *кээп турар* 'езжу' выражает идею повторяющегося разнонаправленного действия: туда-сюда, взад-вперед [Шамина, 1998, с. 155–161; 2010].

Вспомогательный глагол *тур* = 'стоять' в данной АК выражает эту специфическую характеристику способа перемещения в пространстве. Ср. также:

(4) *Дең чырыын долгандыр үзүт-ховаганнар ужуп чоруп турганнар* [КК, Уйгу, мт, 1989, с. 105].

дең / фонарь чыры=ы=н / свет=POSS3sg=ACC долгандыр / вокруг үзүт.ховаган=нар / ночная. бабочка=PL уж=уп / летать=CV чор=уп / AUX. идти=CV тур=ган=нар / AUX=PP=PL3

'Вокруг фонаря ночные бабочки летали.'

Здесь вспомогательный глагол *чор* = 'идти' в составе АК подчёркивает длительность разнонаправленного движения, идею которого передает вспомогательный глагол *тур* = 'стоять'.

(5) *Хат булуттарны сывырып тур* [РТС, 1953, с. 106].

хат / ветер булут=тар=ны / туча=PL=ACC
сывыр=ып / гонять=CV тур / AUX.PRES

‘Ветер гоняет тучи.’

При глаголах ненаправленного движения (*истээр, ужар, сывырар, тарадыр хадыл*) в аналитических конструкциях использован глагол позиции *тур*= ‘стоять’ для обозначения пространственной ориентации.

3. Целевые конструкции при глаголах движения. Формируются целевые конструкции АК с глаголами направленного движения. Семантика целевых конструкций при глаголах направленного движения близка к семантике конструкций, обозначающих конечную точку движения. Целевые конструкции при глаголах направленного движения в тувинском языке оформляются теми же средствами, что и сходные с ними по семантике конструкции при других глаголах. К таким средствам относится, прежде всего, причастно-послеложная АК. Первый компонент такой АК выражен глаголом в форме причастия будущего времени на =ар, а второй – постпозитивом *дээш* ‘чтобы, для’. Первым компонентом АК может быть глагол в форме прошедшего времени на =ды, а второй компонент представляет тот же постпозитив *дээш*.

3.1. Инфинитивные целевые конструкции. Функцию инфинитива в тувинском языке выполняет причастие будущего времени на =ар. Целевую семантику вносит постпозитив *дээш* ‘чтобы’ – второй компонент АК. Первый компонент может быть выражен как глаголами движения, так и другими глаголами.

3.1.1. АК с глаголами движения: $Tv_{дв.} = ар$ *дээш* ‘чтобы’

(6) *А Дуктуг-Ары аказының чевээн каастаар дээш, чечек чулуп аар дээш чоруткаштың...* [МЛПТ, 2010, с. 56].

а Дуктуг.Ары / аДуктуг.Ары ача=зы=ның / отец=POSS3sg=GEN чевэ=эн / могила=ACC кааста=ар / украшать=PrP дээш / POSTP.чтобы чечек / цветы *чул=ун* / рвать=CV *а=ар* / AUX=PrP *дээш* / POSTP.чтобы *чору=т*=каш=тың / идти= CAUS =CV=GEN

‘Дуктуг-Ары, чтобы украсить могилу отца, пошел нарвать цветов...’

(7) *Балчый-оол ырак чердиве чорунтар дээш, өөндөн үнүп кээрге, бичиизинде-ле көрүп чорааны куу аът бажсы кызыл дымтың чолдак будуунда халаңайнып турган* [М.К-Л, 1980, с. 81].

Балчый.оол / Балчый.парень ырак / дальний

чер=диве / земля=LAT *чору=пт=ар* / ехать=PFV=PrP *дээш* / POSTP.чтобы өө=н=ден / юрта=INFIX=ABL үн=үп / выходить=CV *кэ=эр=ге* / AUX=PrP=DAT бичиизинде.ле/ чуть. чуть.PRTCL көр=үп / смотреть=CV *чора=ан=ы* / AUX=PP=POSS3 куу / серый аът / лошадь баж=ы / череп=POSS3sg кызыл / красный дым=тың / лиственница=GEN чолдак / короткий буду=ун=да / нога=POSS3sg=LOC халаң=айн=ып склоняться=RITM=CV *тур=ган* /AUX=PP

‘Бачый-оол, чтобы ехать в дальнюю землю, вышел из юрты и остановился, и загляделся на красноствольную лиственницу, на белый череп (конский череп) в ее ветвях.’

3.1.2. АК с другими глаголами: $Tv = ар$ *дээш* ‘чтобы’

(8) *Похорельце, Сурмич суурларны, Дубно хоорайны хостаар дээш тулчуушкуннар бооп тургулаан* [М.К-Л, 1980, с. 176].

Похорельце / Похорельце Сурмич / Сурмич суур=лар=ны / деревня=Pl=ACC Дубно / Дубно хоорай=ны / город=ACC хоста=ар / освободить=PrP *дээш* / POSTP.чтобы тулчуушкун=нар / сражение=PL бооп / быть.CV *тур=гула=ан* AUX=ITER=PP

‘Чтобы освободить села Погорельце, Сурмич и город Дубно, сражения шли.’

(9) *Чугле чылгычылаар дээш он беш чыл иштинде сургуулдап чораан сен бе?* [М.К-Л, 1980, с. 208].

чугле / только чылгычыла=ар / работать. табунщиком=PrP *дээш* / POSTP.чтобы он / 10 беш / 5 чыл / год иштинде / в сургуулда=п / ехать.учиться=CV *чора=ан* / AUX=PP *сен* / ты бе / PRTCL

‘Только, чтобы работать табунщиком, ты поедешь учиться в течение 15 лет?’

(10) *Силерлерни азыраар дээш чугле чааскаан ажылдаар-дыр мен* [МЛПТ, 2010, с. 56]

силер=лер=ни / вы=PL=ACC азыра=ар / кормить=PrP *дээш* / POSTP.чтобы *чугле* / только чааскаан / один ажылда=ар.дыр / работать=PrP. PRTCL мен / я

‘Я работаю один для того, чтобы только накормить вас.’

(11) *Ам бо чүү болду дээш көрүп турарга, өг деп чүве орта турган* [МЛПТ, 2010, с. 82].

ам / сейчас бо / этот чүү / что бол=ду / быть=PAST *дээш* / POSTP.чтобы көр=үп / смотреть=CV *тур=ар=га* / AUX=PrP=DAT өг / юрта деп / называемая чүве / вещь орта / там

тур=ган / стоять=PP

‘Когда посмотрел, чтобы разобраться, что случилось, (увидел), что стоит сооружение, называемое юртой.’

3.1.3. АК с частицами: Tv=*ar* боор ‘чтобы’

Целевая АК образуется в результате сочетания причастия будущего времени на =*ar* с грамматикализованной частицей *боор* от глагола *болур* ‘быть’.

(12) *Мен ышкаш багай кижилерниң-биле канчап тааржып чурттаар боор – дээн* [МЛПТ, 2010, с. 138].

мен / я ышкаш / COMP багай / бедный кижилер / человек силер=ниң.биле / вы=GEN.INSTR

канчап / как таарж=ып / подходить=CV чуртта=ар / жить=PrP боор / PRTCL дэ=эн сказать=PP

‘Я, такой бедный человек, как Вам подойду, [чтобы] жить [с Вами]? – сказал.’

3.2. Супин. Целевой инфинитив употребляется для выражения цели при глаголах движения. Представляет грамматикализованные АК двух структурных типов: а) АК, состоящие из сочетания глагола движения в форме причастия будущего времени на =*ar* с обязательным посессивным показателем 3-го л. =*ы* и послелого-аффикса *-биле* ‘с’; б) АК, состоящие из сочетания любого глагола в форме деепричастия на =*n* и глагола движения.

Tv_{дв.} =*ar=ы-биле*

(13) *Куш хааны часкыдан үндүрүг төледип эккээри-биле үндүрүг хавырыкчыларын чоруткан* [МЛПТ, 2010, с. 60].

куш / птица хаан=ы / хан=POSS3sg часкы=дан / летучая.мышь=ABL үндүрүг / налог төле=д=ип / платить=CAUS=CV эккэ=эр=и.биле / приносить=PrP=POSS3sg.POSTP үндүрүг / налог хавырыкчы=лар=ын / сборщик=PL=ACC чору=т=кан / идти=CAUS=PP

‘Хан птиц отправил сборщиков к летучей мыши, чтобы они принесли от нее дань.’

(14) *Читкен кижилер чанып келген деп медээни чедирери-биле мотоциклдиг кижилер халдып үнген* [К.-Э.К.Тк, 1984, с. 3].

чит=кен / исчезать=PP кижилер / человек чаны=п / идти.домой=CV кел=ген / AUX=PP деп / QOT медээ=ни / новость=ACC чедир=ер=и.биле / остигать=PrP=POSS3sg.POSTP мотоцикл=диг / мотоцикл=POSSV кижилер / человек=PL халды=п / скакать верхом=CV үн=ген / AUX=PP

‘Люди на мотоциклах **выехали, чтобы донести** новость, что пропавший человек вернулся домой.’

Tv=*n* + Vдв.

(15) *Түндө малын көрүп кылаштап жорып туру* [ВВР, 1866, с. 400].

Дүнде малын көрүп кылаштап чорып туру.

дүн=де / ночь=LOC мал=ын / скот=ACC көр=үп / смотреть=CV_n кылашта=п / ходить=CV чор=ып / AUX=CV тур=у / AUX=CV

‘Ночью за скотом посмотреть чтобы, пришел.’

(16) *Бир-ле катап Довураккай деп кижилер өргө-күске өлүрүп, ажы-төлүн, үш уруун, кадайын азыраар дээш чоруткаштын, ...* [МЛПТ, 2010, с. 82].

бир.ле / однажды катап / раз Довураккай / Довураккай деп / QUOT.именем кижилер / человек өргө.күске / суслик.мышь өл=үр=үп / убивать=CAUS= CV_n ажы.төлүн / дети үш / три уруу=у=н / девочка=POSS3=ACC кадай=ы=н / жена=POSS3=ACC азыра=ар / кормить=PrP дээш / POSTP чору=т=каш=тын / идти=CAUS=CV=GEN

‘Однажды человек по имени Довураккай **убивать** (охотиться) сусликов-мышей, чтобы прокормить своих трех дочерей и жену, **пошел...**’

(17) *Бүдүкпенниң хөөмей-сыгыды арга-каскакка чаңгыланы бээрге, ону дыңнап таалаан өөр бөлүк аңнар безин орук хажызынга дыңнааш тургулаптар* [МЛПТ, 2010, с. 200].

Бүдүкпен=ниң / Будукпен хөөмей.сыгыд=ы / хоомей.сыгыт=POSS3 арга.каскак=ка / лес.склон=DAT чаңгылан=ы / раздаваться=CV бээр=ге / AUX=DAT ону / его дыңна=п / слышать=CV_n таала=ан / наслаждаться=PP өөр / группа бөлүк / группа аң=нар / зверь=PL3 безин / даже орук / дорога хажы=зы=н=га / сторона=POSS3sg=INFIX=DAT дыңна=аш / слушать=CV тур=гула=пт=ар / AUX=ITER=PFV=PrP

‘Когда хоомей-сыгыт Будукпена в лесах на склонах эхом раздавался, его **чтобы послушать**, наслаждаясь, стаи зверей даже на обочине дороги слушали.’

Функцию целевого инфинитива (супина) у деепричастия на =*n* отмечал В.И. Рассадин для тофаларского языка [Рассадин, 1978, с. 199].

3.3. АК целевой коррекции. Особый вариант целевой конструкции выражает отрицание неверного понимания цели действия. С отрицательной частицей *эвес* ‘не’ сочетается глагол движения в главной предикативной единице (ГПЕ), в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) отрицания нет. Tv=*ar* дээш...Vдв. *эвес*

(18) *Маңаа бажың тудар дээш келген эвес мен* [МК-Л, 1980, с. 82].

маңаа / сюда бажың / дом туд=ар / строить=PrP дээш / POSTP чтобы кел=ген / приходиться=PP эвес / NEG мен / я

‘Сюда дом строить чтобы, не пришел я.’ ‘Я сюда пришел не для того, чтобы дом строить.’

(19) Алт.: *Мен сени тӧгунинди угарга алдырт=па=га=м* ‘Я не затем тебя позвала, чтобы слушать твою ложь’ (Анк.).

В алтайском языке в этом случае показатель отрицания =ба= принимает не инфинитив, а управляющий им глагол движения в ГПЕ.

3.4. Мотивированная цель действия. Средством выражения мотивированной цели: ‘с тем, чтобы’ являются скрепы =зын дээш; Tv=ар=ACC Vупр. Употребляются они при присоединении ЗПЕ сложного предложения, в которой мотивируется цель действия ГПЕ.

3.4.1. Tв=ар=ACC Vупр. ‘так, чтобы’

(20) *Семис-оолдуң чайлаанда сыңмарлажып хонган өглерниң бирээзин бодумнуң таламче кирип алырын кызыдып көргейн* [М.К.-Л., 1980, с. 82].

семис.оол=дуң / толстый.человек=GEN чайла=ан=да / проводить.лето.на.летнем.стойбище=PP=LOC сыңмарлаж=ып / толпиться=CV хон=ган / ночевать=PP.3sg өг=лер=ниң / юрта=Pl=GEN бирээ=зин / один.из.них=3pl бодум=нуң / я.сам=GEN тала=м=че / сторона=POSS1sg=LAT ки=ир=ип / входить=CV ал=ыр=ын / AUX=PrP=ACC кыз=ыд=ып / стараться=PFV=Cv көр=ейн /AUX=OPT

‘Как бы постараться так, чтобы бобыль заглянул в старое зимовье.’

3.4.2. Tв=ар=зын дээш ‘с тем, чтобы; пусть’

(21) *Көрдүңер бе, улус-ла силерни көрзүн дээш, чөптүг-шынныг херектерни улус мурнунга кыла бербөңер.ынчалзыңарза, Дээрде Адаңарның шаңналын албас силер* [Матф., 2011, с. 6:1].

көр=дү=ңер / смотреть=IMP=2pl бе / PRTCL улус.ла / люди.PRTCL силер=ни / вы=ACC көр=зүн / смотреть=IMP дээш / POSTP чтобы чөптүг.шынныг / справедливый.истинный херек=тер=ни / дело=Pl=ACC улус / люди мурнунга / перед кыл=а / делать=CV бер=бе=ңер / AUX=NEG=2pl

‘Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.’

(22) *Сени чизин, сени ишсин дээш, аалдан эккелген чүвем-дир ийин ...* [МЛПТ, 2010, с.126].

сени / ты.ACC чи=зин / есть=IMP сени / ты.ACC иш=син / пить=IMP дээш / POSTP.чтобы

аал=дан / аал=ABL эккел=ген / приносить=PP чүвем.дир / PRTCL ийин / PRTCL

‘Чтобы ты поел, попил, из аала принесла...’

3.5. Отрицательная целевая семантика. Выражается двумя структурными типами АК: причастными и деепричастными: 1) в причастных АК отрицание принимает первый компонент конструкции; 2) в деепричастных АК, в отличие от причастных, отрицание принимает второй компонент АК. Семантика таких конструкций – отрицание реального действия с целью предотвращения его негативных последствий.

3.5.1. Tв=бас дээш ‘чтобы не’

(23) *Часкы амытан караанга көзүлбес дээш, дуне чаптынын ужар болу берген* [МЛПТ, 2010, с. 62].

часкы / летучая.мышь амытан / живое.существо караанга / темный көзүл=бес / показываться=NEGPrP дээш / POSTP.чтобы дүне / ночью чаштын=ып / прятаться=CV уж=ар / летать=PrP бол=у / AUX=CV бер=ген / AUX.INH=PP

‘Летучая мышь, чтобы не показываться на глаза живым существам, стала прятаться и летать по ночам.’

3.5.2. Tв=п болбас ‘чтобы не’

(24) *Ооң уламы-биле хүндүс боорга, үгү кукуннуң караанга көстүп ужуп болбас, а дүне боорга, кукун үгүнүң караанга көстүп ужуп болбас болган төөгүлүг амытаннар чүвең иргин ийин* [МЛПТ, с. 68].

ооң / тот.GEN уламы.биле / еще.INSTR хүндүс / днем боорга / вероятно үгү / филин кукун=нун / ворон=GEN караанга / темный көстү=п / показываться=CV ужуп=п / летать=CV бол=бас / AUX=NEGPrP а / а дүне / ночью боорга / вероятно кукун / ворон үгү=нүң / филин=GEN караанга / темный көстү=п / показываться=CV ужуп=п / летать=CV бол=бас / AUX=NEGPrP бол=ган / быть=PP төөгүлүг / исторический амытан=нар / живое.существо=PL чүвең. / PRTCL. иргин. / PRTCL ийин / PRTCL

‘С тех пор Филин, чтобы не попасться на глаза Ворону, днем не летает, а как только наступает ночь, а Ворон, чтобы не попасться на глаза Филину, ночью не летает – вот такая история этих существ, оказывается.’

3.6. АК с семантикой перегринатива. Перегринатив ‘идти (куда-либо) с целью совершить там действие (R)’ [Мельчук, 1998, с. 414; Майсак, 2005, с. 152], как одна из граммем проспективно-

го аспекта [Comrie, 1976, p. 64–65; Плунгян, 2011, с. 385], – целевого проспектива [Мальцева, 2014, с. 42–43], – в тувинской грамматике не выделяется. Но в тувинском языке, как и в других тюркских языках, широко используется стратегия образования отыменных глаголов, обозначающих движение. Семантика последних связана с исходной семантикой имен существительных, от которых они образованы [ГТЯ, 1961, с. 257–263]. Словообразовательная структура таких глаголов имеет вид: ‘имя существительное (N) + вербализатор (VBLZ): =ла= / =ле= с фонетическими вариантами =на= / =не, =та= / =те=, =да= / =де=’: *ырла-* ‘петь’ (*ыр* ‘песня’), *эмне* ‘лечить’ (*эм* ‘лекарство’), *хунне* ‘светить’ (*хун* ‘солнце’).

На наш взгляд, данный вербализатор можно рассматривать как источник грамматикализации *перегринатива* в тувинском языке. Имя существительное с инкорпорированной семантикой перегринатива образует глагол ориентированного движения ‘идти с целью совершить действие’ (условно назовем его *перегринативным* глаголом (VBLZ.PER), в глоссах (PER). Образованный таким образом глагол, принимая форму деепричастия на =п, сочетается с последующим глаголом движения и образует бивербальную грамматикализованную целевую АК, скомбинированную с перегринативной конструкцией. Структурная схема АК имеет следующий вид:

$TvPER=CV_n + Vдв.$

(25) *Шаанда шагда Эдер-куйлар баарынга чайлаар аалдардан бир аныяк кижги ыяштап эккээр дээш чоруткан чүве-дир* [МЛПТ, 2010, с. 88].

шаанда / давно шагда / давно Эдер.куй=лар / Эдер.пещера=PL баарынга / перед чайлаар / летник аал=дар=дан / аал=PL=ABL бир / один аныяк / молодой кижги / человек ыяш=та=п / дрова=PER=CV_n эккэ=эр / приносить=PrP дээш / POSTP.чтобы чору=т=кан / пошел= CAUS =PP чүве.дир / PRTCL

‘Давным-давно один молодой человек из аала на летнике напротив пещер Эдер пошел за дровами.’

(26) *Аңчы-даа боозун алгаш, диңнеп чорупкан* [МЛПТ, 2010, с.122].

аңчы.даа / охотник.PRTCL боо=зу=н / ружье=POSS3Sg=ACC ал=гаш / братъ=CV диң=не=п / белка=PER =CV_n чору=п=кан идти=PFV=PP

‘И охотник свое ружье взял, белковать пошел.’

(27) *Кежээ аңнап чорупкан* [МЛПТ, 2010, с.128].

кежээ / вечером аң=на=п / зверь=PER=CV_n чору=п=кан /идти=PFV=PP

‘Вечером охотиться пошел.’

(28) *Мен суглап эккээйн – дээш, суглап чоруй барган* [МЛПТ, 2010, с.152].

мен / я суг=ла=п / вода=PER=CV эккэ=эйн / приносить=IMP дээш / POSTP.чтобы суг=ла=п / вода=PER =CV_n чору=й / идти=CV бар=ган / AUX=PP

‘Я за водой пойду, принесу, сказал, пошел за водой.’

В.В. Шилова [Шилова, 2002, с. 255–270] ненецкие отыменные глаголы движения назвала глаголами с инкорпорированной целью движения. Этой же точки зрения придерживается В.С. Барыс-Хоо, исследовавшая глаголы движения в тувинском языке [Барыс-Хоо, 2005, с. 41–47].

Выводы. Рассмотренные АК с глаголами, выражающими ориентацию в пространстве, представляют собой результат грамматикализации глаголов движения и позиции в их составе. В тувинском языке АК с семантикой движения к цели формируются не только глаголами движения и перемещения в физической сфере. Компонент движения может выявляться в семантике самых разных слов. Языковая концептуализация ситуации видения, направления вербального действия, чувственного или слухового восприятия опирается на метафору движения. Конструкции с перегринативным значением движения по направлению к цели являются источником грамматикализации формы целевого проспектива.

Литература

Барыс-Хоо В.С. Глаголы с инкорпорированной семантикой цели движения в современном тувинском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 16. – Новосибирск, 2005. – С. 41–47.

Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961.

Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции. – М., 2005.

Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2007.

Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М., 2005.

Мальцева А.А. Пути и темпы грамматикализации морфем с семантикой начала действия в чукотско-

корякских языках // Системные изменения в языках России: тез. докл. межд. науч. конф. – СПб., 2014. – С. 41–44.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. – Т. 2, ч. 2: Морфологические значения. – М.; Вена, 1998.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М., 2011.

Рассадин В. В. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.

Чугунцова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения: автореф. дис... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1998.

Шамина Л.А. Аналитические конструкции с семантикой множественности деятеля / действия в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 4. – Новосибирск, 1998. – С. 153–163.

Шамина Л.А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. – Новосибирск, 2010.

Шилова В.В. Семантическая классификация глаголов движения ненецкого языка // *Linguistica Uralica*. – 2002. – С. 255–270.

Comrie B. Aspect. An introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. – Cambridge University Press, 1976.

Talmy L. Semantics and syntax of motion // *Syntax and semantics*. – Vol / 4. Ed. by J Kimball. – New York: Academic Press, 1975.

Источники примеров

Анк. – Анкетные материалы

ВВР – В.В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. – СПб., 1866.

ГТЯ – Грамматика тувинского языка. – М., 1961.

КК, Уйгу, мт – К.-Э. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. – Мөңгүн том. – Кызыл, 1989.

К.-Э.К. Тк – К.-Э. Кудажы. Танды кежи. – Кызыл, 1984.

М.К-Л – Монгуш Кенин-Лопсан. Чылгычының өө. – Кызыл, 1980.

Матф. – Матфейнин бижээни Буянныг Медээ // Ыдыктыг Библия. – М., 2011. – С.1334.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев. – Новосибирск, 2010.

РТС – Русско-тувинский словарь. – М., 1953; 1980.

Грамматические значения в глоссах и структурных схемах

1,2,3 – лицо; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **AUX. INH** – инхоатив; **CAUS** – каузатив; **COMP** – компаратив; **CV_n** – деепричастие на =*n*; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **IMP** – императив; **INF** – инфинитив; **INFIX** – инфикс; **INSTR** – инструменталис; **ITER** – итератив; **LAT** – латив; **LOC** – локатив; **NEG** – отрицание; **NEGPrP** – отрицательное причастие =*бас*; **OPT** – оптатив; **PARTCL** – частица; **PASTV_{fin}** – финитная форма прошедшего времени на =*ды*; **PERS** – персональность; **PL, pl** – множественное число; **POSS** – посессивный показатель; **POSTP** – послелог; **PFV** – перфектив; **PRES** – настоящее время; **PrP** – причастие настоящее-будущего времени на =*ар*; **PRTCL** – частица; **PP** – причастие прошедшего времени; **RITM** – ритмический вид; **SG, sg** – единственное число; **TV** – основа глагола; **QUOT** – цитационный маркер; **PER** – **перегринатив**; **VBLZ** – вербализатор; **Вдв.** – глагол движения; **Вупр.** – управляющий глагол.

Другие сокращения

ЗПЕ – зависимая предикативная единица; **ГПЕ** – главная предикативная единица; **ПЕ** – предикативная единица.

L.A. Shamina

Analytical Constructions with the meaning of «movement towards the goal» in Tuvan

Summary: In the hierarchical structure of verbs, the verb *čor* = 'go, move' is considered to be the most important among the verbs of motion, and as for the verbs of position, preferential role is given to the verb *tur* = 'stand'. Because of their abstract nature, these auxiliary verbs are capable of forming analytical constructions (AC) for describing a wide range of phenomena of reality. For this reason they serve for expressing the verb orientation in the structure of AC. Grammaticalization of AC with the verbs of motion results into the constructions with the meaning of purpose and peregrinative.

Keywords: analytical construction, verbs of motion, grammaticalization, the purpose of motion, prospective, peregrinative.

С.И. Шарина

Основные особенности верхнеколымского говора эвенского языка

В статье предпринимается попытка выявления основных особенностей ранее не описанного языка верхнеколымских эвенов. Наряду с характерными для говоров западного наречия отличиями при детальном рассмотрении в говоре обнаруживаются грамматические особенности, не типичные для других эвенских диалектов, что должно быть учтено при отнесении данного говора к определенным наречиям.

Ключевые слова: эвенский язык, диалекты и говоры, верхнеколымский говор, особенности.

Изучение исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера, документация и лингвистическое описание их диалектного и культурного разнообразия является одним из приоритетных направлений гуманитарных исследований. При решении данной задачи касательно эвенского языка внимание должно быть сосредоточено на наименее разработанных аспектах изучения, таких, как описание диалектов и говоров, их состава и классификации. Благодаря проведенным ранее изысканиям, сегодня мы имеем материалы, собиравшиеся разными исследователями в течение нескольких веков.

Впервые один из диалектов эвенского языка (арманский) был зафиксирован достаточно давно, еще в 40-е гг. XVIII в. Я.И. Линденау. В «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа (1787–1789 гг.) представлены материалы по двум эвенским диалектам – ольскому и охотскому. В материалах экспедиции И. Биллингса (1795 г.) зафиксированы образцы речи среднеколымских эвенов. С середины XIX в. эвенский язык стал изучаться более активно. Материалы, собранные Г. Майделем и Ю. Штубендорфом в 1860–1870-е гг., опубликованные А. Шифнером, содержат краткое описание языка охотских и анадырских эвенов. В 1895 г. В.Г. Богораз собрал материалы у эвенов, расселенных в бассейне р. Омолон.

Далее на протяжении двадцатого столетия проводятся систематические исследования по многим эвенским диалектам и говорам. Изыскания, принятые в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века в масштабе всей страны, были связаны с началом культурного строительства на Севере. Описанием эвенских диалектов и сбором материалов занимались известные ныне исследователи В.И. Цинциус, В.И. Левин, К.А. Новикова, Л.В. Соболевский, Л.Д. Ришес. В последующие годы появились многочисленные работы диалектологического направления В.Д. Лебедева, В.А. Роббека, Х.И.

Дуткина, А.А. Бурькина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, В.С. Ермолаевой, Р.П. Кузьминой.

Несмотря на то, что усилиями исследователей Санкт-Петербурга, Якутии собраны и опубликованы обширные и интересные материалы по многим диалектам и говорам эвенского языка, определенные эвенские говоры еще не получили достаточно полного освещения в литературе, некоторые из них не имеют системного описания. К ним относится и верхнеколымский говор.

Верхнеколымский говор распространен среди эвенов, проживающих в Верхнеколымском районе Якутии. В существующих классификациях как отдельная единица данная языковая формация была выделена А.А. Бурькиным только в 2004 г. под названием «верхнеколымский диалект» [Бурькин, 2004, с. 76].

В марте 2014 г. в Верхнеколымском улусе Республики Саха (Якутия) работала экспедиция Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, основной целью которой являлся сбор лингвистических материалов по верхнеколымскому говору эвенского языка, по возможности – запись эвенского фольклора из этого района Якутии. Как мы отметили выше, Верхнеколымский район до сих пор не обследован эвеноведами-диалектологами. Материалы по верхнеколымскому говору в исследованиях по эвенскому языку отсутствуют, в публикациях не отмечаются ни тексты, ни образцы бытовой речи, не встречаются материалы даже в виде иллюстративных примеров. О лексических особенностях говора можно судить лишь по составленному А.А. Бурькиным и изданному в 2003 г. варианту «Эвенско-русского словаря», подготовленного Н.И. Спиридоновым-Теки Одулоком в 1930–1931 гг. [см.: Спиридонов, 2003].

В ходе экспедиции были зафиксированы образцы бытовой речи, диалога, повествовательных текстов, произведена запись лексических единиц

и фразовых примеров к ним, уточнено значение отдельных словоформ. К сожалению, не удалось зафиксировать фольклорные материалы. По результатам работы экспедиции описаны система гласных фонем верхнеколымского говора [Кузьмина, 2014] и состав гласных фонем [Шарина, 2015].

Информанты, с которыми работала экспедиция, – люди старшего и пожилого возраста: самому молодому из носителей более 60 лет, самому пожилому – около 80. Эвенская молодежь родным языком не владеет, не понимает его, не говорит на нем.

Всего в Верхнеколымском районе проживают 4715 человек, из них 72 эвена (1,5% всего населения). По данным наших информантов, по всему Верхнеколымскому району эвенским языком владеют всего около 10 человек (13,8%). Эвенский язык как предмет преподают в двух школах, где изучают эвенский язык 23 ученика.

В ходе выборочного анкетирования, проведенного в марте 2014 г., были выявлены следующие результаты. Основным языком коммуникативного общения респондентами выбран якутский язык. Однако большинство респондентов подчеркивает, что языком общения в дошкольном возрасте был и эвенский язык. Степень владения эвенским языком участники оценивают неоднозначно, подчеркивают отсутствие языковой среды, незнание устного народного творчества и прочее. Таким образом, верхнеколымский говор с социолингвистической точки зрения относится к одному из наиболее неблагополучных говоров эвенского языка. Поэтому документация его материалов имеет важное значение для лингвистической науки. По результатам работы с информантами – жителями Верхнеколымского района, можно сделать вывод об основных особенностях, характерных для верхнеколымского говора.

К основным фонетическим признакам верхнеколымского говора относятся следующие:

1) частичная спирантность, отсутствие звуко-типа [с] и наличие фарингального согласного [h] в некоторых словах: уһи 'веревка', биһитэн 'находятся', эһэм утулда 'не понимаю'. Однако в речи информантов фиксируется и обратное, в середине и конце некоторых слов сохраняется звукотип [с]: аси 'женщина', бисэн 'находится', көсчидэй 'пасти оленей', далси 'вкусный', авса 'сумка', һас 'знаете'. Для говоров же западного наречия характерна полная спирантность – наличие фарингального согласного [h] во всех позициях;

2) метатеза конечного -с и гласного последнего слога: бөксэ 'лед', эксэ 'рыбья чешуя' (в восточных говорах – соответственно бөксэ, эксэ, в западных – бөһкэ, эһкэ). Данный вариант в других говорах и диалектах не зафиксирован;

3) наличие, как и во всех западных говорах, переднеязычного [д] после сонорных согласных: улдэ (в восточных говорах – улрэ) 'мясо', нанда (в восточных говорах – нанра) 'шкура';

4) весьма яркое редуцирование (ы-образное произношение) гласных [а], [э]. По нашим данным, в верхнеколымском говоре редуцированные гласные [ä] и [ë] отличаются тем, что гласный [э] имеет более переднюю артикуляцию, чем задний [а], т.е. ведущим признаком здесь является признак ряда (табл. 1).

Таблица 1

Произношение гласного [а]

Верхнеколымский	Литературный	Значение
амӑн	амьн	отец
гиркӑддӑн	гиркаддьн	шагает
тарӑкӑм	таракьм	тогда

В произношении представителей верхнеколымского говора гласный [э] во всех позициях произносится как ы-образный гласный смешанного ряда (табл. 2);

Таблица 2

Произношение гласного [э]

Верхнеколымский	Литературный	Значение
эмӑр	эмьр	острый
эрӑгӑр	эрэгьр	всегда
бӑргӑ	бэргь	жирный

5) выпадение (синкопа) и отпадение (апокопа) кратких гласных звуков в непервых слогах. Это связано с образованием несложных и сложных слов, например: оран 'олень' – оруич 'от оленя', муран 'конь, лошадь' – муруич 'от коня', тэти 'пальто' – тэттэй 'надевать пальто'. Апокопа наблюдается при образовании сложных слов: эррочин 'вот такой' от эр 'этот' + урэчин 'похожий'.

В области морфологии верхнеколымский говор, как и все говоры западного наречия, характеризуется наличием только одной формы личного местоимения 1 л. мн. ч. мут «мы». Самостоятельные формы притяжательных местоимений 1 и 2-го лица отсутствуют, вместо них используются личные местоимения, например: Би абагабу

аманни, энинни иланмяр оралкан нулгибатти эбэн бэйлли бичэл. 'Моего деда отец, мать были кочевыми эвенами с тридцатью оленями'. *Ии гяс нёка гу?* 'Твой муж якут?'

Образование форм множественного числа от форм типа *оран*, *муран* сопровождается усечением конечного [н] основы: *ора-л* 'олени', *мура-л* 'лошади'.

В говоре неупотребительны направительно-местный и направительно-продольный падежи, вместо которых используются послеложные конструкции: *Оралчимул окат холилин нулгуччэл*. 'Однажды оленеводы вдоль берега реки кочевали'.

Характерные для некоторых говоров западного наречия метатизированные формы притяжения 2-го и 3-го л. мн. ч. -һын~-һнын, -тын ~ тнын в говоре не отмечаются.

В говоре фиксируются обе детерминативные формы *бэйди* и *мэнкэн* 'сам, сами', имеющие лично-выделительное значение, указывающее на непосредственное участие в произведении действия самого производителя. Однако в речи информантов первая форма оказалась наиболее употребительна, например: *Би бэйди һананаддам*. 'Я сама шью'. *Би бэйди мэл хэдеврэм*. 'Я сама просто так исполняю хэде'.

В верхнеколымском говоре отмечена модель числительных второго десятка, содержащая послелог *ойдун* 'сверху'. Конструкция строится следующим образом: *мян ойдун өмэн* 'одиннадцать' (досл.: десять, сверху один), *мян ойдун дөр* 'двенадцать' (досл.: десять, сверху два); *мян ойдун илан* 'тринадцать' (досл.: десять, сверху три) и т.д. Этот способ образования числительных второго десятка характерен для диалектов бассейна Индигирки (западное наречие).

В говоре фиксируется наличие увеличительных и уменьшительных форм собирательных числительных, которые используются для дополнительной оценки количества считаемых предметов: *илничэмэн* 'всего троих', *илниндевен* 'целых трех', *дыгничэмэн* 'всего четверых', *дыгниндеван* 'целых четверых' и т.п. Распределительные числительные, кроме общепринятых форм *илатал* 'по три, по трое', *дыгэтэл* 'по четыре, по четверо', представлены также формами *илаталди*, *дыгэтэлди*.

Формы 2-го лица единственного числа глаголов настоящего и будущего времени в эвенском языке имеют личный суффикс *-ни*, в верхнеколымском говоре этот личный суффикс имеет вид *-нини*, например: *оуанни* 'станешь', *бисинни* 'являешься'.

В рассматриваемом говоре формы 2-го лица мн. числа настоящего и будущего времени глаголов образуются при помощи личного суффикса *-с*, например: *һа-с* 'вы знаете', *һөр-ди-с* 'вы уйдете', тогда как в западных говорах вместо звукогипа [с] используется фарингальный согласный [һ].

В области глагола говор характеризуется следующими особенностями. В верхнеколымском говоре преобладает выражение прошедшего времени с помощью причастных форм прошедшего времени с суффиксом *-ча/-чэ-* и лично-притяжательными суффиксами, при этом формы 3-го лица ед. и мн. числа не имеют личных показателей, а формы множественного числа имеют суффикс числа *-л*, например: *эмчэс* 'ты пришел', *эмчэлсэн* 'вы пришли', *эмчэ* 'он пришел', *эмчэл* 'они пришли'. В речи информантов отмечаются также формы прошедшего времени на *-ри*: *улэлэри* 'я работала', *муда-кри* 'я закончил', *эмритэн* 'они приехали'.

Настоящее время 3-го л. ед ч. от основ на гласный образует форму *бөн* 'дает' (в восточных диалектах – *бөрэн*), прошедшее время – *бөчэ* 'дал'.

В формах 2-го лица ед. числа 1-го повелительного наклонения от основ глаголов с конечным *-н* согласный основы выпадает, например: *гө-ли* 'скажи', ср.: *и-ли* 'входи'. В говоре отмечаются формы 1-го лица мн. числа 1-го повелительного наклонения с суффиксом *-галда/-гэлдэ*, например: *һэдэгэлдэ* 'давайте танцевать хэде', *некэлдэ* 'давайте сделаем'. Формы 1-го повелительного наклонения 2-го лица мн. числа имеют два параллельных варианта *-лда/-лдэ* и *-лилда/-лилдэ*, например: *гөлдэ* и *гөлилдэ* 'скажите!'. При этом между двумя данными вариантами какая-либо смысловая разница отсутствует.

Формы средневозвратного залога, которые образуются от основ глаголов посредством присоединения суффикса *-б-//-н*, например: *бэридэй* 'потерять' – *бэриптэй* 'потеряться', *бактай* 'найти' – *бакаптай* 'найтись', *эмэндэй* 'оставить' – *эмэптэй* 'остаться', употребляются более активно, нежели аналогичные формы в восточных диалектах, при этом формы средневозвратного залога представлены не только в личных формах глаголов, но и в причастных и деепричастных формах.

Среди форм длительности/многократности действия в говоре отличается особой активностью форма *-гра-/-грэ-//-гара-/-гэрэ-//-ура-/урэ-*: *укчэндэй* 'рассказать' – *укчэнгэрэдэй* 'рассказывать', *хэдедэй* 'станцевать' – *хэденгэрэдэй* 'танцевать'. Примеры: *Хэйэк улдэвен эстэ дебгэрэр*.

'Медвежье мясо не кушают'; *Чукачан икэмутэн долчими, би хоч-хоч өрэнчигрэрэм*. 'Птиц пение слушаю, я очень-очень восторгаюсь'.

Для верхнеколымского говора, в отличие от других западных говоров, характерно весьма частотное употребление формы обычного действия на *-ват/-вэт*: *нюмариваттам* 'стыжусь (обычно)', *төрэвэттэ* 'говорят (обычно)'.
 В говоре обнаружено бытование формы *-йат/-йэт*, имеющей некую эмоциональную окраску, показывающую определенную симпатию, жалость к субъекту совершаемого действия, например, в верхнеколымском говоре: *Энэе, ай бэй оуанни гөникэн һиргэчэл, гудеил, тарит һөрйатчал*. 'Богатым, хорошим человеком будешь, говоря, благ пожелали, бедные, потом ушли.'

В верхнеколымском говоре также часто употребляется одновременное деепричастие с суффиксом *-никан/-никэн*, например: *Уйбан эньми нямичаман туһут һэпкэниди, бөчэ*. 'Иван важенку матери солью (приманив), поймав, отдал.' *Анипчал улдэнуур инникан һөрдэвур бэлэмнэччэл*. 'Подаренное мясо (свое), уходя, подготовили для носки на спине.'

В верхнеколымском говоре также часто употребляется одновременное деепричастие с суффиксом *-ниси-*, например: *Куна биңсиву эвэдыт төрэгрэриб*. 'Когда я была ребенком, по-эвенски говорила'; *Дялбу биһиңситэн нулгэниңсит*. 'Когда были живы родители, кочевали.'

В говоре не прослеживается употребление причастия недавнопрошедшего времени с суффиксом *-мат/-мэт* и причастия давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла/-тлэ*.

Какие-либо особенности наречий, как части речи, в говоре не усматриваются.

В лексике верхнеколымского говора не обнаруживаются диалектизмы, отмечаемые в крайне-западных говорах, однако в речи некоторых информантов встречается слово *нолима* 'нарта'. Выявлены слова, не отмеченные в словарях, например, *дянтан* 'горит', а также употребление слов в другом значении, например, *хэйэк* в значении 'медведь' и др., а также обнаружено довольно много заимствований из якутского языка.

Итак, из источников становится заметно, что верхнеколымский говор эвенского языка проявляет некоторые отличия от тех языковых формаций, которые известны в литературе, как восточное и западное наречие. Приведенные отличия и особенности стоят как бы между восточным и западным наречиями и должны быть учтены при отнесении данного говора к языковой формации под названием «среднее наречие». Дальнейшие исследования здесь могут дать новые, более полные и надежные данные не только в отношении ареала распространения говора, но и существующей классификации.

Литература

Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб: Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.

Кузьмина Р.П. Система гласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2014. – №12 (90). – С. 64–66.

Спиридонов Н.И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / сост. А.А. Бурькин. – Якутск, 2003. – 57 с.

Шарина С.И. Состав согласных фонем верхнеколымского говора эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №1, ч. I. – С. 204–206.

S.I. Sharina

The main features of the Verkhnekolymsky sub-dialect of Even language

The paper attempts to identify some of the features of the language of the Verkhnekolymsky Even people, which have not been previously described in the scientific publications. Verkhnekolymsky sub-dialect demonstrates along with the typical for western sub-dialects differences some peculiar grammatical features that are not typical for other Even dialects. This fact should be taken into account when this sub-dialect is attributed to certain dialects.

Keywords: the Even language, dialects and sub-dialects, Verkhnekolymsky sub-dialect, features.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Анна Семеновна Ларионова

(К 60-летию со дня рождения)

Заслуженный ветеран Сибирского отделения Российской Академии наук, заведующая сектором якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, док-

тор искусствоведения, доцент по специальности «искусствоведение» (2009 г.) Анна Семеновна Ларионова родилась 2 июня 1955 г. в г. Якутске в семье ученых. Её бабушка, Анна Алексеевна Иванова – кандидат исторических наук, профессор ЯГУ; мама, Роза Харлампьевна Ларионова, – кандидат сельскохозяйственных наук; дядя, Владимир Харлампьевич Иванов-Унаров – кандидат искусствоведения; тетя, Иванова-Унарова Зинаида Ивановна – профессор, известный искусствовед, заслуженный деятель РФ. Анна Семеновна является членом «Династии педагогов Республики Саха (Якутия)».

В 1972 г. она закончила общеобразовательную школу № 123 и детскую музыкальную школу № 2 г. Новосибирска, а в 1976 г. – Якутское музыкальное училище. В 1984 г. после учебы на теоретико-композиторском факультете Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки она работала преподавателем теоретических дисциплин в Якутском музыкальном училище, а затем

старшим редактором литературно-музыкальных передач на Гостелерадио ЯАССР.

В 1991 г. она поступила в Институт гуманитарных исследований и под руководством доктора искусствоведения Э.Е. Алексеева написала кандидатскую диссертацию по теме «Жанрово-тематическая классификация песен стиля дэгэрэн ырыа», которую успешно защитила в 1996 г. В 2003 г. Анна Семеновна закончила докторантуру в Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки с представлением докторской диссертации на тему «Проблемы взаимодействия музыки и слова в якутском дьэирэтии ырыа», которую она успешно защитила 22 июня 2005 г.

В 2011 г. Анна Семеновна возглавила сектор якутского фольклора. Важной частью её научно-организационной деятельности является собственно исследовательская работа. Она – автор трех монографий и учебника, а в целом ею написано более 100 научных статей, опубликованных в различных российских и зарубежных издательствах.

Так, в монографии «Дэгэрэн ырыа (песенная лирика якутов)» (Новосибирск, 2000) ею проведена жанрово-тематическая классификация якутских народных песен, а в монографии «Вербальное и музыкальное в якутском дьэирэтии ырыа» (Новосибирск, 2004) рассмотрена связь музыки и слова. В 2012 г. в г. Саарбрюккен (Германия) издана ее монография «Напевы якутского героического эпоса олонхо: типологические и символические аспекты». Все работы сопровождаются нотными расшифровками.

Анна Семеновна принимала участие в издании 27-го тома «Якутские народные сказки» се-

рии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 2008), для которого она написала статью «Музыка якутских сказок». Она также исследует вопросы взаимовлияния в музыке якутского, соседних этносов и русских старожилов Якутии.

Она – участница различных проектов по грантам РФФИ и РГНФ. Так, в «Своде Заявки якутского героического эпоса олонхо на Третье Провозглашение шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества», составленном для ЮНЕСКО в 2005 г., Анна Семеновна раскрыла музыку олонхо. В историко-культурном атласе «Якутия. Природа. История. Этнография. Современность», вышедшем в 2007 г., она осветила тему якутской народной песни. А в альманахе «Сокровища культуры Якутии» из серии «Памятники Отечества», вышедшем в 2011 г., ею представлена статья по традиционной музыке якутов.

За годы работы в институте А.С. Ларионова не только организовывала конференции и семинары, но и выступала с докладами на республиканских, региональных, всероссийских и международных конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Улан-Удэ и др.). В рамках международных связей Анна Семеновна в 2010 г. выступала с лекциями в Гарвардском университете (США, штат Массачусетс, г. Кембридж).

Последнее время А.С. Ларионова работает над темой НИР «Песенная традиция якутов: текстологические и типологические аспекты», которую она разрабатывает в общем ключе деятельности руководимого ею сектора. Следует отметить, что 14 апреля 2015 г. защитили кандидатские диссертации молодые сотрудники сектора: Надежда Васильевна Павлова и Надежда Анатольевна Оросина.

Наряду с научной деятельностью, она занимается педагогической работой. С 2005 г. она преподаёт теоретические дисциплины на кафе-

дре теории и истории музыки ВШМ РС(Я). Для Саха государственной педагогической академии она разработала курс «Специализация: музыкальное образование» для V и VI годов обучения студентов-заочников факультета педагогики и методики начального образования, на основе которого в 2014 г. издала учебник «Якутский музыкальный фольклор» в двух частях (Якутск, 2014).

Анна Семеновна – член диссертационных советов по языкознанию и литературоведению.

В знак признания заслуг она награждена дипломом Министерства образования РФ и Института имени Кеннана при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Д. Джона и Т. Кэтрин Макартуров, почетными грамотами Министерства культуры ЯАССР, Верховного Совета ЯАССР, Департамента по высшей школе и науке при Правительстве Республики Саха (Якутия), Министерства науки и профессионального образования Республики Саха (Якутия) и Сибирского отделения Российской академии наук. А.С. Ларионова также отмечена знаком «За заслуги в области науки» Государственного комитета по инновационной политике и науке РС(Я).

Анну Семеновну отличают последовательность взглядов, принципиальность. В свободное время она любит путешествовать, в круг ее интересов входит театральное и музыкальное искусство. Анна Семеновна – верный друг, счастливая мама и бабушка.

Поздравляем Анну Семеновну с юбилеем, желаем ей большого счастья, новых успехов в исследованиях и обучении подрастающего поколения. Уважаемая Анна Семеновна! Будьте счастливы, успешны и здоровы!

О.И. Чарина,

*к.ф.н., с.н.с. сектора якутского фольклора,
ИГИиПМНС СО РАН*

Федор Николаевич Дьячковский

(К 50-летию со дня рождения)

8 января 2015 г. исполнилось 50 лет Федору Николаевичу Дьячковскому – кандидату филологических наук, заведующему сектором лексикологии ИГиИПМНС СО РАН.

Федор Николаевич родился 8 января 1965 г. в г. Якутске. После окончания Балыктахской

средней школы Мегино-Кангаласского района Якутской АССР в 1983–1985 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1985 г. поступил на факультет иностранных языков Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова. По окончании учебы в 1990–1991 гг. работал учителем немецкого языка в Момском улусе. В 1992–1993 гг. – младший научный сотрудник ИЯЛИ ЯФ СО РАН, в 1993–1996 гг. – аспирант АН РС(Я), в 1997–2009 гг. – научный сотрудник отдела языкознания, толкового словаря якутского языка ИГи АН РС(Я), ИГиИПМНС СО РАН, с 2009 г. – заведующий сектором лексикологии ИГиИПМНС СО РАН.

Федор Николаевич – специалист по лексикологии и лексикографии якутского языка. В 1997 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Лексическая полисемия непроизводных имен прилагательных в современном якутском языке (системно-семантический аспект)». Полисемия является одной из центральных, наиболее значимых проблем лексической семантики в якутском языкознании, но в должной мере еще не изученных. Якутский язык наделен богатой полисемией, ярко проявляющейся в художественной и разговорной речи. Ф.Н. Дьячковский – автор более 50 научных статей, опубликованных не только в России, но и за рубежом: «Экспликация этнонимов языка саха в переводе акад. О.Н. Бетлингга “Воспоминаний” А.Я. Уваровского»

(Якутск, 2001); «О семантическом взаимоотношении имени прилагательного с именами существительными (на материале якутского языка)» (Якутск, 2002); «О видах многозначности слов» (Якутск, 2003); «Lexical and Semantic Group of Adjectives Denoting Space Dimensions and Coordinates in Modern Yakut» (Altai Nakpo 21: 125–132. The Altaic Society of Korea); «Лексико-семантический уровень репрезентации концепта “судьба” (на материале олонхо “Кыыс Дэбилийэ” Н.П. Бурнашева)» (М.; Рига, 2012); «Адъективная лексика в системе якутского языка» (О.Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии (Якутск, 2013); «Некоторые отличия в семантике качественных и относительных прилагательных в системе якутской адъективной лексики» (Тамбов, 2013); «Семантическая структура лексемы *тымныы* в якутском языке» (Уфа, 2013); «Семантическое варьирование прилагательных вкусообозначения в якутском языке» (Ростов-на-Дону, 2014); «Алаас как концепт якутской лингвокультуры» (М., 2014) и др. Он является соавтором «Большого толкового словаря якутского языка» (Т. II, III, V, VI. – Новосибирск, 2005, 2006, 2008, 2009), «Немецко-русско-якутского фразеологического словаря» (М., 2001).

Федор Николаевич активно участвует в организации и проведении международных, всероссийских и республиканских научных конференций, а также в проектах различных грантов РГНФ и ГЦП РС(Я): РГНФ Проект РГНФ № 08-01-79700 е/т «Эвенки Северо-Запада Якутии в период трансформации российского общества: выживание, адаптация, развитие» (2009 г.) – исполнитель; ГЦП РС(Я) «Лингвокультурный концепт “судьба” в эпическом тексте (на материале олонхо “Кыыс Дэбилийэ”» (2011 г.) – исполнитель; ГЦП РС(Я) «Редактирование и подготовка к печати русско-якутских, якутско-русских терминологических словарей по предметам школьного обучения “Обществознание”, “История”, “Окружающий мир”, “Технология”, “Лингвистика”, “География”, “Местное самоуправление”, “Делопроизводство”, “Менеджмент”»; исполнитель проекта по созданию национального корпуса якутского языка (координатор – В.Ю. Гусев (Москва)).

Активно участвовал в международных, всероссийских, республиканских конференциях, в том числе очно в гг. Москва, Новосибирск, Уфа.

Ф.Н. Дьячковский сотрудничает с вузовской наукой: по инициативе кафедры философии СВФУ им. М.К. Аммосова участвовал в организации и проведении междисциплинарной конференции «Природа и культура», рецензирует учебные программы по лексикологии якутского языка кафедры якутской филологии ИЯиКНСВ РФ СВФУ, магистерские и дипломные работы студентов-выпускников Институтов зарубежной филологии и регионоведения, языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, авторефераты кандидатских диссертаций, учебное пособие «практикум по грамматике немецкого языка» ИЗФиР, выступает официальным оппонентом кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02 «Языки народов РФ (якутский язык)».

Ф.Н. Дьячковский был членом Общественного экспертного совета по применению законодательства о СМИ при Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по РС(Я), является экспертом Всероссийской научно-социальной программы для молодежи и школьников «Шаг в будущее».

Сектор лексикологии, которым заведует Федор Николаевич, в рамках НИР института работает по научной фундаментальной теме «Лексико-фразеологическое исследование якутского языка». За пять лет работы сектора защищены две кандидатские диссертации, издано десять терминологических словарей по отраслям науки: обществознание, история, делопроизводство, менеджмент, лингвистика, местное самоуправление, география, окружающий мир, национальная культура, опубликованы две монографии сотрудников сектора.

Признанием заслуг Федора Николаевича в развитии якутского языкознания являются следующие награды: «Благодарность» вице-президента РС(Я) (2011 г.), Почетная грамота Президиума РАН и профкома РАН (2012), почетный знак Госкомитета по инновационной политике и науке РС(Я) «За вклад в развитие науки» (2015).

Много внимания Ф.Н. Дьячковский уделяет общественной деятельности, он является председателем профсоюза ИГиИПМНС СО РАН.

*А.М. Николаева,
к.ф.н., н.с. сектора лексикологии
ИГиИПМНС СО РАН*

ИНФОРМАЦИЯ

УДК 001.102

В.В. Рыкова, Л.А. Мандрина

Информационное сопровождение научных исследований в гуманитарной сфере (опыт ГПНТБ СО РАН)

Одно из главных направлений деятельности ГПНТБ СО РАН – информационное сопровождение научных исследований в области естественно-научного и гуманитарного знания в сибирском и дальневосточном регионах. Отделом научной библиографии (ОНБ) ГПНТБ СО РАН созданы библиографические и полнотекстовые базы данных (БД), содержащие более 1 000 000 записей, которые являются основой информационно-библиографического комплекса, призванного помочь специалистам в решении задач информационной поддержки научных исследований.

Информационно-библиографический комплекс состоит из следующих элементов:

- 1) ретроспективные базы данных (БД) и указатели литературы (фундаментальные, библиографические, сводные каталоги);
- 2) БД с текущим пополнением и текущие библиографические пособия;
- 3) полнотекстовые БД;
- 4) аналитические и реферативные обзоры;
- 5) библиометрический анализ БД и документальных потоков.

Формирование информационно-библиографического комплекса ГПНТБ СО РАН, являющегося составной частью обширной сибирской библиографии, имеет более чем полувековую историю [Мандрина, 2009]. За это время произошли значительные перемены в технологии подготовки библиографических пособий. Если в 60–80-е гг. XX в. текущие и ретроспективные указатели литературы создавались вручную на базе карточек, то к концу 90-х, в связи с процессами компьютеризации библиотеки, коренным образом изменился подход к подготовке библиографических пособий: сначала генерируются проблемно-ориенти-

рованные БД, а на их основе в автоматизированном режиме формируются указатели литературы.

Начало XX в. ознаменовалось внедрением информационных технологий во все сферы общественной жизни, что привело к новому этапу развития информационно-библиографического комплекса. Все БД стали доступны широкому кругу пользователей Интернета. Полнотекстовые БД, формирование которых ведется в ГПНТБ СО РАН, стали одним из самых востребованных ресурсов.

Начата работа по включению информации об электронных публикациях из удаленных ресурсов Интернета, что позволяет оптимизировать структуру БД путем организации системы гиперссылок от библиографических описаний на полные тексты источников [Рыкова, 2014а]. Таким образом, идет процесс постепенного трансформирования библиографических БД в полнотекстовые за счет присоединения гиперссылок на полные тексты удаленных источников информации.

Основную часть современного информационно-библиографического комплекса ГПНТБ СО РАН составляет система проблемно-ориентированных БД и библиографических указателей на их основе, которые являются документальной ресурсной базой исследований и включают информацию о научной, справочной, научно-производственной литературе, представляющей интерес для научных работников, аспирантов, специалистов, студентов вузов. БД и указатели создаются на основе: обязательного экземпляра отечественной литературы, единственным получателем которого в Сибири является ГПНТБ СО РАН; иностранной литературы, поступающей в библиотеку по Международному книгообмену и покупаемой за валюту; вторичной библиографической

информации; удаленных ресурсов Интернета, находящихся в свободном доступе.

Все документы имеют полное библиографическое описание, географическую рубрику, перевод к зарубежным публикациям. Каждый документ индексируется в соответствии с разработанным рубрикатором. Литература выборочно аннотируется. В аннотациях раскрывается географический регион, уточняется предмет исследований, обосновывается индексация документов. Полное описание всей библиографической продукции ОНБ представлено на сайте [отдела http://www.spsl.nsc.ru/o-biblioteke/osnovnye-strukturnye-podrazdeleniya/otdel-nauchnoj-bibliografii/informacionno-bibliograficheskaya-produkciya/](http://www.spsl.nsc.ru/o-biblioteke/osnovnye-strukturnye-podrazdeleniya/otdel-nauchnoj-bibliografii/informacionno-bibliograficheskaya-produkciya/).

В данной работе мы остановимся на ресурсах собственной генерации ГПНТБ СО РАН, касающихся гуманитарной сферы научных исследований (таблица).

Ретроспективные библиографические БД

ГПНТБ СО РАН создает фундаментальные библиографические БД по гуманитарной тематике с ретроспективой 100–200 лет, в которых собраны публикации от начала возникновения проблемы: Библиографические пособия по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в. –) с текущим пополнением; История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке (XVII в. – 1975; 1997–) с текущим пополнением; Литература о Новосибирской области (начало XX в. – 2005 г.); Освоение Сибири (XIX в. – 2000 г.). Кроме БД, имеются также печатные указатели, которые созданы на их основе.

БД «История книги...» – уникальная источниковедческая база, позволяющая осуществлять информационное сопровождение книговедческих исследований на современном научном уровне. В настоящее время БД «История книги...» является самым полным сводом библиографической информации по сибирскому и дальневосточному книговедению. На основе ПОБД в 2001–2002 гг. был издан двухтомный библиографический указатель «История книги Сибири и Дальнего Востока», содержащий информацию о публикациях с начала XIX в. по 1975 г. Материалы за 1994–2007 гг. представлены в указателе, изданном в 2011 г.

Особо следует сказать о БД «Библиографические пособия...», которая является «лоцманом» в море региональной библиографической информации, предоставляя пользователю сервисы для быстрого и качественного поиска нужных публика-

ций. БД содержит сведения о библиографических изданиях и списках по региону за период с появления первых библиографических работ в XIX в. по настоящее время. Рубрикатор БД включает разделы гуманитарных отраслей знания: наука, история, культура, литература, искусство, религия и др.

Сводные каталоги

Среди фундаментальных ретроспективных БД важное место занимают электронные сводные каталоги, которые ГПНТБ СО РАН создает в соответствии с «Программой развития ретроспективной национальной библиографии Российской Федерации» (на период до 2020 г.), которая рассматривает систему ретроспективной национальной библиографии в стране как совокупность информационных ресурсов национального значения. В перечень основных проектов Программы включен «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1918–1930», работа над которым будет завершена в 2015 г. Первый том каталога издан в 2014 г. На сайте ГПНТБ СО РАН выставлены два сводных каталога: «Периодические и продолжающиеся издания Сибири и Дальнего Востока (1789–1995 гг.)»; «Сибирская и дальневосточная книга (XVIII в. – 1917 г.)». Последний каталог имеет печатный аналог, изданный в 2004–2005 гг.

Биобиблиографические БД

Формирование информационной базы биобиблиографических ресурсов является одним из направлений работы ГПНТБ СО РАН. Биобиблиографические ресурсы – необходимый компонент пропаганды достижений сибирской науки, важная часть информационного сопровождения научных направлений СО РАН, а также значимое звено в изучении истории науки.

Биобиблиографические БД и пособия как разновидности библиографической продукции объединяют в себе библиографическую информацию о публикациях в печати определенного лица, документы и биографические сведения о нем. Сочетая в себе исторические данные с ретроспективной библиографической информацией, они играют значительную роль в развитии современной науки и культуры.

ОНБ созданы 11 биобиблиографических БД, из которых четыре посвящены ученым, занимающимся вопросами гуманитарных отраслей знания (библиотечного дела, библиографоведения, информатики): Б.С. Елепову, Н.С. Карташову, О.Л. Лаврик, Е.Б. Соболевой. Все биобиблиографические БД имеют печатные аналоги.

Система проблемно-ориентированных БД и библиографических указателей по гуманитарным наукам

БД ОНБ ГПНТБ СО РАН	Указатели литературы на основе БД
Ретроспективные БД	
Библиографические пособия по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в.)	Указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку [1969–2010]. Новосибирск, 2007, 2008, 2012.
ГПНТБ СО РАН (1988–2002 гг.)	Государственная публичная научно-техническая библиотека Российской академии наук (1988–2002 гг.). Новосибирск, 2005.
История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке (XVII в.)	История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 2001, 2002, 2011.
Литература о Новосибирской области (начало XX в. – 2005 г.)	
Поляки в Сибири (1989 г. –)	
Устойчивое развитие Новосибирской области (1990–2005 гг.)	
Освоение Сибири (XIX в. – 2000 г.)	
Сводные каталоги	
Периодические и продолжающиеся издания Сибири и Дальнего Востока [1789–1997 гг.].	Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего Востока [1789–1990 гг.] Новосибирск, 1989, 1996.
Сибирская и дальневосточная книга (1790–1917 гг.) Периодические и продолжающиеся издания Сибири и Дальнего Востока. 1789–1995 гг.	Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг. В 3 т. Новосибирск, 2004–2005.
Библиографические БД	
Елепов Борис Степанович (публикации 1969 г.)	Борис Степанович Елепов. Новосибирск, 2012.
Карташов Николай Семенович (публикации 1958–2003 гг.)	Николай Семенович Карташов – библиотечный деятель, ученый, педагог. Новосибирск, 2003.
Лаврик Ольга Львовна (публикации 1987 г.)	Ольга Львовна Лаврик. Новосибирск, 2013.
Соболева Елена Борисовна (публикации 1969–2009 гг.)	Елена Борисовна Соболева. Новосибирск, 2010.
Текущие БД	
Научная Сибирика: природа, история, экономика, культура, наука Сибири и Дальнего Востока	История Сибири и Дальнего Востока. 3 вып./год Наука в Сибири и на Дальнем Востоке. 1 вып./год Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока. 3 вып./год Экономика Сибири и Дальнего Востока. 3 вып./год. Устойчивое развитие природы и общества Сибири и Дальнего Востока (1992–1997 гг.)
Полнотекстовые БД	
Каталоги библиотек русской армии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)	Указатель каталогов военных библиотек русской армии (вторая половина XIX – начало XX века). Новосибирск, 2010.
Управление наукой и инновациями в современных экономических условиях (1998 г.)	
Научные мероприятия РАН (1988 г.)	
Научные мероприятия РАН по гуманитарным наукам (1991 г.)	
Электронные книги в ГПНТБ СО РАН	

БД с текущим пополнением и текущие указатели литературы

В 2011 г. в ГПНТБ СО РАН была сформирована БД «Научная Сибирика», в которую в качестве разделов вошли восемь прежде самостоятельных проблемно-ориентированных БД: История Сибири и Дальнего Востока; Экономика Сибири и Дальнего Востока; Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока; Природа и природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, Проблемы Севера; Наука в Сибири и на Дальнем Востоке; Коренные малочисленные народы Севера; Устойчивое развитие природы и общества. Каждый раздел БД «Научная Сибирика» имеет свой рубрикатор. Материалы первых шести разделов БД издаются в виде текущих указателей с одноименными названиями. Периодичность указателей – 3–6 выпусков в год, кроме указателя «Наука», который является ежегодником.

Бытует мнение, что текущие указатели не нужны, т.к. есть БД. Нам кажется это мнение неправомерным:

– не все подписчики указателей имеют возможность пользоваться БД, и указатели для них на данный момент времени – самый удобный вариант для получения нужной информации;

– текущие указатели литературы включены в крупнейшую базу периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory;

– на указатели сохраняется стабильный спрос в рамках международного книгообмена;

– указатели поступают в крупнейшие библиотеки мира, в том числе Библиотеку Конгресса США, Британскую библиотеку и др.;

– указатели имеют свое «лицо», их знает пользователь, они выставляются на книжных ярмарках, научных мероприятиях.

Например, ВИНТИ, несмотря на то, что все реферативные журналы (РЖ) представлены в виде БД, не отказывается от бумажных вариантов РЖ.

Аналитические и реферативные обзоры

Первые обзоры по развитию сибирской библиографии за 1969, 1970–1971 гг. вышли в тематических сборниках ГПНТБ СО РАН, посвященных анализу состояния библиографии Сибири и Дальнего Востока [Лебедева, 1973, Состояние ..., 1974]. Позже они стали выходить отдельными брошюрами раз в пять лет, в которых дана характеристика библиографических пособий по регионам Азиатской России, вышедших в свет за соответствующий период. Материалы по гуманитарным наукам

в данных обзорах сосредоточены в разделах «История», «Литература» и т.д. С 2008 г. аналитические обзоры сибирской библиографии включены в указатели «Библиографические пособия по Сибири и Дальнему Востоку» [Лукьянова, 2012].

В конце 70-х гг. в ГПНТБ СО РАН была введена новая форма информирования – дифференцированное обслуживание руководителей (ДОР) по комплексной проблеме «Организация и управление наукой». Основным видом информационной продукции ДОР стали реферативные обзоры, которые с 1998 г. представлены в полнотекстовой БД «Управление наукой и инновациями в современных экономических условиях» [Перегаева, Балуткина, 2006]. БД выставлена в свободном доступе на сайте библиотеки.

Полнотекстовые БД

Необходимость оптимизации информационного обслуживания ученых и специалистов на основе современных компьютерных технологий обуславливает появление технологически новых информационных продуктов. Это, прежде всего полнотекстовые БД, которые являются весьма востребованным информационным продуктом.

В ГПНТБ СО РАН формирование полнотекстовых БД ведется несколькими путями:

– сканирование печатных изданий (например: «Каталоги библиотек русской армии» (вторая половина XIX в. – 1917 г.), «Оцифрованные издания из фондов ГПНТБ СО РАН», «Научные конференции СО РАН по гуманитарным наукам»);

– представление в библиографических БД полных текстов документов, размещенных в Интернете (например: Научные конференции РАН) [Перегаева, Балуткина, 2013];

– формирование полнотекстовой БД на основе материалов ДОР (дифференцированное обслуживание руководителей) (об этом сказано в предыдущем разделе).

Анализ документальных потоков БД

В процессе совершенствования информационно-библиографического обслуживания ученых и специалистов создание БД стало сопровождаться библиометрическим (логико-статистическим) анализом потоков документов по отдельным актуальным проблемам с целью определения наиболее острых направлений развития научного знания [Мандригина, 2001; Перегаева, 2010].

Библиометрические исследования представляют собой информационный продукт обзорно-аналитического характера, дающий представление о

временной, видовой, тематической, языковой структуре ДП (документальный поток), отражающий вклад отдельных научных коллективов и ученых в разработку конкретной проблемы, показывающий наиболее продуктивные периодические и весомые монографические издания в данной области научного знания, основные районы полевых работ и тематику конференций, симпозиумов, рабочих встреч, касающихся данной проблематики.

Сотрудниками отдела научной библиографии были проведены библиометрические исследования БД «История книги в Сибири и на Дальнем Востоке», «Сибирская и дальневосточная книга», «Освоение Сибири», «Коренные малочисленные народы Севера», «Поляки в Сибири», «Устойчивое развитие Новосибирской области», «Управление наукой и инновациями в современных экономических условиях» [Мандригина, 2012; Мандригина, Быструшкина, 2013; Рыкова, 2009; Перегоедова, Маркова, 2005; Перегоедова, 2006; Перегоедова, Балуткина, 2006], которые позволили подтвердить актуальность тематики БД, определить степень разработанности отдельных тем, получить данные о количественной и качественной динамике документальных массивов.

Анализ больших по объему проблемно-ориентированных БД – процесс очень трудоёмкий, поэтому выделяются и анализируются также документальные потоки по отдельным направлениям исследований [Маркова, 1996; Мандригина, Мамонтова, 2008; Рыкова, 2012, 2014б; Состояние ..., 2003].

В заключении следует отметить, что материалы, информация о которых представлена в БД и библиографических пособиях, можно найти на сайте библиотеки www.spsl.nsc.ru (опции «Ресурсы и услуги» → «Электронные каталоги и БД» → «Библиографические БД ГПНТБ СО РАН», «Библиографические БД», «Полнотекстовые БД»). Все издания пользователь может получить по межбиблиотечному абонементу в электронной или традиционной форме, так как литература, на основе которой создается комплекс, хранится в фондах ГПНТБ СО РАН или библиотек сети (за исключением тех, которые получены из вторичных источников информации).

Информационно-библиографический комплекс ресурсов собственной генерации ГПНТБ СО РАН по гуманитарным наукам предоставляет пользователям широкие возможности получения библиографической и полнотекстовой информа-

ции по региональным проблемам научных исследований в Сибири и на Дальнем Востоке.

Литература

Лебедева А.И. Сибирская библиография в 1969 году (обзорная статья) // Состояние и перспективы развития библиографии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 303–373.

Лукьянова Е.И. Состояние сибирской библиографии. 2006–2010 гг.: обзор // Указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку (2006–2010 гг.). – Новосибирск, 2012. – С. 289–310.

Мандригина Л.А. Библиометрические исследования документальных потоков по актуальным направлениям НИР Сибирского отделения РАН: итоги и перспективы // Материалы VI научной сессии ГПНТБ СО РАН (9–10 нояб. 2000 г.). – Новосибирск, 2001. – С. 44–51.

Мандригина Л.А. Проблемы истории поляков в Сибири: анализ документопотока материалов научных мероприятий (на основе баз данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН) // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: мате. междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2013. – С. 524–532.

Мандригина Л.А. Развитие библиографии в ГПНТБ СО РАН (к 50-летию отдела научной библиографии) // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 51–55.

Мандригина Л.А. Электронный сводный каталог сибирской и дальневосточной книги (1918–1930 гг.) как фундаментальная справочная база по истории книги // Труды Международного библиографического конгресса (21–23 сент. 2010 г.). – СПб., 2012. – Ч. 3. – С. 307–312.

Мандригина Л.А., Быструшкина В.А. Проблемно-ориентированная база данных ГПНТБ СО РАН «История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке» как электронный инструмент для библиометрических исследований по книговедению // Труды ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2013. – Вып. 4. – С. 223–238.

Мандригина Л.А., Мамонтова В.А. Деятели литературы и искусства Сибири и Дальнего Востока: изучение информационного потока библиографических материалов в БД ГПНТБ СО РАН «Библиографические пособия по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в. – 2007 г.)» // Роль ГПНТБ СО РАН в развитии информационно-библиотечного обслуживания в регионе (к 90-летию ГПНТБ СО РАН, 50-летию в составе Сибирского отделения РАН) : тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2008. – С. 110–112.

Маркова В.С. Характеристика отечественного документального потока литературы по национальным отношениям в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 2. – С. 106–109.

Перегаедова Н.В. Библиометрические исследования информационных потоков по комплексным и межотраслевым проблемам в гуманитарных отраслях научного знания (опыт ГПНТБ СО РАН) // Библиосфера. – 2010. – № 4. – С. 69–73.

Перегаедова Н.В. Устойчивое развитие Новосибирской области и г. Новосибирска: проблемы формирования и использования, библиометрический анализ документального потока // Документальные базы данных: создание и использование. – Новосибирск, 2006. – С. 157–169.

Перегаедова Н.В., Балуткина Н.А. База данных ГПНТБ СО РАН по проблеме «Управление наукой и инновациями в современных экономических условиях» как источник информации о создании, функционировании и развитии технопарковых структур: опыт библиометрического анализа документального потока // Документальные базы данных: создание и использование. – Новосибирск, 2006. – С. 169–177.

Перегаедова Н.В., Балуткина Н.А. Полнотекстовые базы данных в структуре информационных ресурсов собственной генерации: проблемы формирования, использование (опыт ОНБ ГПНТБ СО РАН) // Труды ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2013. – Вып. 4. – С. 208–215.

Перегаедова Н.В., Маркова В.С. Проблемно-ориентированная база данных «Освоение Сибири»: формирование, использование, библиометрический ана-

лиз // Библиотечные ресурсы региона. – Новосибирск, 2005. – С. 236–244.

Рыкова В.В. База данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН «Коренные малочисленные народы Севера»: характеристика, анализ документопотока // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 90–95.

Рыкова В.В. Полнотекстовые ресурсы удаленного доступа как источник библиографирования (опыт ГПНТБ СО РАН) // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития. – Киев, 2014а. – Вып. 12. – С. 123–128.

Рыкова В.В. Религиозные представления коренных народов Севера: анализ документального потока // Религия в истории народов России и Центральной Азии: матер. II Междунар. конф. – Барнаул, 2014б. – С. 342–345.

Рыкова В.В., Горте Ю.Д. Угорские народы Западной Сибири: анализ потока документов из БД «Коренные малочисленные народы Севера» // Человек и Север: антропология, археология, экология: матер. Всерос. конф. – Тюмень, 2012. – Вып. 2. – С. 273–276.

Состояние и перспективы развития библиографии Сибири и Дальнего Востока / ред. И. П. Шешенин. – Новосибирск, 1974. – 400 с.

Состояние и развитие основных направлений научных исследований: библиометрический анализ / ред. Е.Б. Соболева. – Новосибирск, 2003. – 182 с.

УДК 332.1

Л.Е. Винокурова

Круглый стол «Комплексное изучение развития территорий: исторический опыт и современные подходы»

26–28 ноября 2014 г. в Республике Саха (Якутия) состоялась Международная научно-практическая конференция «Арктика: перспективы устойчивого развития». Организаторами были Правительство Республики Саха (Якутия), Министерство по федеративным и внешним связям РС(Я), Департамент по делам народов РС(Я), ГАУ «Центр стратегических исследований РС(Я), международная неправительственная организация северных регионов «Северный форум».

В работе конференции участвовали представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов законодатель-

ной, исполнительной власти и местного самоуправления субъектов РФ, ведущих научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран, а также общественных организаций.

В рамках конференции состоялись круглые столы: «Комплексное изучение развития территорий: исторический опыт и современные подходы»; «Арктическая модель устойчивого развития: новый взгляд»; «Человеческий потенциал и качество жизни населения Арктики»; «Арктика: технологии энергетического и коммунального комплекса»; «Внедрение информационно-коммуникационных технологий в Арктике»; «Сохранение традицион-

ного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности народов Арктики»; «Инновации в арктическом строительстве»; «Транспортная мобильность, опыт организации и схемы завоза грузов в Арктике»; «Арктический туризм»; «Экология и развитие минерально-сырьевой базы».

Конференция наметила ожидаемые результаты: создание интеллектуальной площадки для обсуждения вопросов развития арктических территорий; разработка предложений по стратегическому управлению, долгосрочному социально-экономическому планированию в арктических территориях и эффективному международному сотрудничеству в Арктике; выработка практических рекомендаций по научному исследованию тенденций социально-экономического развития арктических территорий и предложений по стандартам и мониторингу качества жизни населения, проживающего в условиях арктической зоны; обмен опытом, современными знаниями и технологиями, адаптированными к применению в условиях Арктики; выявление лучших практик сохранения традиционных видов деятельности коренных народов Севера и развития туризма.

В работе круглого стола «Комплексное изучение развития территорий: исторический опыт и современные подходы» (совместно с СВФУ им. М.К. Аммосова в рамках научно-практической конференции «Адаптация общества и человека арктических регионов в условиях изменения климата и глобализации») приняли участие представители России, Финляндии, Японии.

Постоянный представитель РС(Я) при Президенте РФ А.А. Стручков в качестве основного модератора открыл заседание круглого стола. Он отметил, что Северо-Восточные регионы и тихоокеанское побережье России всегда представляли большой интерес для отечественных исследователей. В XVII в. были осуществлены Первая и Вторая Камчатские экспедиции. В XIX в. большие исследования Севера и Востока Сибири выполнил член Петербургской академии наук А.Ф. Миддендорф. По инициативе председателя СНК ЯАССР М.К. Аммосова с 1925 по 1930 г. Российской академией наук была организована I Якутская научно-исследовательская экспедиция по изучению производительных сил Якутии. Её целью было изучение не только природы, но и человека, его экономического и социального положения. В современный период привлечение лучших представителей научного и экспертного сообщества,

применение передовых научных технологий может обеспечить качественно новое развитие отдельных регионов Арктики.

Председатель Президиума ЯНЦ СО РАН, директор Института физико-технических проблем Севера СО РАН, д.т.н., чл.-корр. РАН, профессор М.П. Лебедев в докладе «Вторая комплексная научная экспедиция Российской академии наук по изучению экономического и человеческого потенциала РС(Я) 2015–2020 гг. Якутия – регион нового развития» подчеркнул, что стратегической целью этого огромного по важности и масштабам проекта является научное обоснование долгосрочных стратегических направлений, приоритетов и сбалансированных сценариев развития производительных сил, транспорта и энергетики РС(Я), обеспечивающих инновационное и динамичное развитие экономики, совершенствование пространственной организации, рост уровня и повышение качества жизни населения на основе эффективного использования ее природно-экономического потенциала и конкурентных преимуществ.

М.А. Минкин, д.г.-м.н., генеральный директор ОАО «Фундаментпроект», Ф.М. Ривкин, д.г.-м.-н., начальник отдела ОАО «Фундаментпроект» (г. Москва) в своем докладе отметили, что специализированная геоинформационная картографическая модель инженерно-геологических условий представляет собой систему специализированных карт, характеризующую территорию РФ с точки зрения как обеспеченности инженерно-геологической (геокриологической) информацией для территориального планирования и рационального природопользования, так и уровня сложности для строительного освоения и проявления опасных природных процессов.

М.М. Черосов, д.б.н., зав. лабораторией популяционной ботаники Института биологических проблем криолитозоны СО РАН, завкафедрой Института естественных наук СВФУ им. М.К. Аммосова; Л.А. Пестрякова, д.г.н., г.н.с. СВФУ им. М.К. Аммосова осветили комплексные эколого-географические исследования арктических территорий Якутии (опыт биоэкологического мониторинга по программе развития СВФУ 2011–2014 гг., основные результаты и дальнейшие планы). Докладчики подчеркнули, что данный опыт, а также некоторые концептуальные результаты изучения современных компонентов тундровых экосистем в дальнейшем можно использовать для изучения других регионов Крайнего Севера

РФ в ходе комплексной экспедиции республики, запланированной в XXI в.

А.А. Пахомов, д.э.н., заместитель председателя президиума ЯНЦ СО РАН, А.И. Чомчоев, в.с. ЯНЦ СО РАН, сделали доклад «Возврат России к мировому лидерству по инновационным технологиям в Арктике – веление времени»

На круглом столе обсуждались проблемы здоровья населения РС(Я) и пути их решения. П.Г. Петрова, д.м.н., профессор, академик АН РС(Я), директор Медицинского института СВФУ им. М.К. Аммосова; В.Г. Кривошапкин, д.м.н., профессор, академик АН РС(Я), советник ректора СВФУ им. М.К. Аммосова; д.б.н. Б.М. Кершенгольц считают, что для оценки здоровья человека на Севере необходимо проводить комплексное изучение клинико-функциональных и клинико-социальных показателей, особенностей адаптивных процессов, состояния соматического, психического и генетического статуса и факторов окружающей среды, формирующих здоровье населения с учетом современного социально-экономического развития общества.

Л.Е. Винокурова, к.и.н., с.н.с., А.Д. Винокуров, лаборант сектора истории Якутии ИГи-иПМНС СО РАН рассмотрели материалы «Комиссии Академии наук по изучению производительных сил ЯАССР (1925–1930 гг.)», хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Так, в филиале архива РАН имеется фонд 47 «Якутская комплексная экспедиция АН СССР» в пяти описях: «Материалы научно-производственного характера. Административно-организационные вопросы. Личный состав, штаты. Хозяйственные, финансовые вопросы, сметы. Научно-исследовательские вопросы и др.» (1175 дел); «Рукопись и иллюстрации 1925–[19]29 гг.» (224 дела); «Картографические и диаграммные материалы 1925–1933 гг.» (72 дела); «Личные дела» участников экспедиции (240 дел); «Дневники и другие документы полярного исследова-

теля Н.А. Бегичева за 1915–1935 гг.» (34 дела). В этом фонде отложился разнообразный документальный материал по различным проблемам рассматриваемой темы.

Е.Л. Воробьевская, к.г.н., с.н.с. кафедры рационального природопользования географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в докладе «Комплексный подход к поиску путей устойчивого развития территорий: анализ природопользования – от теории к практике» отметила, что предложенный подход к анализу природопользования и реализация путей его оптимизации могут способствовать переходу изучаемых территорий к сбалансированному развитию и превращению их в модельные территории инновационных преобразований в природопользовании.

Также на круглом столе были заслушаны доклады: Торо Мустонена, президента организации «Сноучейндж» («Снежный покров»), исследователя Арктики (Финляндия), – «Исследования снежных покровов отдельных районов Республики Саха (Якутия)»; Тацузава Широ, профессора университета Хоккайдо (Япония), – «Практический мониторинг дикой природы и международное сотрудничество на Севере».

Участники круглого стола высказались за комплексные научные исследования на территории Якутии с выделением, согласно принятой в республике схеме экономического районирования, пяти основных зон: Арктической, включая шельфовую зону, Центрально-Якутской, Южно-Якутской, Западно-Якутской, Восточно-Якутской. Основными направлениями комплексных научных исследований должны быть повышение качества жизни в условиях Крайнего Севера, разработка и внедрение здоровьесберегающих технологий, формирование конкурентоспособности региональной экономики и научно-технологического развития и создание диверсифицированного промышленного комплекса на базе местных сырьевых и энергетических ресурсов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Анатолий Николаевич – докт. ист. наук, проф., директор ИГИиПНМС СО РАН, secretar@igi.ysn.ru

Антонов Егор Петрович – канд. ист. наук, завсектором истории Якутии ИГИиПНМС СО РАН, antegor@yandex.ru

Боякова Сардана Ильинична – докт. ист. наук, завсектором арктических исследований ИГИиПНМС СО РАН, boyakova@mail.ru

Бравина Розалия Иннокентьевна – докт. ист. наук, проф., завсектором археологии ИГИиПНМС СО РАН, bravinari@bk.ru

Васильев Валерий Егорович – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИиПНМС СО РАН, valera_305@mail.ru

Васильев Илья Эдуардович – н.с. Музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПНМС СО РАН, basharin_museum@mail.ru

Васильева Дора Егоровна – докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПНМС СО РАН, litved@mail.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна – канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПНМС СО РАН, lilivin@mail.ru

Винокурова Людмила Егоровна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора истории Якутии ИГИиПНМС СО РАН, ludavin@yandex.ru

Грязнухина Марианна Эдуардовна – м.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПНМС СО РАН, gryaznyhina-mari@mail.ru

Егоров Петр Михайлович – канд. полит. н., м.н.с. сектора этносоциологии ИГИиПНМС СО РАН, epm77@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич – докт. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПНМС СО РАН, spiridon_ivanov@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – канд. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПНМС СО РАН, haar-haar@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна – канд. ист. наук, завсектором этносоциологии ИГИиПНМС СО РАН, v_ignat@mail.ru

Кириллина Мария Афанасьевна – канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИиПНМС СО РАН, makirillina@mail.ru

Кузьмина Айталиа Ахметовна – канд. филол. наук, н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПНМС СО РАН, aitasakha@mail.ru

Мандринина Людмила Андреевна – с.н.с. отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, mandrinina@spsl.nsc.ru

Максимова Татьяна Прокопьевна – ст. лаб. сектора арктических исследований ИГИиПНМС СО РАН, taniamaksimova@mail.ru

Николаева Альбина Михайловна – канд. филол. наук, н.с. сектора лексикологии ИГИиПНМС СО РАН, aliasams@rambler.ru

Оконешников Егор Иннокентьевич – докт. филол. наук, с.н.с. сектора лексикологии ИГИиПНМС СО РАН, egorokon@mail.ru

Петров Пантелеймон Пантелеймонович – канд. ист. наук, завмузеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПНМС СО РАН, basharin_museum@mail.ru

Романова Лидия Николаевна – канд. филол. наук, завсектором литературоведения ИГИиПНМС СО РАН, litved@mail.ru

Рыкова Валентина Викторовна – с.н.с. отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, onbryk@spsl.nsc.ru

Самсонова Тамара Петровна – канд. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГиИПНМС СО РАН, litved@mail.ru

Слепцов Петр Алексеевич – докт. филол. наук, г.н.с. сектора лексикографии ИГиИПНМС СО РАН, dimamon92@mail.ru

Сулейманов Александр Альбертович – канд. ист. наук, н.с. сектора арктических исследований ИГиИПНМС СО РАН, alexas1306@mail.ru

Чарина Ольга Иосифовна – канд. филол. наук, с.н.с. сектора якутского фольклора ИГиИПНМС СО РАН, ochar@list.ru

Шамина Людмила Алексеевна – докт. филол. наук, г.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, shamina_la@mail.ru

Шарина Сардана Ивановна – канд. филол. наук, завсектором эвенской филологии ИГиИПНМС СО РАН, sarshar@mail.ru

Ширина Данара Антоновна – докт. ист. наук, проф., г.н.с. сектора арктических исследований ИГиИПНМС СО РАН, taniamaksimova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Information about authors

Alekseev Anatoly Nikolaevich – Ph.D. in History, D.Sc., Professor, Director Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, secretar@igi.ysn.ru

Antonov Egor Petrovich – Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, antegor@yandex.ru

Boyakova Sardana Ilinichna – Ph.D. in History, D.Sc., Head of Arctic Research Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, boyakova@mail.ru

Bravina Rozaliya Innokentevna – Ph.D. in History, D.Sc., Professor, Head of Archaeology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, bravinari@bk.ru

Vasiliev Valery Egorovich – Ph.D. in History, Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, valera_305@mail.ru

Vasiliev Ilya Eduardovich – Research Fellow, Museum of History the Academic Science in Yakutia named after G.P. Basharin, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, basharin_museum@mail.ru

Vasilieva Dora Egorovna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Vinokurova Liliya Innokentyevna – Ph.D. in History, Leading Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, lilivin@mail.ru

Vinokurova Ludmila Egorovna – Associate Professor, Ph.D. in History, Senior Researcher, History of Yakutia Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ludavin@yandex.ru

Gryaznukhina Marianna Eduardovna – Research Fellow, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, gryaznyhina-mari@mail.ru

Egorov Petr Mikhailovich – Ph.D. in Political, Research Fellow, Ethnosociology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, epm77@mail.ru

Ivanov Spiridon Alekseevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, spiridon_ivanov@mail.ru

Ivanova Nina Innokentevna – Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, haar-haar@mail.ru

Ignateva Vanda Borisovna – Ph.D. in History, Head of Ethnosociology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, v_ignat@mail.ru

Kirillina Mariya Afanasevna – Ph.D. in Philology, Research Fellow, Study of Literature, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, makirillina@mail.ru

Kuzmina Aitalina Akhmetovna – Ph.D. in Philology, Research Fellow, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, aitasakha@mail.ru

Mandrinina Ludmila Andreevna – Senior Researcher, Department of Scientific Bibliography of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, mandrinina@spsl.nsc.ru

Maksimova Tatyana Prokopevna – Assistance Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, taniamaksimova@mail.ru

Nikolaeva Albina Mikhailovna – Ph.D. in Philology, Research Fellow, Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, aliasams@ranbler.ru

Okoneshnikov Egor Innokentevich – Ph.D. in Philology, D.Sc., Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, egorokon@mail.ru

Petrov Panteleimon Panteleimonovich – Ph.D. in History к Head of Museum of History the Academic Science in Yakutia named after G.P. Basharin PhD in History, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, basharin_museum@mail.ru

Romanova Lidiya Nikolaevna – Ph.D. in Philology, Head of Study Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Rykova Valentina Viktorovna – Senior Researcher Department of Scientific Bibliography of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, onbryk@spsl.nsc.ru

Samsonova Tamara Petrovna – Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Study Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, litved@mail.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Professor, Ph.D. in Philology, D.Sc., Study Literature Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, dimamon92@mail.ru

Suleimanov Aleksandr Albertovich – Ph.D. in History Research Fellow, Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, alexas1306@gmail.com

Charina Olga Iosifovna – Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Yakut Folklore Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, ochar@list.ru

Shamina Ludmila Alekseevna – Ph.D. in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Siberian Indigenous Languages Department, Institute of Philology, Russian Academy of Science, Siberian Branch, shamina_la@mail.ru

Sharina Sardana Ivanovna – PhD in Philology, Head of Even Philology Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, sarshar@mail.ru

Shirina Danara Antonovna – Professor, PhD in History, D.Sc., Senior Researcher Arctic Researches Department, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, taniamaksimova@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках **на название работы** или **на фамилию автора и год издания** с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно **указать УДК**.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-50537
от 06 июля 2012 г.

Адрес редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редколлегии: igi@ysn.ru

Подписано в печать 20.04.2015.

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 17,0. Уч.-изд. л. 14,75. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69
